

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 4, № 3
2017

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 4, № 3
2017

Проблемы
постсоветского
пространства

Научный журнал

Т. 4, № 3
2017

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 4, № 3
2017

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Евгений Петрович Бажанов**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджеи Вержбицки**, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Виктор Александрович Глебов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Давыдов**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к.п.н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Геннадий Владимирович Косов**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к.п.н., Институт экономики РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Николай Павлович Медведев**, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Татьяна Николаевна Мозель**, д.п.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан

- **Владимир Михайлович Платонов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукуралиева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 года (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Подписано в печать:

29.09.2017

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

- **Sergej S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry

EDITORIAL BOARD

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrei G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Institute of Economics (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia
- **Tatjana N. Mozel**, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Vladimir M. Platonov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Semenov A.V.**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

- **Andrej I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine

- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland

- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”

Printing house: “Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Signed for printing: 29.09.2017

© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики..... 184

Марк А. Неймарк

Политика Китая на постсоветском пространстве.

Инициатива «Один пояс — один путь» 202

Юлия М. Борисова

Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу 210

Илья С. Рожков

Политика Ирана в Каспийском регионе

на современном этапе: итоги и перспективы 221

Вахид Хоссейнзаде

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**«Большая Евразия»: интересы и возможности России
при взаимодействии с Китаем 229**

Елена М. Кузьмина

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Ethnicity and Power in the Soviet Union 240

Andrzej Wierzbicki

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь 256

Флюра И. Храпцова

Участие церковных организаций в международных отношениях 265

Николай В. Алексеев

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS

In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy	184
---	------------

Mark A. Neymark

Chinese Policy in Post-Soviet States. «One Belt – One Road Initiative»	202
---	------------

Yuliya M. Borisova

In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy	210
---	------------

Ilya S. Rozhkov

Iran's policy in the Caspian region at the present stage: results and prospects	221
--	------------

Vahid Hosseinzadeh

ECONOMIC RELATIONS

«Great Eurasia»: interests and possibilities of Russia at interaction with China	229
---	------------

Elena M. Kuzmina

HISTORY AND RELIGION

Ethnicity and Power in the Soviet Union	240
--	------------

Andrzej Wierzbicki

POLITICS

Regional Peculiarities of Gender Policy in the Republic of Belarus	256
---	------------

Flura I. Khramtsova

Participation of the Church Organizations in the International Relations	265
---	------------

Nikolai V. Alekseev

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются глобальные изменения на международной арене, которые в концентрированном виде отражают динамику сложнейших геополитических процессов, диалектику взаимосвязи старого и нового в мировой политике. Исследуются ее проблемные узлы и ключевые вопросы. Мировой политический процесс рассматривается как выражение гибкой подвижности, изменчивости, динамического взаимодействия множества объективных и субъективных факторов, определяющих содержание, характер и векторы эволюции мирового сообщества. Автор делает акцент на системной совокупности взаимозависимых субпроцессов: глобальных, региональных, локально-страновых, инерционных, кризисных и т. д. Прослеживаются диалектические взаимосвязи национального и глобального в мировой политике. Большое внимание уделяется роли социальных сетей в глобальном пространстве. Раскрываются особенности глобализации информационных процессов, их влияние на расстановку сил на мировой арене, геополитические возможности и потенциал информационной сферы в конкурентном соперничестве государств. Анализируются стратегические линии внешней политики России с учетом новейших тенденций, которые определяют ее геополитический статус и место в мировом сообществе. В актуальном проблемном преломлении осмысливаются особенности русофобии в мировой политике, ее фантомы и реальности. Концептуализируется важнейший вопрос мировой политики о достижении геополитических целей путем увеличения желательного или уменьшения нежелательного. Геополитически чрезвычайно важно, что именно культурно-гуманитарный императив лежит в основе «мягкой» («гибкой или умной») силы», которая выходит на первый план мировой политики. «Мягкая сила» рассматривается как комплексный инструментальный решатель внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии. Вместе с тем обращено пристальное внимание на подводные рифы — риски деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением и сознанием.

Ключевые слова: геополитика, полицентричность, реидеологизация, конфликты, новые вызовы и угрозы, международная безопасность, Россия, санкции, русофобия

Для цитирования: Неймарк М. А. Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):184-201. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201

In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy

Mark A. Neymark

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mark.neymark@mail.ru*

Abstract: The article analyzes global changes in the international arena, which in a concentrated form reflect the dynamics of the most complicated geopolitical processes, the dialectics of the interconnection of the old and the new in the world politics. We study its problem nodes and key issues. The world political process is considered as an expression of a flexible mobility, variability, dynamic interaction of a multitude of objective and subjective factors that determine the content, nature and vectors of the evolution of the world community. The author focuses on the systemic set of interdependent subprocesses: global, regional, local-country, inertial, crisis, etc. Dialectical interrelations of national and global in world politics are traced. Great attention is paid to the role of social networks in the global space. The peculiarities of the globalization of information processes, their influence on the alignment of forces in the world arena, geopolitical capabilities and the potential of the information sphere in the competitive rivalry of states are revealed. The strategic lines of Russia's foreign policy are analyzed taking into account the latest trends that determine its geopolitical status and place in the world community. In the actual problematic refraction, the features of Russophobia in world politics, its phantoms and realities are being comprehended. The most important issue of world politics — achieving geopolitical goals by increasing the desirable or reducing the undesirable is being conceptualized. Geopolitically, it is extremely important that it is the cultural and humanitarian imperative that lies at the basis of «soft («flexible or intelligent») power», which comes to the forefront of world politics. «Soft power» is considered as a comprehensive tool for solving foreign policy problems with the support of the opportunities of civil society, information and communication, humanitarian and other methods and technologies. At the same time, close attention is paid to underwater reefs — the risks of destructive and unlawful use of «soft power» in order to exert political pressure on sovereign states, interfere in their internal affairs, manipulate public opinion and consciousness.

Keywords: geopolitics, polycentrism, reideologization, conflicts, new challenges and threats, international security, Russia, sanctions, Russophobia

For citation: Neymark M. A. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):184-201. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы глобальный контекст развития мирополитических процессов кардинально изменился практически по всем геополитическим параметрам. Мир вступил в новую фазу цивилизационного развития с неизбежным глобальным кризисом адаптации к новым условиям. Их отличительная особенность — глубина, всеохватная масштабность и беспрецедентность трансформационных изменений в мировой политике.

КРИЗИС МИРОПОРЯДКА

События последних лет стали мощным ускорителем трансформационных потрясений в мировой политике. Прежнее мироустройство с его устоявшимися опорными блоками претерпевает глубинные изменения. Кризис нынешней мирополитической модели явился катализатором ранее обозначившихся тенденций: подвижки и сдвиги накапливались годами, предпосылки к ним вызревали постепенно, исподволь, и поэтому, не сразу обобщались в оценочную формулу, которая бы адекватно отражала степень сущностного переформатирования мирового порядка.

В результате развитие мирополитических процессов резко осложнилось и обострилось. Все большей эрозии подвергается международная стратегическая стабильность. В ходе глобализации явственно обозначились контртенденции. Содержание категорий «пространство — время» спрессовалось в непредсказуемо плотную субстанцию. В геополитическом пространстве произошли глубинные разломы. Кардинально меняются контуры самой мировой политики. Период вялых, более или менее упорядоченных конкурентных взаимодействий в мире, похоже, заканчивается. Появляются новые геополитические смыслы, высказывающиеся из матрицы привычных представлений.

Новый феномен — нарастание неустойчивости и неупорядоченности мироустройства, вызванные явным перенапряжением силовых линий в мировой политике. События в мире, ускоренно наслаиваясь друг на друга, все более усложняются, непредвиденность их казалось бы неочевидных переплетений и взаимовлияний образует новые проблемные поля мировой политики. Непредсказуемая спонтанность событий, резкая смена ситуаций обостряет в ней кризисные тенденции, усугубляя нестабильность мироустройства.

Потенциал саморегулирования мировой политической системы в целом уже исчерпан, как, впрочем, и нынешние инерционно-адаптационные попытки частичной модернизации и паллиативной санации ее отдельных компонентов. Ослабление ее функциональной эффективности все более явственно обозначает точку геополитической бифуркации, за которой с неизбежностью следует нарастание неопределенности в глобальном политическом пространстве. И это уже не очередная циклическая трансформация в мировой политике, а ее переломный переход в иное, пока еще непредсказуемо сколько-нибудь точно, состояние. Сегодня это уже не отдельные кризисные тенденции и проявления, а всеобъемлющая совокупность кризисов, интернационализация которых стала знаковой приметой международной жизни: локально-страновых, региональных, субрегиональных, транснациональных, глобально-международных.

Разнонаправленность мирополитических процессов, усиливающаяся по нарастающей, пожалуй, беспрецедентно минимизирует предсказуемость развития событий и относительную точность, или, хотя бы, близкую ей адекватность непредвзятых оценок и сколько-нибудь достоверных прогностических сценариев. Консенсус-

ный вектор внешнеполитических взаимодействий размывается все чаще. На международных площадках разного уровня достижение сбалансированных позиций становится все более трудоемким и затяжным процессом.

Дисфункция механизмов взаимодействия акторов мировой политики выражается в самых разнообразных формах. Все более отчетливо проявляется кризис сознания политических элит Запада, во многом определяющих в своих странах, заданность и алгоритм принятия решений в международной сфере. Налицо кризис управляемости и регулирования мирополитических процессов.

Эпоха циклически-волнового развития мира заканчивается. В дихотомии «статика — динамика» мирополитических процессов инерционный вектор первой практически полностью выпадает из новых геополитических реальностей. Стремительное ускорение этих процессов, все чаще разнонаправленных, насущная потребность в переходе к новой модели мироустройства в возрастающей степени предопределяют особенности международной повестки дня.

Происходит переформатирование движущих сил мирополитических изменений, модификаций и трансформаций. Меняется само понятие акторности в мировой политике. Оно приобретает новые очертания, его содержательное наполнение расширяется за счет тех негосударственных акторов, которые прежде в таком качестве сколько-нибудь серьезно не рассматривались. О вторичности этих акторов, ограниченности их роли и ресурсов влияния в мировой политике говорить сегодня уже не приходится. По новому перераспределяются механизмы взаимодействия государственных и негосударственных акторов мировой политики; статусный потенциал, ролевые функции, их взаимозависимость и взаимодополняемость усиливаются по

нарастающей. Негосударственные акторы сегодня в состоянии играть самостоятельную роль в упорядочении международно-политической системы, поскольку их мобилизующий потенциал становится реальной силой. Статусный ареал акторов мировой политики определяется уже не только прежними критериями и параметрами: в силу вступают и многие другие факторы влияния на мировой арене, в частности ресурсный потенциал и эффективность использования «мягкой силы». Хотя оговоримся, не все они обладают адекватным субъектным статусом и соответственно реальными возможностями воздействия на мирополитические процессы, сопоставимые с теми, которыми располагает группа ведущих участников мировой политики.

Принципиально важный момент — окончательная завершённость «романтического периода» деидеологизации международных отношений и мировой политики. Острая идеологическая борьба вновь, как и в пиковые периоды «холодной войны», стала кризисно-конфронтационной приметой современного мирового развития. Виртуальные псевдореальности нередко навязывают новые или модифицируют прежние идеологизированные интерпретации правил игры, которые способствуют искусственному нагнетанию международной напряженности. Более того, появляется опасность того, что структурирующей матрицей международно-политических отношений может вновь стать, как это уже бывало в XX веке, идеологическое противоборство в его модифицированных и инновационных формах, используемых Западом с учетом растущей роли России в мировом сообществе.

Резко возрастает геополитическая значимость локальных и региональных конфликтов, интернационализация которых усиливает напряженность в мире, создавая новые вызовы и угрозы странам и народам.

События на Ближнем Востоке, интернационализация украинского кризиса, санкционное давление Запада на Россию создали новую ситуацию в мире, резко обострив существующие разногласия. Возникли новые болевые геополитические точки, обозначившие дополнительные разграничительные линии между Западом и Россией. Мирополитическая система становится все более разбалансированной. Устоявшаяся система сдержек и противовесов оказалась в фазе острого кризиса. Цена непросчитанных рисков в мировой политике резко возросла. Динамика внешнеполитических процессов столь стремительна, что многие из них оценочно уже не вписываются в прежние концептуальные схемы.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛОВЫХ ЛИНИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Новой фундаментальной особенностью мировых процессов стала усиливающаяся полицентричность. Это уже не тенденция, а четко обозначенная реальность. Происходит рассредоточение мирового потенциала сил и развития, его смещение на Восток, и прежде всего в Азиатско-Тихоокеанский регион — самое динамично развивающееся геополитическое пространство. На авансцену мировой политики и экономики выходят и другие новые страны, влияние которых, неравнозначно.

Меняется не только география смещения центров силы, но и сама геометрия двусторонних и многосторонних альянсов. К складывающимся геополитическим треугольникам добавляются четырехугольники; растущее многообразие этих и других потенциальных конфигураций, внутри которых сосуществуют взаимовыгодные интересы и одновременно — конкурирующие притязания участвующих в них стран — новая особенность межгосударственных отношений.

Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, усилением борьбы за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологический потенциал, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки Запада навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреваты ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу в мировой политике и неуправляемости в международных отношениях.

Кризисные тенденции современного мирового развития усиливают нескрываемое желание Запада, прежде всего США, предопределять базовые принципы организации будущей международной системы. При том, что размывание ареала возможностей Запада доминировать в мировой политике становится все более очевидным фактом, подтверждая тем самым действенность и перспективную множественность моделей развития государств. Поэтому неравномерно складывающуюся геополитическую конфигурацию было бы, наверное, точнее охарактеризовать как ассиметричный полицентризм.

Мир вступил в длительный этап международной напряженности, экономической и финансовой неустойчивости, неопределенности и перераспределения сил между традиционными и новыми центрами интеграционной гравитации. В этих условиях сохраняются глубокие противоречия между различными мировоззренческими системами, продолжатся как их сосуществование, так и жесткая конкуренция. «И вряд ли одной из этих систем удастся стать доминирующей» [1].

В изменившихся условиях со всей остротой встает вопрос: кем и как будет выстраиваться конфигурация посткризисного геополитического пространства в целом и отрабатываться новые институционализированные формы и механизмы регулирования общемировых процессов. Поэтому столь важно осваивать искусство асимметричного реагирования, уравнивания дисбаланса сил по одним геополитическим параметрам с максимальным использованием преимуществ по другим.

И, конечно же, вырабатывать долгосрочную сбалансированную стратегию участия в геополитическом переустройстве мира, подчеркивает известный политолог-международник О. Быков: «Но для этого требуется четкое видение перспективы магистрального развития структуры международных отношений на обозримое будущее. В России и за рубежом пока нет уверенности в том, каким путем пойдет дальнейшее формирование глобального геополитического пространства» [2].

Новые процессы и явления накладываются на еще не исчезнувшие формы и представления предшествующего периода. В современных условиях глобальной взаимозависимости в мире происходит не только увеличение количества транснациональных игроков, но и изменение их типов. Раньше транснациональная активность жестко контролировалась крупными официальными структурами; в нынешних условиях свободно структурированные, практически неконтролируемые, сетевые организации приобретают международную значимость и весомость. Именно в сетевом характере международного терроризма — первопричина огромных трудностей в противоборстве с ним.

В результате возвращения к жестко выраженной реидеологизации международных отношений, вызванной обострением

политических и социально-экономических противоречий, нестабильностью мировой политической и экономической системы, повышается геополитическая значимость фактора силы. Возрастание роли силового компонента в мировой политике, развертывание новых видов вооружений создают угрозу стратегической стабильности и глобальной безопасности, способствуя тем самым эскалации кризисов в мире.

Стремление западных государств удерживать в геополитическом пространстве свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. В Концепция внешней политики Российской Федерации (редакция 2016 г.) отмечается, что «борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития».

Продолжающаяся геополитическая экспансия НАТО, проводимая США и их союзниками, политика сдерживания России, оказание на нее политического давления подрывает региональную и глобальную стабильность, противоречит возрастающей в современных условиях потребности в сотрудничестве и противодействии транснациональным вызовам и угрозам. Расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам и наращивание его военной активности в приграничных с Россией регионах нарушают принцип равной и неделимой безопасности и ведет к углублению старых и созданию новых разделительных линий в Европе.

Примечательно, что основополагающий документ Пентагона, утвержденный в 2012 году назван «Поддержание глобального лидерства Соединенных Штатов: приоритеты обороны в XXI веке». На его основе действует командование «молниеносного глобального удара», нанесение которого мыслится в стратегической наступательной операции с применением ядерного и неядерного потенциалов [3]. Как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности России 2015 года, наращивание силового потенциала НАТО и «наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создает угрозу национальной безопасности».

«УМНАЯ СИЛА» МЯГКОГО ВЛИЯНИЯ

Вместе с тем развитие современных мирополитических процессов чрезвычайно актуализирует ресурсные возможности применения «мягкой силы» в глобальной политике, подчеркивая значение проблемы концептуальной соотнесенности и практического использования инструментария «мягкой» и «жесткой» силы, ставя экспертно-политологическое сообщество и дипломатию нашей страны перед необходимостью уточнения ее сущностного содержания и реальных перспектив.

«Мягкая сила» расширяет привычный коридор внешнеполитических возможностей государств. Особое значение она приобретает в новых, санкционных условиях перехода Запада от конкурентно-партнерского сотрудничества с Россией к конфликтному соперничеству на мировой арене. Так, в сценарии самых масштабных за последнее десятилетие маневров НАТО «Соединение трезубца — 2015» подчеркивалось,

что они помогут альянсу отточить умение использовать «мягкую силу» и публичную дипломатию, а также действовать в контролируемой и враждебной медиасреде. По словам заместителя генсека НАТО А. Вершбоу, учения призваны «продемонстрировать способность НАТО отвечать на все виды угроз — от обычных боевых действий до гибридной войны и вызовов пропаганды».

В изменившихся геополитических условиях возрастает практическое значение вопроса о пределах эффективности «мягкой силы». Естественно, что и диапазон мнений в научно-экспертной и политических средах варьируется весьма широко: от утверждения, что в век информационных технологий и когнитивных войн ее возможности становятся поистине неограниченными до сдержанных, скептических и весьма критических оценок, а некоторые оппоненты отождествляя «мягкую силу» с вялым влиянием, даже настаивают на том, что кончина этого концепта стала реальностью.

Новая расстановка сил в геополитическом пространстве, предопределяющая наряду с другими факторами, характер изменений в мирополитическом процессе, требует уточнения пределов возможности практического использования «мягкой силы», актуализируя и императивно ускоряя поиски баланса между ней и «жесткой силой», который благодаря американскому аналитику и политику Дж. Наю получил известность как «умная сила» [4]. Отсюда следует, что в мировой политике отнюдь не утратила актуальность максима Наполеона, проливающая свет на подвижность динамической соотнесенности «мягкой» и «жесткой» силы: «Я бываю то лисом, то львом. Весь секрет управления заключается в том, чтобы знать, когда следует быть тем или другим».

«Умная сила» — это взаимосвязанная целостность различных компонентов в их

синергетической концептуальной и практико-политической соотнесенности — культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т. д., задействованных с учетом их умелого системного взаимодействия в беспрецедентно усложняющихся условиях развития мирополитических процессов, разнонаправленность которых усиливается по нарастающей. «Умная сила» сугубо прагматична, ее геополитическая суть — рациональная взвешенность или взвешенная рациональность. Она ориентирована, естественно, на продвижение и защиту национально-государственных интересов, определяемых на основе собственного видения конкретных особенностей мирового развития, но с гибким, реально новым учетом гигантских подвижек на международной арене, которые ранее не принимались во внимание вообще или в недостаточной мере — столь стремительно изменился состав акторов мировой политики и степень их влияния.

В современных условиях глобальная конкуренция приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития. Социокультурное воздействие на общественное сознание, причем как на макро, так и на микроуровнях, заметно усиливается. Уже сейчас, и чем дальше, тем больше, возрастает практико-стратегическое значение культуры в разрешении или хотя бы в смягчении конфликтогенных ситуаций, вызванных противоборством различных систем ценностей и особенно метастазным набуханием радикального национализма и исламского экстремизма.

В конце первого десятилетия XXI века из 143 конфликтов в мире 108 имели культурно-цивилизационное измерение. Согласно глобальному индексу миролюбия, составленному сиднейским Институтом

экономики и мира на основе 23 качественных и количественных показателей, в 2015 году количество погибших в вооруженных конфликтах составило 101 тыс. человек, т.е. выросло за семь лет в 5 раз, достигнув максимума за 25 лет, а число вынужденных переселенцев — 57 млн. человек, что является худшим показателем с момента окончания II Мировой войны. Жертв терактов (32 тыс.) стало на 286% больше по сравнению с 2008 годом.

Поэтому среди первоочередных приоритетов мировой политики выделяется задача предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества.

В мировой политике все больше возрастает роль гуманитарного взаимодействия в целом. Так, новым инновационным этапом в развитии «мягких» форматов стало председательство России в БРИКС с 1 апреля 2015 года. Конструктивные инициативы России нашли отражение в Концепции председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах. Документ ориентировал на качественное изменение положения в социально-политическом и гуманитарном взаимодействии в БРИКС с целью развития межцивилизационного диалога, продвижения общих ценностей стран-участниц на мировой арене. В результате важнейшим итогом уфимского саммита БРИКС 2015 года стало совместное заявление стран-участниц о необходимости выработки стратегии их сотрудничества в области культуры, науки и образования. В рамках конкретизации работы на этом направлении был сделан упор на переносе положительного опыта двустороннего взаимодействия на уровень многостороннего сотрудничества.

В настоящее время в БРИКС число форумов взаимодействия, прямо или опосредованно относящихся к «мягкой силе», превышает четверть из 34 действующих или находящихся в стадии завершения. Это, прежде всего Гражданский форум, Консорциум научных центров, Деловой совет, Бизнес-форум, Профсоюзный форум, Молодежный форум, Встреча породненных городов и муниципальных образований, Форум по вопросам урбанизации, Встреча кооперативных объединений стран БРИКС, Семинар по вопросам народонаселения, Совет экспертных центров и другие структуры, использующие потенциал гражданского общества.

Разумеется, было бы ошибочно представлять нынешнее положение дел в розовом цвете, преувеличивая масштабы и темпы развития «мягкой силы» БРИКС: объединение еще молодое, есть неизбежные внутренние проблемы, а в сложных переплетениях геополитики оно по-прежнему сталкивается с негативными внешними воздействиями. Но главное — в осознании всеми участниками БРИКС практической важности «мягкой силы» в процессе формирования новой модели межгосударственного общения.

Качественно новый характер обретает глобальная угроза, обусловленная появлением международной террористической организации «Исламское государство» и подобных ей объединений, поднявших насилие на невиданный уровень жестокости и претендующих на создание всемирного халифата.

Все большее значение в мировой политике приобретают вопросы обеспечения экологической безопасности и противодействия изменению климата на планете. Причем, как показывает практика, здесь нередки попытки западных стран искусственно политизировать природоохранную пробле-

матику и ее использование для ограничения суверенитета государств в отношении их природных ресурсов.

Между тем ученые фиксируют планетарную трансформацию окружающей среды. По сравнению с XIX веком изменения климата, концентрация парниковых газов, появление озоновых дыр привели к гигантскому, в десять тысяч раз большему, возрастанию электромагнитного фона обитания человечества. Жители Земли уже потребляют более половины доступной пресной воды. Вымирание флоры и фауны происходят, по расчетным данным, беспрецедентными за последние 500 млн. лет темпами. Загрязнение окружающей среды достигло немыслимых масштабов. Суммарная масса результата производственной деятельности человека превысила 30 триллионов тонн, в то время как вес всей биомассы, накопленной природой за 4,5 млрд. лет существования планеты, составляет около 2,5 триллионов тонн. Экологические последствия технической цивилизации создают реальную угрозу равновесию биосферы. В этих условиях объявленный Д. Трампом в июне 2017 года выход США из Парижского соглашения по климату чреват не только геэкономическими, но и геополитическими последствиями, уже вносящими едва скрываемый дискурс отчуждения даже в союзнические отношения США и Евросоюза.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И КОНТРЕНДЕНЦИИ

Важнейшая особенность современного этапа мирового развития — усложнение глобализационных процессов, их усиливающая разнонаправленность. По образному выражению С. Медведева, «глобализация — это двуликий Янус»: с одной стороны, это стремление к унификации, интеграции и стандартизации, политическим следствием которого является десуверени-

зация и уменьшение роли национальных государств как основы для международных отношений, а с другой, — это и международный терроризм, и глобальные преступные сети, и потоки нелегальных мигрантов. Наконец, существуют множество движений за идентичность, которые возникают в качестве протеста против глобализации, хотя сами они «неизбежно глобальны». Парадокс в том, что сами антиглобалисты живут по законам глобализации: размещают свои представительства в Интернете, создают глобальные сети и выходят за пределы национальных границ [5].

Принципиально новый фактор современного мирового развития — начавшаяся смена технологического уклада в экономике с теми кардинальными новшествами, использование которых неизбежно чревато обострением экономической конкуренции и перераспределением сфер влияния в мире. В результате экономика все чаще используется как геополитическое оружие.

Возникают разнородно новые, геополитически значимые центры интеграционной гравитации. И это, похоже, только начало в будущем глобально-стратегическом перераспределении сил в мировом пространстве. Речь идет о перспективах трансатлантической, транстихоокеанской, латиноамериканской интеграции, и, конечно же, Евразийского экономического союза.

Кризисные явления в мировой экономике глобализируют новые реалии: общее замедление темпов роста, волатильность финансовых и товарно-сырьевых рынков, дробление геоэкономического пространства на региональные структуры с конкурирующими тарифными и нетарифными ограничителями.

В мире происходят кардинальные изменения, вызванные информационно-технологической революцией. Темпы информационной глобализации беспрецедентны.

Жизнь подтвердила правоту известного теоретика коммуникаций Герберта Маклюэна, который давно предвидел, что смена исторических эпох определяется сменой коммуникационных технологий.

В глобальном прогнозе Национального совета по разведке США до 2030 года отмечается, что «благодаря коммуникационным технологиям власть будет смещаться в сторону многомерных и аморфных сетей, которые станут влиять на действия государств и мирового сообщества. Страны, даже с максимальными показателями ВВП, объемом населения и т.д. не смогут наращивать свое глобальное влияние, пока не научатся действовать внутри сетей и коалиций многополярного мира» [6].

Стремительный процесс в развитии компьютерных технологий, связи и программном обеспечении сопровождается резким уменьшением стоимости создания, обработки и передачи информации. По американским данным за последние три десятилетия вычислительная способность техники удваивалась каждые полтора года и к началу нового тысячелетия стала стоить одну тысячную от ее стоимости в начале 70-х годов прошлого столетия. Показательные примеры: если бы цены на автомобиль падали столь же стремительно, как цены на полупроводники, то автомашина стоила бы сегодня пять долларов. Если в 1993 году в мире насчитывалось около 50 веб-сайтов, то семь лет спустя их число превысило пять миллионов. О глобальных последствиях информационной революции наглядно свидетельствует тот факт, что количество цифровой информации возрастает в десять раз каждые пять лет. В 1980 году хранилище одного гигабайта информации занимало целую комнату, а в наши дни двести гигабайт можно поместить в маленький кармашек рубашки. Ежегодный рост цифровой информации увеличивается шестикратно,

достигая почти триллиона гигабайт, а ее объем примерно в три миллиона раз превышает объем информации в книгах, напечатанных за всю историю человечества.

Информационно-коммуникационная революция, ставшая локомотивом нового технологического уклада, одновременно настолько обострила противоборство в геополитическом пространстве, что появилось понятие «инфогенные угрозы», которые все более деструктивно сказываются на трансформационных процессах, определяющих вектор развития современного мирового порядка.

В Доктрине информационной безопасности России 2016 года особо подчеркивается, что возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности. И далее, более конкретно: «различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры».

Новая мирополитическая реальность — расширение и углубление миграционных процессов в мире. Они глобализируются, приобретая геополитическое измерение,

с одной стороны, и сказываясь непосредственно на внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации многих стран, с другой. По оценке Агентства ООН по делам беженцев (июнь 2016 г.), число беженцев, покинувших свое место жительства из-за военных конфликтов, достигло наивысших показателей за всю историю. 65,3 миллиона людей стали беженцами, лицами, подавшими прошение о предоставлении убежища или внутренне перемещенными лицами, общая численность которых только за 2015 год возросла на 5 миллионов. По самым скромным подсчетам, в этот год только границу Европы по морю пересекали более миллиона беженцев. Таким образом, как отмечает ООН, беженцем сегодня является каждый 113-й человек на Земле. Пограничные заграждения из колючей проволоки в Венгрии и Болгарии для недопущения на их территории беженцев из Ближнего Востока стали наглядным отражением беспрецедентного по масштабам миграционного кризиса в Европе. В этой связи все более неопределенными становятся перспективы развития Европейского союза, переживающего многоуровневый кризис. Брекзит (Brexit) стал концентрированным выражением самого глубокого, по сути — системного кризиса ЕС и его интеграционной модели. Весьма выразительно — «экзистенциальным кризисом» — назвал ситуацию в ЕС глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер. Характеризуя базовые слагаемые новой Глобальной стратегии Евросоюза, верховный председатель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини с сожалением констатировала, что цель и даже существование ЕС поставлены сегодня под сомнение. По отношению к самой модели европейской интеграции во многих странах ЕС все более четко прослеживается нисходящая цепочка ее социально-психологического

и политического восприятия, отдельные звенья которой наглядно показывают эволюцию умонастроений европейцев: евро-эйфория — евроэнтузиазм — евроскептицизм — европессимизм.

Одной из исходных причин системного кризиса ЕС являются несбалансированность, усиливающееся несовпадение и нынешняя дифференциация самих подходов к его интеграционным перспективам. В различных формах и в той или иной степени выражения и радикальности они проявляются, с одной стороны, среди северных стран-членов ЕС и стран Южной Европы, а с другой, внутри стран, которые стояли у истоков европейской интеграции, и стран-«новобранцев» ЕС.

Растущее недовольство евроскептиков и европессимистов вызывает, в частности, деятельность Европейской комиссии, все чаще берущей на себя функцию своего рода «политического оператора», регулирующего «все» и «вся» за счет маргинализации суверенных прав и государственных возможностей стран-членов ЕС. Попытки превратить единую Европу в Европу единообразную явно провалились.

Красноречивые результаты референдума в Великобритании в июне 2016 году о выходе страны из ЕС означают, среди прочих определяющих мотивов и причин, что она отвергает общеевропейские ценности в их унифицированной трактовке высшим эшелоном евробюрократов. Таким образом, ценностный аспект Брекзит, наряду с предшествующим крахом мультикультурализма, стал новой кризисной реальностью европейского интегрированного пространства. Причем, еще за год до референдума в Великобритании по образному выражению Н. Арбатовой, рассматривающей события на Украине как дезинтегратор европейского пространства, «европейское зеркало треснуло».

Если же рассматривать итоги референдума в глобальном контексте, то Брекзит — это специфически выраженная контртенденция в развитии интеграционных процессов в мировой политике, новый, актуализированный вызов глобализации. Брекзит поставил кризисное многоочие в развитии не только ЕС, но и мирополитического порядка в целом, усиливая тем самым неопределенность в казалось бы привычно-устойчивых отношениях ведущих игроков в геополитическом пространстве.

Кризис в ЕС отражает усиление борьбы между бескомпромиссными сторонниками подчинения государственного суверенитета высшим глобальным интересам и более гибкими приверженцами глобализации, которые придерживаются смягченной концепции «функционального суверенитета», с одной стороны, и теми, кто выступает с прямо противоположных, жестко обозначенных позиций, с другой. Все большая часть политических элит в западных странах разочаровывается в глобализации, считая, что она подрывает субъектную суверенность государств и их национально-ориентированные интересы в мире.

САНКЦИИ: НОВИЗНА БЕСКОНЕЧНОСТИ ИЛИ БЕСКОНЕЧНОСТЬ НОВИЗНЫ?

В развитии современных мирополитических процессов все чаще дает о себе знать санкционный фактор, активно используемый Западом, прежде всего США, в своих тактических и стратегических целях. Его новизна относительна: меняются методы, технологии, формы проявления. Суть же, исходные целевые установки неизменны. По американским данным, только за пять лет, с 1996 по 2001 год, США в одиночку применили 85 новых санкций, что дало повод некоторым аналитикам иронизировать, что США применяли санкции против половины человечества.

О том, сколь важное внешнеполитическое значение придается руководством США санкционным вопросам, свидетельствует тот факт, что в 2013 году в Государственном департаменте создана специализированная структура, призванная координировать санкционные режимы США: до этого управление ими было рассредоточено по различным министерствам и ведомствам.

В период президентства Б. Обамы санкционное давление США на Россию усиливалось по нарастающей. Введение Западом во главе с США международных экономических санкций против России произошло без мандата ООН; базовые принципы и условия членства в ВТО попросту проигнорированы.

Что касается России, то под давлением США Международный валютный фонд даже менял правила игры, согласно которым странам, нарушающим свои обязательства по выплате суверенных, т. е. государственных долгов, финансовая помощь не оказывается. Наглядный тому пример — неоднократное выделение МВФ, вопреки собственным принципам, займов Украины, что свидетельствует о вмешательстве «большой» политики в мировую экономику и мирополитические процессы.

Особый интерес в условиях санкционного давления на нашу страну представляет весьма откровенная оценка причастного в течение многих лет к выработке американских внешнеполитических решений Дж. Ная целевой направленности санкций: «Общим для всех санкций является манипулирование экономическими операциями в политических целях» [10]. И далее, еще жестче: «Главной целью санкций является изменение поведения, сдерживание и смена режима в другой стране» [10].

Санкционная политика США в отношении России имеет свою геополитическую предысторию, доктринальную базу которой американское руководство заложило

фактически сразу после окончания II мировой войны. В директиве Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 года №20/1 под названием «Цели США в отношении России», рассекреченной лишь 30 лет спустя, говорилось, что при государственном планировании следует определить цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, «сократив до минимума разрыв между ними». Целевые установки формулировались четко, со всей политической определенностью: в корне изменить теорию и практику мировой политики и международных отношений, с тем, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях. При этом особо оговаривалась необходимость добиться его значительной экономической зависимости от внешнего мира на условиях, которые должны быть «подчеркнуто тяжелыми и унижительными для коммунистического режима». Таким образом, преемственность и развитие — в осовремененном виде — санкционной доктрины США по-прежнему определяют уровень и качество американо-российских межгосударственных отношений, в значительной степени определяя вектор развития мирополитических процессов в целом.

Это наглядно проявилось в ходе событий на Украине, интернационализации украинского кризиса и подготовки санкций против России. Сенсационным по своей необычной откровенности стало заявление государственного секретаря США Дж. Керри в августе 2015 г.: «Нам и так непросто убеждать Европу давить на Россию из-за Украины».

Санкционное использование «мягкой силы» Западом против России наглядно проявилось, в частности, в связи с летними Олимпийскими играми 2016 года в Рио де Жанейро. «Аморальной» назвал МИД России запрет нашим паралимпийцам участвовать в Олимпиаде. В июне 2017 года

на рассмотрение Сената США внесен законопроект о санкциях против Российской Федерации под красноречивым названием «О противодействии влиянию России в Европе». Сама жизнь подтверждает аналитическую обоснованность новой Концепции внешней политики 2016 года, в которой говорится, что «Россия не признает экстерриториального осуществления США своей юрисдикции вне рамок международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и оставляет за собой право жестко реагировать на недружественные действия...».

РУСОФОБИЯ: ПЛОХО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Новые вызовы XXI века входят в противоречие с привычным толкованием многих понятий и явлений мировой политики, не исключая, разумеется, и тех, которые имеют прямое или опосредованное отношение к русофобии. В мирополитические процессы настойчивыми усилиями наиболее враждебно настроенной к России части западных, прежде всего американских, элит встраиваются не только содержательно новые русофобские форматы, но и старые, модифицированные с учетом изменившихся геополитических реальностей, которые отражают изменения в мировой политике, где одновременно развиваются процессы как взаимоприятия, так и взаимоотталкивания, партнерства, конкурентного сотрудничества и соперничества. Это тем более важно, что глобальное международно-политическое пространство расширяется по нарастающей за счет виртуального, сетевые технологии меняют устоявшиеся представления о факторах, влияющих на мировую политику.

Русофобия в геополитике, если рассматривать семантическую цепочку уточняющих определений, это исходно враждебное,

априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к России. Замыкают цепочку редкие, но никак не исчезающие случаи своего рода «галлюцинаторной» антирусской рефлексии. Современная русофобия многослойна и многолика. Но главный ее вектор — геополитический, т.е. по сути она представляет собой антитезу геополитической значимости России. Что, несомненно, означает: русофобия — никак не переоцениваемый актор и фактор мировой политики, оказывающая на нее жестко деформирующее воздействие.

Русофобия — это исторически собираемый образ врага в лице России, который не может не влиять на ценностные установки податливого массового сознания в западных странах, предрасположенного, при соответствующей обработке, к ее восприятию как неизбежному злу, воспроизводимому в разных обстоятельствах на постоянной основе.

До распада Советского Союза биполярная мирополитическая система с неизбежностью зеркально воспроизводила эффект взаимного отторжения, предвзятости и подозрительности — всего того, что собственно и формировало основу русофобии и ответную реакцию на неё. Технологии использовались разные, но, бывало, они совпадали, что вполне соответствовало особенностям тогдашней биполярности.

В условиях однополярного мира после распада СССР линейно-компенсаторная диалектика противостояния утратила прежние связующие узлы. Содержательное наполнение антикоммунизма и антисоветизма в специфической форме, адаптированной к новым мировым реальностям, оказалось в арсенале современной русофобии.

Нынешняя ситуация усложняется новыми перекрестными стратегическими

партнерствами — как реальными, так и декларируемыми. Соответственно по-новому расставляются акценты в мировой политике — конкурентное соперничество становится более комбинационным, тактические цели и задачи русофобии вынужденно осовремениваются, адаптируясь к изменившейся обстановке: после тяжелейших 90-х годов Россия стала другой страной. На Западе не могут или не хотят осмыслить во всей полноте беспрецедентный характер переходной парадигмы нашего государства, в котором впервые в мире произошел «обратный» формационно-исторический переход, уникальный «перескок» от социализма к капитализму, фундаментально изменивший все геополитические расклады.

Но антирусские волны продолжают накатывать на Россию с регулярностью приливов; отливы же, в отличие от природной заданности, задерживаются зачастую надолго. Сегодня русофобские проявления варьируются в самом широком диапазоне — от примитивно-вульгарных до комбинационно-утонченных, выраженных не совсем явно, опосредованно.

В целом же русофобия в геополитике — феномен системный: ценностный, мировоззренческий, политический, экономический, социокультурный. Конечно, современная русофобия разнится в немалой степени с прежней, времен холодной войны, но и в нынешнем виде она не есть нечто застывшее, всегда «равная самой себе», претерпевающая определенную эволюцию, по-своему приспособляясь к беспрецедентной динамике современного мира. Ее адаптационные способности воспроизводит собственная структура, опору которой — достаточно стабильную — можно представить в виде относительно самостоятельного «ядра», формировавшегося в течении длительного времени. В этом «ядре» спрессовались накопленные веками на Западе русофобские

тенденции, подпитываемые упреками в «нецивилизационности» России.

Помимо первичного «ядра», в ней имеется ряд вторичных напластований. При тех или иных изменениях в этой структуре, а ее зыбкость как раз и является предпосылкой ее «ртутной» подвижности, в основном сдвигаются внешние пласты, хотя затрагиваются и пласты более глубокие. При этом возникает иллюзия существенных сдвигов в восприятии России Западом; в действительности же ее основание остается на месте, само «ядро» претерпевает изменения лишь в тех пределах, которые не «размывают» его качественной определенности.

Гибкое сочленение указанных компонентов — «ядра» и «пластов» — открывает перед теми, кто реально формирует общественное мнение Запада и его отношение к России, широкий политико-идеологический и пропагандистский простор. По сути используется вполне унифицированный механизм, его отладка и доводка осуществляются с учетом национальных условий отдельных стран Запада. В «конфликтном поле исторической интересу субъективности» (по Сартру) корневая система русофобии, которая упорядоченно сопряжена с системой давно усвоенных предрасположенностей, получает постоянную подпитку.

Ведь «клиповое» сознание не воспринимает объемную противоречивость явлений в их целостной совокупности. Массовое сознание испытывает на себе повседневное воздействие различных антирусских идеологий, мировоззренческих и политико-пропагандистских формул, задающих тональность отношения к нашей стране. Обыденное сознание в западном обществе легко «проглатывает» русофобские версии и интерпретации, абстрагируясь даже от явно несуразных оценочных обобщений, касающихся нашей страны. Плодотворность критики в том, что адекватный, грамотно объ-

ясняющий ответ на нее служит ступеньками преодоления прежнего и накопления нового оценочного опыта, способствуя тем самым постепенному отходу от редуцированного, черно-белого восприятия России.

Поэтому системная русофобия отнюдь не исчезает. Антироссийский акцент становится все более заметным на Западе. Частично получаемые от западных СМИ вторичные знания о России неизбежно меняют угол её восприятия. нередко оценки и представления базируются на устаревших понятиях: многие все еще не привыкли к мысли, что имеют дело не с СССР, а с новой страной в ином историческом контексте. Для обывательски ориентированных людей, привычно замкнутых на своих собственных делах и проявляющих отстраненный интерес к событиям в мире, восприятие происходящих в России процессов в целом остается размыто-безликим. В немалом сегменте общественного мнения — радикальных умонастроений — преобладает предвзятый, жестко-критический подход к России, форсированный акцент на негативе.

В последнее время в целом все более заметными становятся односторонне-негативные оценки, упрощения и искажения ее истории и нынешнего состояния, в основе которых лежат как новые, так и опять же старые обвинения и упреки. Прослеживается цепная реакция давних стереотипов и конфронтационной логики: нарушение демократии и прав человека — авторитарная деспотия — ретросоветский милитаризм, милитаристская экспансия Москвы, покушающаяся на свободы западного мира.

Следуя геополитической логике и практике прежнего американского президента Б. Обамы, который ставил на одну доску Россию и международную террористическую организацию «Исламское государство». Европарламент принял в ноябре

2016 года резолюцию, уравнивающую по степени опасности для ЕС Россию и запрещенную в ней «ИГ». В резолюции утверждалось, будто российское руководство агрессивно использует целый набор средство и технологий «гибридной войны», нацеленной на то, чтобы «исказить правду, посеять сомнения и рознь между странами союза, ослабить стратегическое единство ЕС и его североамериканских партнеров, парализовать процесс принятия решений, дискредитировать институты ЕС и трансатлантическое партнерство, которое играет признанную роль в европейской безопасности и экономической архитектуре». Результаты голосования показали, однако, сколь значителен в Европарламенте раскол и разброс мнений по этому вопросу и, главное, что русофобские настроения вызывают отторжение у значительной части евродепутатов: за резолюцию проголосовали 304 из них, против — 179, воздержались — 208.

В связи с усложнением мировой обстановки, формированием новых центров сил, усилением конкурентной борьбы за геополитические интересы отношение к России определяется все более хаотичным смешением разнопорядковых факторов и мотивов: экономических, политических, цивилизационных, мировоззренческих и др. В этих условиях, актуальной становится задача разграничивать русофобию и критическую оптику восприятия происходящих в России процессов. Нельзя рассматривать как русофобов всех, кто не согласен с проводимой ею внутренней и внешней политикой или выступают с конструктивно-критических позиций по отношению к ней.

Русофобия по своей природе деструктивна, критическое восприятие — альтернативно. Многообразие факторов, которые определяют их содержание и признаки, требуют дифференцированного подхода к осмыслению этих явлений. В адекватной

критике России нет базового конфронтационного начала, которое имманентно присуще русофобии. Тем, кто болезненно воспринимает любую критику извне в адрес России, оценивая ее по инерционной привычке как злостное проявление русофобии, напомним, что критика в одном из исходных значений — искусство разбирать, судить; в другом — анализ с целью дать оценку; в-третьем — отрицательное суждение, указание недостатков. Но нет никакого указания на противопоставление, отторжение, позиционирование в координатах «анти». Это тем более важно, что «анти» как регулятор внешней политики — всегда упрощение.

В последнее время возросло практическое значение политически адекватной сбалансированности реакций на сложнейшие событийные контексты мировой политики, когда одна ситуация наслаивается почти одновременно на другую, затрудняя понимание усложнившихся динамических взаимосвязей различных факторов международной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последнее десятилетие во внешнеполитической стратегии России, учитывающей новые тенденции и процессы в мировой политике, произошли серьезные изменения, с учетом которых в ней обозначились соответствующие им реперные концептуальные точки и положения. Отмечая новое качество российской внешней политики, известный политолог-международник, академик В. Г. Барановский объясняет его возникновение множеством факторов и интерпретаций смысла предпринимаемых Москвой действий и преследуемых целей. В этом множестве он выделяет три главные мотивации, которые так или иначе варьируются — каждая по отдельности или в различных сочетаниях:

1. Россия ориентируется на тактический горизонт. Суть: оборонительная реакция

(на Россию наступают, она вынуждена защищаться). Варианты интерпретации российской тактики: ответная, спонтанная, хорошо продуманная. Задача: нейтрализовать или минимизировать повестку дня, которая навязана Западом.

2. Россия действует на стратегическую временную и пространственную глубину. Суть: переход во внешнеполитическое контрнаступление. Варианты интерпретации российской стратегии: вынужденная, рационально или психологически обусловленная и т. д. Задача: навязать свою повестку дня другим участникам международной жизни.

3. В России происходит экстернализация внутренней повестки дня. Суть: возложить ответственность за любые существующие и возможные в будущем проблемы на внешних врагов и их внутренних пособников. Задача может иметь как тактическое, так и стратегическое измерение. В практическом плане важны три взаимосвязанных момента: контекст предстоящих выборов или иных изменений во властной структуре; минимизация критики / максимизация поддержки внешнеполитического курса внутри страны; внутриполитическая консолидация в более широком плане [8].

Жестко детерминированный оценочный выбор лишь одного компонента из приведенного выше аналитического расклада был бы слишком линейным, не отражающим всю полноту и сложности современных реалий. Обоснованный акцент скорее на подвижно смешанном варианте возможен, с нашей точки зрения, только путем конкретного ситуационного осмысления событий и фактов с опорой на системный анализ, учитывающий как предшествующий опыт эволюции внешнеполитической стратегии России, так и перспективные направления ее обновления в будущем.

Принятие в 2016 году новой редакции Концепции внешней политики России стало ответом на кардинальные изменения в мире.

Она задает четкие критерии для выработки ответственных решений, отвечающих внешнеполитическим интересам России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мир 2035. Глобальный прогноз. Под ред. Академика Дынкина А.А., Москва: Магистр; 2017. 352 с.
2. Быков О.Н. Геополитический статус России. Книга первая. Москва: ИМЭМО РАН; 2015. 410 с.
3. Доклад Центра евроатлантических и оборонных исследований Российского института стратегических исследований «Военная политика США и угрозы России». *Проблемы национальной стратегии*. 2014; 6:9-32.
4. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. Москва: Дашков и Ко; 2017. 272 с.
5. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях

России и ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*. 2008;10:27.

6. Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры. Публикация Национального совета по разведке. Москва; 2012. 169 с.
7. Най Дж. С. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. Москва: АСТ; 2014. 448 с.
8. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему: тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН. 27 января 2016 г. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016;7:6.

REFERENCES

1. World 2035. Global Forecast. Ed. academician Dynkin A.A., Moscow. Master; 2017. 352 p. (In Russ.)
2. Bykov O.N. Geopolitical Status of Russia (in two volumes). Volume One. Moscow: IWEIR RAS; 2015. 410 p. (In Russ.)
3. Report of the Center of the Euro Atlantic and Defense Studies of the Russian Institute of Strategic Studies "US Military Policy and Threats for Russia". *The Problems of the National Strategy*. 2014;6:9-32. (In Russ.)
4. Neimark M.A. "Soft Power" in the World Politics. Moscow: "Dashkov and Co; 2017. 272 p. (In Russ.)
5. Medvedev S. Discourses of the Alienation: "Sovereignty" and "Europeanization" in the Relations

between Russia and EU. *World Economics and International Relations*. 2008;10:27. (In Russ.)

6. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Publication of the National Intelligence Council. Moscow; 2012. 169 p. (In Russ.)
7. Nye J. The Future of Power. How the Strategy of the Smart Power Changes the XXI Century. Moscow: AST; 2014. 448 p. (In Russ.)
8. Baranovsky V. New Foreign Policy of Russia: the Influence on the International System. The Thesis to the Academic Council Meeting. January 27th, 2016. *World Economics and International Relations*. 2016;7:6. (In Russ.)

Статья получена 17.07.2017
Received 17.07.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neymark, Doctor of Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; mark.neimark@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Политика Китая на постсоветском пространстве. Инициатива «Один пояс — один путь»

Юлия М. Борисова

Дипломатическая Академия МИД РФ, Москва, Россия,

yuliya.deryabina@gmail.com

Аннотация: Страны постсоветского пространства представляют для Китая особый интерес. После распада Советского Союза российское влияние в бывших республиках стало снижаться. Меняющейся ситуацией воспользовался Китай, который стал развивать отношения со странами Центральной Азии, а затем с Украиной, Белоруссией, государствами Южного Кавказа. Политике Китая способствовал внешнеполитический курс стран постсоветского пространства, которые стремились уменьшить зависимость от России. За четверть века политика Китая на постсоветском пространстве прошла эволюцию от разрозненных шагов, до скоординированной политики. Китай стал играть ключевую роль в торгово-экономическом развитии Центральной Азии, дополняя свою политику политическими механизмами. С целью дальнейшего укрепления своих позиций Китай предложил проект «Один пояс - один путь», который включает в себя проекты «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Данные инициативы охватывают практически все бывшие советские республики, среди которых наибольшее значение имеют государства Центральной Азии. Этот район мира рассматривается Китаем в качестве плацдарма для последующего выхода на европейские рынки, в том числе и в обход российских территорий. В контексте развития китайской инициативы «Один пояс - один путь» встает вопрос о возможности его сопряжения с российским интеграционным проектом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Он рассматривается Россией для координации и реализации согласованной политики в экономической сфере со странами постсоветского пространства, обеспечения зоны свободного движения товаров, услуг и рабочей силы. Москва, так же как и Пекин, видит свою инициативу в качестве инструмента экономико-политического структурирования региона. Наличие двух геополитических проектов, которые в значительной мере являются конкурентами, ставит вопрос о перспективах сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь».

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, Новый шелковый путь, постсоветское пространство

Для цитирования: Борисова Ю. М. Политика Китая на постсоветском пространстве. Инициатива «Один пояс — один путь». *Проблемы постсоветского пространства.* 2017;4(3):202-209 DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-202-209

Chinese Policy in Post-Soviet States. «One Belt — One Road Initiative»

Yuliya M. Borisova

*Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,
yuliya.deryabina@gmail.com*

Abstract: Former Soviet Union countries is of special interest for China. Russian influence in former republics has been declining since the Soviet Union collapsed. China used these changes to start developing of bilateral relations with Central Asia states, as a first priority, and continued with Ukraine, Belorussia, South Caucasus governments. Former Soviet countries' course to weaken Russian influence helped Chinese policy to be promoted. It has altered from bitty steps to concerted course in the region. China began to play a major role in the trade and economic development of Central Asia, supporting its policy with political mechanisms. To strengthen its positions, Beijing proposed its "One belt - one road" strategic initiative, which consists of two major projects : Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Route Economic Belt. These projects involve almost all of the former soviet states, of which Central Asian countries play a major part. This world region is seen in China as a platform for invading European markets, and it also provides a way to avoid trespassing of the Russian borders. In the context of Chinese "One road — one belt" initiative, there is a great concern of the cooperation with EAEU project. EAEU is aimed to provide coordinated unified economic policy with state-members, to guarantee the free movement of goods, capital and labour. Moscow sees its initiative as an instrument for construction of economic and political structure in the region, same as Beijing does. Possibility of two global projects coexistence, which can be distinguished as competitive, is a problem to be solved.

Keywords: China, foreign policy, New Silk Way, post-soviet world

For citation: Borisova Y. M. Chinese Policy in Post-Soviet States. «One Belt — One Road Initiative». *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):202-209. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-202-209

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время страны постсоветского пространства являются для Китая одним из приоритетных направлений развития торгово-экономического сотрудничества. Китай активно продвигает свои интересы в таких странах, как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия, Молдова и т. д., предоставляя кредитные линии и обильный поток инвестиций. Для развивающихся и среднеразвитых стран бывшего СССР, не всегда способных самостоятельно разви-

вать важные для страны инфраструктурные проекты, такая поддержка необходима. Присутствие Китая открывает им доступ к другим иностранным партнерам, помогает преодолеть территориальную изоляцию. Интерес КНР к региону вызван не только возможностью сбыта китайских товаров на рынке ЦАР, но в первую очередь глобальными экономическими амбициями Пекина, которые в полной мере выразились в инициативе «Один пояс - один путь», где странам бывшего СССР уделено особое внимание.

ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ

Концепция «Один пояс — один путь» впервые прозвучала в рамках государственного визита Си Цзиньпина в Астану в 2013 г. и была окончательно оформлена к 2015 году в документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», подготовленном Государственным комитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством торговли по поручению Госсовета КНР.

По сути, это глобальная инициатива создания крупнейшей в мире платформы для экономического сотрудничества, включая политическую координацию, торговое и финансовое сотрудничество, социальное и культурное взаимодействие. Уже к концу 2014 года был сформирован Фонд Шелкового пути с капитализацией 40 млрд. долларов и Азиатский банк инфраструктурного развития с уставным капиталом в 100 млрд. долларов. Как позже отметил в своем выступлении Си Цзиньпин на форуме «Один пояс — один путь», помимо этих двух ключевых финансовых инструментов, было принято решение выделить дополнительные 8,7 млрд долларов сроком на три года с целью поддержать развивающиеся экономики стран-участниц инициативы.

Для председателя КНР Си Цзиньпина это возможность создать собственную доктрину экономического развития страны в мировой экономической системе, концепцию глобального, крупного государства, которое отходит от принципа Дэн Сяопина «скрывать свои возможности и держаться в тени» [1]. Укрепление позиции глобального лидера особенно актуально в преддверии ключевого политического события этого года в Китае — XIX Съезда КПК, на котором будут приняты ключевые кадровые решения в руководящем составе страны.

В настоящее время «Один пояс — один путь» объединяет около 60 государств и 900 инфраструктурных проектов разной степени разработанности. Заключены двусторонние соглашения с такими странами как Турция, Венгрия, Монголия, Россия, Таджикистан, Казахстан, Вьетнам, Великобритания, Польша. Планируется создание трех ключевых путей: Северного (Китай — Центральная Азия — Россия — Европа (до Балтийского моря)), Центрального (Китай — Центральная и Западная Азия — Персидский залив и Средиземное море) и Южного (Китай — Юго-Восточная Азия — Южная Азия — Индийский океан). Также в состав Нового шелкового пути войдут шесть экономических коридоров: Китай — Монголия — Россия; Китай — Центральная Азия — Западная Азия; Китай — Индостан; Китай — Пакистан и Бангладеш — Индия - Мьянма — Китай.

По многим маршрутам заявлено участие стран бывшего СССР, где Китай активно ведет инвестиционную, торговую и экономическую работу. Китай помогает большинству бывших республик идти по пути модернизации, создавая инфраструктуру для добычи и поставок углеводородов, реализуя промышленные проекты. Одновременно с этим регион становится ресурсной базой Китая и транспортным коридором для движения к европейским рынкам.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Казахстан является наиболее стабильным и интегрированным в проект партнером КНР из стран постсоветского пространства. В первую очередь сотрудничество развивалось в сырьевом секторе. Первый казахстанский газопровод Ата-су — Алашанькоу, который проходил не по территории России был партнерским проектом Казахстана и Китая, реализованным в 2006 году [2].

В 2016 году в Казахстане работали 688 китайских компаний. За три года, в период с 2013 по 2016, их количество увеличилось на 35%. Ключевую роль занимают сырьевые и промышленные проекты, а также инициативы в сфере сельского хозяйства. Так, китайская сторона выкупила ряд нефтяных компаний, таких как «КоЖан» и «Матен Петролеум».

С 2013 г. низкие цены на нефть негативно влияют на рост экономики страны, поэтому очевидно, что экономический рост на данном этапе в первую очередь может быть обусловлен ростом торговли и созданием необходимой для этого инфраструктуры. Казахстан позиционирует себя как транспортный хаб, исторически связующее звено между Востоком и Западом [3]. И такой подход идеально вписывается в концепцию ОПОП.

По территории Казахстана будут проходить три из шести путей сухопутного шелкового пути. Северный путь будет проходить через север страны, пересекать Россию и выходить в Европу через Беларусь или Балтийские порты. Центральный маршрут будет пересекать Каспийское море через порт Актау и Баку, дальше в Турцию через Азербайджан и Грузию. Южный путь — через Туркменистан и Иран.

Астана быстро включилась в процесс реализации инициативы и создала собственный план инфраструктурного развития — «Нурлы Жол», как часть ОПОП, которую уже частично финансирует Пекин. Казахстан объявил, что на маршруте Шелкового пути, проходящего через территорию страны, будет построен новый город, в котором к 2025 году будут проживать около 155 тысяч жителей. На создание инфраструктуры будет выделено 260 миллионов евро.

Узбекистан также положительно оценивает создание проекта Шелкового пути. Идею его возрождения еще в 90-е высказы-

вал первый президент Узбекистана Ислам Каримов, и теперь государство пойдет по пути интеграции в проект ОПОП. Пекин и Ташкент в рамках первого официального визита нового президента страны Шавката Мирзиёева заключили пакет соглашений на 20 млрд. долларов, которые помимо традиционных ресурсов охватывают такие сферы как газохимию и гидроэнергетику.

Другим азиатским государствам постсоветского пространства, которые не обладают необходимыми КНР ресурсами, сложнее на должном уровне пролоббировать участие Пекина в финансировании своей инфраструктуры. Так, Таджикистан, который имеет отрицательное сальдо с Китаем по экспорту, старается привязать свою Национальную стратегию развития республики к 2030 году к ОПОП и развивать проекты в сельскохозяйственной, горнодобывающей и других отраслях. Бишкек и Ташкент также надеются на включение железной дороги «Китай — Киргизия — Узбекистан» в систему «Один пояс — один путь».

В аналогичном положении находится Туркменистан, который, в дополнение, не имеет прямого выхода к границам Китая, тем не менее, является отправной точкой железнодорожного коридора через Иран в Персидский залив, Турцию и далее Европу. Однако в 2017 году на неопределенный срок было приостановлено строительство линии D газопровода «Средняя Азия — Китай», которая должна была стать четвертой в сети, соединяющей Туркменистан с Китаем и пересекающей Узбекистан, Киргизию и Таджикистан [4].

БЕЛОРУССИЯ И МОЛДОВА

В орбиту проекта входят не только азиатские страны постсоветского пространства, но и восточно-европейские государства, которые должны обеспечить Китаю выход на европейский рынок.

Флагманом Китая можно назвать Белоруссию. Для Минска китайская помощь в развитии инфраструктуры и инвестиции имеют большое значение в связи со сложными отношениями с европейскими партнерами, которые до сих пор поддерживают ряд санкционных требований к частным лицам и компаниям. Подписан ряд двусторонних соглашений, таких как по технико-экономической помощи, меморандум между Минэкономики Беларуси и Министерством коммерции КНР о сотрудничестве в целях развития Китайско-белорусского индустриального парка в рамках технико-экономической помощи, развитие культурных и образовательных связей.

Несмотря на улучшение внутривнутриполитической ситуации в стране, наметившееся развитие демократических процессов, страна крайне заинтересована в перспективах развития китайской инициативы.

К ключевым направлениям можно отнести создание на территории Белоруссии китайских предприятий, в рамках проводимой Пекином структурной реформы предложения, направленной на сокращение лишних производственных мощностей, в секторах, где предложение значительно превышает спрос. Минск ожидает, что Белоруссия сможет стать подходящим плацдармом для китайских производств, тем более уже реализуется ряд подобных проектов. В настоящее время под Минском строится индустриальный парк «Большой Камень». В нем планируются промышленные и жилые районы, офисы, торговые и развлекательные комплексы, финансовые и научно-исследовательские центры. Этот проект призван сделать Белоруссию узловой платформой «Нового шелкового пути».

Молдова также декларирует свое желание быть причастной к ОПОП. К настоящему времени достигнуты договоренности по сотрудничеству в сельскохозяйственной

и пищевой промышленности, о развитии технико-экономического и инвестиционного сотрудничества, привлечении китайских компаний к участию в проектах, касающихся развития инфраструктуры, строительства железных дорог.

УКРАИНА, ПРИБАЛТИКА И ЗАКАВКАЗЬЕ

Китай активно действует в Прибалтике. В рамках существующего формата «16+1», который провел уже 5 встреч и в который входят страны Центральной и Восточной Европы, в том числе все прибалтийские страны, Пекин продвигает инициативу Нового Шелкового пути.

Одним из наиболее вероятных бенефициаров ее реализации, вероятно, станет Латвия, которая является основным пунктом транзита и обладает развитой портовой и железнодорожной инфраструктурой. Уже в этом году по маршруту Иу–Рига проследовал первый поезд. Из Риги в Кашгар отправился первый контейнерный поезд, движение которого планируется сделать регулярным. Ранее был подписан протокол о сотрудничестве с китайской China Railway Express о европейском маршруте.

Однако, на форум «Один пояс — один путь», прошедший в Пекине, который посетили главы 28 государств и правительств, президент Латвии делегировал министра транспорта страны. Такой низкий уровень представительства говорит о недооцененности латвийской стороной глобальной китайской инициативы, несмотря на официальную поддержку МИД и руководства страны.

Литве Китай тоже уделяет внимание в рамках проекта. Уже опробован маршрут от Чунцина до литовской железнодорожной станции Кена на границе с Белоруссией.

От присоединения к инициативе из бывших советских республик в Прибалтике отказалась только Эстония, шансы которой стать ее частью и так были не велики.

Мало шансов на участие в ОПОП и у Украины. Несмотря на то, что на Украине проходят мероприятия, в основном культурные, сопряженные с инициативой Шелкового пути, в КНР осторожно относятся к возможности экономического сотрудничества с Украиной. Кроме того, существует ряд преград, которые делают маловероятным масштабное вхождение Украины в проект ОПОП. Украина не является членом ЕС, что усложняет прохождение границы с европейскими государствами. Также на Украине существует непрозрачный и длительный механизм оформления таможенных грузов, что на фоне высокой стоимости судозаходов (без скидок, на 25-35% больше, чем в Болгарии и Румынии) и отсутствия качественных дорог для автосообщения с ЕС, делает ее менее привлекательной по сравнению с другими странами ЕС.

Важное значение для ОПОП имеет Грузия, которая также планирует свое участие в инициативе и уже подписала проект декларации развития проекта Шелкового пути. Для Китая грузинское направление интересно в силу нескольких причин, включая отсутствие необходимости пересекать российскую границу. Пекину проще будет договориться с маленькой развивающейся страной, которая находится в большей зависимости от Китая, чем Китай от нее. Грузия так же располагает стратегически важными портами в Черном море.

Наряду с Грузией, Азербайджан тоже станет частью транспортного коридора от Каспийского моря к Черному. Коридор с большим количеством транзитных стран выгоден в первую очередь стабильной политической ситуацией, ценой и скоростью доставки, в отличие от более короткого, но менее прогнозируемого с политической точки зрения, конкурирующего китайско-пакистанского маршрута.

Армения, несмотря на менее выгодное географическое положение, также плотно взаимодействует с Китаем. Власти страны надеются на реализацию инфраструктурных проектов, подписан меморандум о сотрудничестве в рамках ОПОП, планируется участие в сопряжении в рамках ЕАЭС.

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕАЭС

В период создания инициативы ОПОП сразу возник ряд опасений, связанных с возможностью взаимодействия ЕАЭС и Нового шелкового пути. Усиление позиций КНР в регионе одновременно подразумевает влияние на уже существующий интеграционный проект, инициированный Москвой — ЕАЭС [5].

С одной стороны, проекты России и Китая конкурируют в регионе, ведь само создание ЕАЭС было обусловлено, в том числе, и ограничением экспансии китайских товаров. По мнению российского эксперта Александра Габуева, также приоритетным являлось принятие единого механизма взаимодействия стран-участниц с Китаем по вопросу зоны свободной торговли, а не выстраивание двусторонних торгово-экономических отношений. С другой стороны, Центральная Азия может стать местом сопряжения разных экономических инициатив, дополняющих друг друга. В рамках взаимодействия России и Китая создана межгосударственная Комиссия по сопряжению ЕАЭС и ОПОП, которую возглавили первый вице-премьер правительства России Игорь Шувалов и его китайский коллега, первый вице-премьер Государственного совета КНР Чжан Гаоли. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП может снизить риски возможной конфронтации России и Китая в Центрально-азиатском регионе из-за разграничения сфер влияния, где Россия традиционно сильна в политическом поле и благодаря механизмам обеспечения безопасности.

ЧТО НЕ ТАК?

Несмотря на массу преимуществ для развивающихся стран постсоветского пространства, которые несет реализация инициативы Нового шелкового пути под руководством КНР, безусловно, существует ряд проблем и опасений со стороны стран-участниц.

В первую очередь, речь идет о росте влияния Китая и возможной территориальной экспансии. Несмотря на то, что, например, в Казахстане, количество земель, арендуемых китайской стороной довольно небольшое, устоявшийся стереотип о возможном масштабном переселении китайцев остается в сознании значительного числа людей. Несмотря на то, что Пекин активно использует «мягкую силу», СМИ, работающие на внешнюю аудиторию и разъясняющие китайский менталитет, намерения и культуру; официальные лица Казахстана подчеркивают важность инициативы — до конца преодолеть подобные настроения пока не удастся. Это же относится и к другим странам. Туркменистан и Узбекистан пытаются обезопасить свои рабочие места механизмом квотирования. Ашхабад подчеркивает, что 70 % рабочих мест должны занимать местные жители, а Узбекистан готов принять только китайский менеджмент.

Есть сомнения и в экономической целесообразности инициативы. Например, уже существующий маршрут поставки товаров по территории Китая, Казахстана, России, Белоруссии и Польши, в целом сложно назвать высоко выгодным. Причиной этому является недостаточная обратная загрузка, низкие температуры в зимний период, способные повлиять во время транспортировки на определенные категории товаров, а также наличие более удобной морской схемы.

Рост китайских прямых иностранных инвестиций в 2016 г., в котором уже активно шло развитие инициативы, и заключались

партнерские соглашения, сократился на 2%, а в 2017 г. — на 18%. Это объясняется недостаточной прибыльностью инфраструктурных проектов в рамках инициативы. В кулуарах, китайские бизнесмены и официальные лица не скрывают, что большая часть проектов не принесет ожидаемой выгоды. Они служат для реализации масштабной геоэкономической идеи [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инициатива «Один пояс — один путь» не просто идея по созданию глобального инфраструктурного проекта, призванного помочь Китаю преодолеть свои экономические трудности, но и попытка создать китаецентричный азиатский регион с опорой на страны постсоветского пространства. Несмотря на то, что на данном этапе сама процедура носит несколько размытый характер, изложенный в концепции стратегии, очевидно, что инициатива по созданию нового шелкового пути способна помочь развивающимся странам улучшить инфраструктуру, преодолеть зависимость от России и выйти на новые рынки [7].

Китайцы много инвестировали в добычу природных ресурсов, особенно природного газа, нефти, урана, золота и красной меди. Китайские компании построили авто и железные дороги, туннели, линии электропроводов, обновили нефтеперерабатывающие заводы и создали специальные экономические зоны. Они также глубоко вовлечены в сельскохозяйственную сферу и телекоммуникации.

Развивающимся государствам необходимо найти баланс в отношениях с Китаем, доминирование которого в регионе и глобальной экономике неизбежно, но не отвечает их интересам. Наличие такого мощного соседа может сделать их сателлитами Китая, обеспечивающими его сырьевые и транспортные нужды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисов И.Е. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине. *Международная жизнь*. 2015;5:40-55.
2. Жильцов С.С., Зонн И.С. Основные направления политики Китая в Каспийском регионе. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте*. 2015;2:96-104.
3. Zhiltsov S.S. The Caspian Region at the Crossroads of Geopolitical Strategies. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;3:33-43.
4. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: new Opportunities and new Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;4: 69-79.
5. Глянц М.Н. Китайская инициатива «один пояс — один путь»: что может сделать «бренд». *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(1):8-19.
6. Лукин А.В., Лузянин С.Г. Синь Ли, Денисов И.Е., Сыроежкин К.Л., Пятачков А.С. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). Москва: Научный эксперт; 2016. 130 с.
7. Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Washington: The National Bureau of Asian Research; 2017. 208 p.

REFERENCES

1. Denisov I.E. Xi Jinping's Chinese Foreign Policy Evolution. *International affairs*. 2015;5:40-55. (In Russ.)
 2. Zhilcov S.S., Zonn I.S. Chinese Principal Politics Directions in Caspian Region. *Moscow Vitte University Bulletin*. 2015;2:96-104. (In Russ.)
 3. Zhiltsov S.S. The Caspian Region at the Crossroads of Geopolitical Strategies. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;3:33-43.
 4. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: new Opportunities and new Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;4: 69-79.
 5. Glantz M.H. China's «one Belt, one Road» (OBOR) Initiative: What a Difference «Brand» can make. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(1):8-19. (In Russ.)
 6. Lukin A.V., Luzyanin S.G., Xin Li, Denisov I.E., Syroezhkin K.L., Pyatachkov A.S., Chinese global project for Eurasia: posing of the problem (analytical report). Moscow: Nauchniy expert; 2016. 130 p. (In Russ.)
 7. Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. Washington: The National Bureau of Asian Research; 2017. 208 p.
-
Статья получена 28.08.2017
Received 28.08.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия М. Борисова, Аспирант Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; yuliya.deryabina@gmail.com

Yuliya M. Borisova, Ph.D. candidate Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; yuliya.deryabina@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу

Илья С. Рожков

*Министерство иностранных дел России, Москва, Россия,
ilja_roschkow@mail.ru*

Аннотация: После развала Советского Союза в 1991 г. и увеличения количества прибрежных стран появилась необходимость обновления международно-правового статуса Каспийского моря. Старые советско-иранские соглашения, определяющие модальности юридического режима водоёма, более не отвечали насущным потребностям каспийских государств, так как не регулировали выдвинувшиеся на передний план аспекты взаимодействия: вопросы освоения и добычи углеводородных ресурсов, экологические требования к процессам разработки нефтегазовых структур, допустимые объёмы вылова заметно сократившихся биологических ресурсов и т.п. Принятые некоторыми каспийскими государствами в одностороннем порядке меры не нашли поддержки у остальных соседей, что обострило ситуацию в регионе и негативно повлияло на ход переговоров по выработке международно-правового статуса водоёма в рамках Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств.

В данной статье исследуется определяющая роль и положительное значение каспийских саммитов в деле формирования устойчивых механизмов многостороннего взаимодействия в регионе, развития отношений между государствами каспийской «пятёрки». Отмечены основные вехи многолетнего переговорного «марафона», особое внимание уделено субстантивному наполнению документов, принятых по итогам президентских встреч.

Рассмотрены итоги I Каспийского саммита в Ашхабаде в 2002 г. и его позитивное влияние на сближение позиций сторон по «чувствительным» вопросам взаимодействия. Проанализированы положения совместной Декларации по итогам II Каспийского саммита в Тегеране в 2007 г., которая стала политическим ориентиром в каспийских делах до принятия базового юридического соглашения по правовому статусу водоёма — Конвенции. Подчёркнуто положительное значение Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, принятого в ходе III Каспийского саммита в Баку в 2010 г., для утверждения статуса Каспия как моря мира, спокойствия и добрососедства. Отмечен прорывной характер договорённостей лидеров прикаспийских государств по узловым вопросам сотрудничества в регионе в рамках IV Каспийского саммита в Астрахани в 2014 г. (закреплены в итоговом Заявлении), которые станут «каркасом» для будущих положений Конвенции по правовому статусу Каспийского моря.

Выявлена необходимость скорейшего нахождения компромиссов по оставшимся несогласованным аспектам взаимодействия для финализации базового соглашения по статусу водоёма и его подписания на Пятом Каспийском саммите в Казахстане.

Ключевые слова: Каспийское море, Каспийский саммит, Конвенция, правовой статус, делимитация, сотрудничество в области безопасности

Для цитирования: Рожков И. С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):210-220. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-210-220

In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy

Ilya S. Rozhkov

*The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
ilja_roschkow@mail.ru*

Abstract: Collapse of the Soviet Union in 1991 and increase in the number of the Caspian Littoral States lead to the necessity of renewal of the legal status of the Caspian Sea. Former Soviet-Iranian agreements, which had previously determined the legal status of the basin, didn't correspond with the needs of the time because of the lack of juridical regulations about such topical issues as: marine mineral exploration, environmental requirements to the mineral resources development, capture levels of the living marine resources, etc. Unilateral actions of some Littoral States didn't find support of their neighbors. That aggravated a situation in the region as well as adversely affected the negotiation process within the framework of the Special Working Group for drafting a Convention on the legal status of the Caspian Sea at the level of Deputy Foreign Ministers of the Littoral States. The article analyzes the core role of four Caspian Summits in the negotiation process of the Littoral States. The author underlines positive influence of the summits on establishment of multilateral cooperation mechanisms in the region as well as development of relations in the "Caspian Five". The key benchmarks of the negotiation process are considered. Special attention is given to the legal documents of four Caspian Summits which outlined the principles of cooperation of the Caspian Littoral States.

Positive balance of the First Caspian Summit (Ashgabat, 2002) is considered. The key roles of the Joint Declaration of the Second Caspian Summit (Tehran, 2007) as well as the political Statement of the Fourth Caspian Summit (Astrakhan, 2014) as political guidelines for the negotiation process on the legal status of the basin are highlighted. Great significance of the Agreement on Security Cooperation in the Caspian Sea, which was endorsed within the framework of the Third Caspian Summit (Baku, 2010), is estimated.

The author proceeds from the assumption that all efforts of five nations should be focused on forging the compromise on key issues of the draft comprehensive Convention on the Legal Status of the Caspian Sea to finalize the text of this pentilateral legal agreement as promptly as practicable and to adopt it on the Fifth Caspian Summit in Kazakhstan.

Keywords: Caspian Sea, Caspian Summit, convention, legal status, delimitation, security cooperation

For citation: Rozhkov I. S. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):210-220. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-210-220

ВВЕДЕНИЕ

Каспийский регион в силу выгодного геостратегического расположения на стыке Европы и Азии и перекрёстке транзитно-транспортных коридоров между Севером, Югом, Востоком и Западом, непосредственной близости к ключевым субъектам современной геополитики (Причерноморье, государства Среднего и Ближнего Востока, Китай, Индия), а также наличия крупных разведанных запасов углеводородных ресурсов представляет собой неизменный предмет интереса крупных международных акторов. Одновременно это не имеющая аналогов модель взаимовыгодного сотрудничества исторически связанных между собой стран, созданная в исключительно короткие сроки в условиях неопределённости юридического статуса водоёма. Внешние силы стремятся воспользоваться ситуацией «правового вакуума» для закрепления на Каспии и достижения собственных, узкоэгоистических целей; образующие регион государства, напротив, противятся данной «экспансии» извне, стремясь удержать происходящие в нём процессы под своим контролем. Параллельно ведётся кропотливая работа над согласованием нового базового юридического документа, который «перезагрузит» правовой режим моря, актуализирует устаревшие и не отвечающие современному состоянию дел положения прошлых соглашений, придав многостороннему сотрудничеству каспийской «пятёрки» совершенно иное измерение [1].

Однако так было не всегда. Если обратиться к истории, то можно заметить, что в течение долгого времени водоём входил в непосредственную орбиту влияния лишь двух государств — России и Персии. Бо-

лее того, согласно условиям Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) договоров, только Россия имела исключительное право держать на Каспии свой военный флот, а значит фактически устанавливать собственные «правила игры» [2]. Революция 1917 г. и приход к власти большевиков привели к пересмотру имперского законодательства: уже в 1921 г. с южным соседом был заключён новый договор, согласно которому в основу двусторонних отношений закладывался принцип равноправия, а Каспий объявлялся российско-персидским морем. В 1940 г. его положения получили развитие в Договоре о торговле и мореплавании между СССР и Ираном. Данные соглашения среди прочего регулировали правила судоходства и рыболовства, а также запрещали нахождение в акватории судов под флагами некаспийских стран. Таким образом, уже в первой половине XX в. на Каспии установился особый правовой режим, отвечающий потребностям обоих соседей.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА

Распад СССР и образование новых каспийских государств в 1991 г. обозначили необходимость обновления юридического статуса моря, поскольку действовавшие советско-иранские договоры никак не регулировали ставшие актуальными вопросы, в том числе освоения каспийских нефтегазоносных месторождений. Значимость энергетического фактора дополнительно определялась дефицитом национальных бюджетов новообразованных стран, экономики которых срочно требовали дополнительной финансовой подпитки для стабилизации внутренних рынков и государственных институтов. Прогнозируемые

западными аналитическими компаниями рекордные углеводородные запасы «кружили голову» и сулили поистине сказочные дивиденды «новым каспийцам» [3]. Для того чтобы начать их скорейшую разработку и создать прочную базу для привлечения иностранных инвестиций в энергетические проекты, было необходимо вначале урегулировать международно-правовой статус водоёма [4].

Предпринятые попытки решить вопрос с наскока результата не дали: подходы жителей «каспийского дома» по основным направлениям взаимодействия на море сильно разнились. Существенного прогресса в переговорах не удалось добиться ни по итогам серии совещаний руководителей правовых департаментов МИД прикаспийских государств (1995 г.), ни их руководителей — министров иностранных дел (1996 г.). Однако стороны смогли достичь согласия относительно того, что правовой статус водоёма должен быть определён в результате согласованного решения всех прибрежных стран, а его основные положения закреплены в базовом юридическом документе — Конвенции. Партнёры условились о дальнейшем направлении «движения» переговорного процесса, наметив будущие контуры «дороги», по которой предстояло пройти его участникам. Тем не менее её правовое «покрытие» было ещё настолько зыбким и неустойчивым, что ни одна из сторон не торопилась первой сделать конкретные шаги для реализации достигнутых договорённостей.

Не дало быстрых результатов, на которые так надеялись соседи, и создание по итогам встречи министров в 1996 г. постоянного переговорного механизма — Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (СРГ).

Её участники действовали на перспективу, кропотливо искали возможные точки соприкосновения по ключевым развязкам правового статуса водоёма, словно золотоискатели, просеивали через переговорное сито тонны «словесной руды» для нахождения чётко выверенных и взаимоприемлемых формулировок, которые ложились в основу статей будущего пятистороннего документа. Такой процесс требовал большого количества времени и максимального приложения совместных усилий экспертов.

Однако это не в полной мере отвечало интересам руководства некоторых прикаспийских стран, настроенных как можно скорее начать освоение богатых нефтегазоносных структур, и побудило их к активным самостоятельным действиям. Уже в 1994 г. Азербайджан подписал с несколькими международными энергетическими компаниями договор о совместной разработке трёх перспективных месторождений — Азери, Чираг и Гюнешли, названный впоследствии «Контрактом века». В течение 1998–2003 гг. России, Казахстану и Азербайджану удалось договориться о правилах ресурсной делимитации Северного Каспия, что вызвало резкое недовольство остальных соседей, которые противились признанию «сепаратных» договорённостей. Различия национальных подходов к определению рубежей донных секторов, образуемых для нужд недропользования и смежной хозяйственно-экономической деятельности, привели к обострению конфликтов вокруг трансграничных нефтегазоносных структур на юге моря. Это грозило дестабилизацией ситуации в регионе, отравляло конструктивный дух отношений в «пятёрке», негативно влияло на ход непростых переговоров по выработке международно-правового статуса водоёма. Сторонам срочно требовалось «выпустить пар» и в доверительной обстановке обсудить весь комплекс накопившихся

ся вопросов, предпочтительно на высшем уровне и в пятистороннем формате.

I КАСПИЙСКИЙ САММИТ: ГОТОВНОСТЬ К ДИАЛОГУ

В 2001 г. президент Туркменистана С. Ниязов на фоне очередного витка напряжённости в треугольнике Ашхабад — Баку — Тегеран из-за принадлежности спорных месторождений выступил с идеей о проведении первой встречи лидеров прикаспийских государств. Как отмечал российский эксперт В. Лукьянчиков, в ходе которой предполагалось подвергнуть детальной ревизии актуальное состояние каспийской повестки дня, обменяться мнениями по «чувствительным» вопросам пятистороннего взаимодействия, попытаться совместными усилиями распутать «клубок» накопившихся противоречий, а также наметить реперные точки для дальнейшего движения вперёд. В качестве основной задачи переговоров ставилось скорейшее урегулирование международно-правового статуса Каспийского моря.

I Каспийский саммит (I КС) состоялся 23-24 апреля 2002 г. в Ашхабаде. Впервые не на экспертном, а на президентском уровне обсуждались ключевые проблемы региона, выдвигались конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы водоёма, выявлялись сходства и различия национальных позиций по «тонким» аспектам взаимодействия. В ходе доверительной дискуссии затрагивался вопрос о применимости «северной формулы» ресурсной делимитации к ситуации на Юге, рассматривались разнообразные подходы к определению ширины национальных зон под суверенитетом. Было продемонстрировано общее видение будущего Каспия как моря мира, равноправного сотрудничества и экономического благополучия, достигнутое взаимопонимание о совместном реше-

нии региональных проблем, на основе доверительного диалога, а не применения силы.

Несмотря на конструктивное обсуждение сложившейся в регионе обстановки, по итогам встречи главам стран «пятёрки» не удалось согласовать проект совместной декларации (сказалась разница в подходах по узловым проблемам). Тем не менее лидеры прикаспийских государств подчеркнули перспективность и безальтернативность подобного формата переговоров, заложивших основу для более интенсивного и открытого пятистороннего диалога [5], и условились в дальнейшем проводить их на регулярной основе.

I саммит внёс стабилизирующую ноту в отношения каспийской «семьи», придал положительный импульс развитию взаимодействия прибрежных стран, стал триггером сближения их позиций по «чувствительным» вопросам международно-правового статуса водоёма. Был найден, опробован и признан эффективным пятисторонний механизм сотрудничества, позволявший комплексно рассматривать возникающие в регионе проблемы с прицелом на выработку совместных путей их разрешения с учётом интересов друг друга.

II КАСПИЙСКИЙ САММИТ: КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Проведению следующего переговорного раунда на высшем уровне предшествовал продолжительный период времени. Несмотря на договорённость президентов в Ашхабаде придать своему диалогу регулярный характер, созвать очередную встречу в верхах долго не удавалось из-за сохраняющихся концептуальных расхождений в позициях сторон по ключевым вопросам правового статуса моря.

II Каспийский саммит (II КС) состоялся 16 октября 2007 г. в Тегеране. К этому моменту «пятёрка» уже имела в своём активе

первое многостороннее соглашение, регламентирующее сотрудничество в сфере экологии — Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранскую конвенцию; принята 4 ноября 2003 г., вступила в силу 12 августа 2006 г.). Хотя данный документ только придавал общие «очертания» природоохранной кооперации на Каспии и требовал разработки дополнительных протоколов по конкретным направлениям деятельности, его принятие стало подтверждением готовности сторон к разделению коллективной ответственности за судьбу водоёма, сохранение его хрупкой экосистемы и уникального биоразнообразия.

Главным достижением II саммита стало подписание совместной Декларации — первого политического документа, в котором постулировались основные принципы взаимодействия прикаспийских стран на море. Стороны выразили намерение руководствоваться данным «кодексом поведения» до принятия базового юридического документа, который окончательно утвердит понятный правовой статус водоёма. В Декларации зафиксированы ключевые договорённости о том, что суверенными правами в отношении Каспийского моря и его биологических и минеральных ресурсов обладают исключительно прибрежные государства, а также закреплены развёрнутые положения об укреплении доверия, безопасности и стабильности в регионе, обязательства не допускать использования территорий прикаспийских стран другими государствами против любой из сторон.

Важным моментом саммита стала предметная дискуссия о необходимости формирования пятисторонних механизмов для противодействия современным угрозам безопасности — терроризму, организованной преступности, распространению наркотиков и т. п. — силами компетентных

органов сторон. Лидеры условились, что страна-хозяйка следующей встречи (Азербайджан) проведёт подготовительную работу по согласованию проекта нового правового документа в этой области, приняв за основу уже существующие наработки, для его подписания на очередном раунде переговоров на высшем уровне.

Взаимодействие на данном направлении отвечало духу времени, в т. ч. в свете активизации в регионе деятельности США и их союзников по НАТО под ширмой борьбы с терроризмом (после событий 11 сентября 2001 г.) и планов по реализации программы «Каспийский страж», нацеленной на укрепление влияния альянса на море и обеспечение беспрепятственного доступа к его месторождениям [6]. Декларация II КС посылала западникам чёткий сигнал о том, что прибрежные страны в состоянии удерживать ситуацию на Каспии под контролем без привлечения помощи со стороны.

В ходе президентской встречи было продолжено обсуждение несогласованных вопросов будущей Конвенции, включая различные подходы стран к установлению ширины национальных морских поясов [7]. В Декларации был также зафиксирован принцип, согласно которому разграничение участков дна в целях недропользования производится на основе уважения суверенных прав и законных интересов сторон. Помимо этого, в документе прописывался ряд обязательств природоохранного характера, выражалось стремление углублять взаимодействие в экономической, энергетической и транспортной сферах.

II Каспийский саммит определил векторы взаимодействия сторон, стал важным шагом к укреплению региональной безопасности и развитию многостороннего сотрудничества, форсировал переговорный процесс по урегулированию правового статуса моря. Декларация, подписанная по его

итогах, стала политическим ориентиром «пятёрки» в каспийских делах, а также закрепила принципиальное согласие президентов на регулярное проведение встреч на высшем уровне, а в промежутках между ними — совещаний министров иностранных дел прикаспийских государств, а также уполномоченных экспертов (в рамках СРГ).

III КАСПИЙСКИЙ САММИТ: ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Завершение процесса согласования пятистороннего документа по вопросам противодействия новым вызовам и угрозам в регионе (за исключением военной компоненты, о чём было условлено ещё на II КС) открыло дорогу для проведения III Каспийского саммита, который прошёл 18 ноября 2010 г. в Баку. В его рамках состоялось знаковое подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море (вступило в силу в сентябре 2014 г.), которое окончательно легализовало прерогативу «пятёрки» на осуществление деятельности в данной области (ст. 1), а также определило 10 ключевых направлений, по которым предполагалось развивать сотрудничество (ст. 2). Ими стали: борьба с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом оружия и боеприпасов, распространением наркотиков, отмыванием денежных средств, контрабандой, торговлей людьми и незаконной миграцией, браконьерством, пиратством, а также обеспечение безопасности мореплавания. Соглашение является рамочным по своему характеру и предполагает разработку отраслевых протоколов для наполнения конкретным содержанием каждого трека взаимодействия.

В совместном Заявлении по итогам саммита президенты пяти стран ещё раз подтвердили необходимость углубления диалога в рамках «пятёрки» в духе дружбы

и добрососедства. В дополнительно принятом Протокольном решении они поручили экспертам проработать на рабочем уровне два важных вопроса: 1) разработать механизм введения на Каспии пятилетнего моратория на вылов осетровых видов рыб; 2) представить соображения о возможной ширине национального морского пояса, исходя из цифр в 24-25 морских миль.

III Каспийский саммит стал первой встречей на высшем уровне, в рамках которой было подписано пятистороннее соглашение по одному из наиболее перспективных направлений сотрудничества — безопасности, принято решение о введении «нулевой квоты» на коммерческий лов осетровых, рассмотрены модальности установления национальных зон под суверенитетом в акватории. По мнению российского эксперта А. Куртова, данные меры позволили приступить к разработке правовой архитектуры коллективного реагирования на актуальные вызовы и угрозы, стали платформой для реализации инициатив по обеспечению стабильного будущего водоёма, сохранения для грядущих поколений уникального каспийского биоразнообразия.

IV КАСПИЙСКИЙ САММИТ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ

IV Каспийский саммит (IV КС) был созван 29 сентября 2014 г. в Астрахани и стал наиболее результативным по количеству достигнутых договорённостей.

Прежде всего, на высшем уровне было подписано политическое Заявление, содержащее базовые принципы деятельности пяти государств на Каспии. По замыслу президентов, оно послужит «инструкцией» по действию в наиболее «чувствительных» вопросах взаимодействия, своеобразным несущим «каркасом» для будущей Конвенции, работа над которой получила после Астраханского саммита новый положительный импульс [8].

В документе ещё раз подчёркивается, что только прибрежные страны обладают суверенными правами на Каспийское море, а решение ключевых вопросов каспийской повестки дня относится к их исключительной компетенции. Чётко фиксируется запрет на присутствие в водоёме внерегиональных вооружённых сил, декларируется приверженность принципам обеспечения стабильного баланса вооружений, осуществления военного строительства в пределах разумной достаточности, соблюдения понятных и транспарентных мер доверия в сфере военной деятельности. Это стало отправной точкой для реализации сотрудничества по военной линии, позволило приступить к согласованию проекта пятистороннего Соглашения о предотвращении инцидентов на Каспийском море, инициатива о разработке которого была выдвинута Президентом России В. В. Путиным в качестве первого шага по углублению взаимодействия на данном направлении.

На Астраханском саммите впервые удалось достичь конкретных договорённостей о будущем разграничении каспийской акватории. В соответствии с Заявлением, водная толща разделяется на 3 зоны: 1) морское пространство под национальным суверенитетом прибрежного государства (ширина — 15 морских миль); 2) примыкающее к нему пространство, где действуют исключительные права прибрежного государства на добычу биоресурсов, или рыболовная зона (ширина — 10 морских миль); 3) общее водное пространство.

Серьёзным успехом стало согласование принципа разграничения морского дна в целях реализации суверенных прав прибрежных государств на недропользование и смежную хозяйственно-экономическую деятельность: оно реализуется на основе общепризнанных принципов и норм международного права по договорённости сторон.

Помимо политического Заявления, по итогам президентской встречи было принято Коммюнике, в котором нашли своё отражение основные приоритеты работы на каспийском направлении на ближайшую перспективу.

На IV саммите в присутствии глав государств было подписано 3 пятисторонних межправительственных соглашений: о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря; о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море; о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря. Они заложили солидную правовую основу для расширения горизонтов сотрудничества на указанных треках.

В ходе Астраханского саммита президентами пяти стран был отмечен значительный потенциал для укрепления экономического взаимодействия на Каспии: на высшем уровне прозвучал призыв к наращиванию производственной кооперации, транзитных возможностей, инвестиционной привлекательности, высказывались мысли о формировании в регионе зоны свободной торговли. Президент Туркменистана Г. М. Бердымухамедов выступил с инициативой о создании на Каспии постоянно действующих экономического форума и логистического центра.

IV КС не только оживил «дух каспийского сотрудничества», но и закрепил компромиссные развязки по узловым вопросам разрабатываемой Конвенции о правовом статусе моря, став отправной точкой для её скорейшей финализации: в Астрахани впервые затрагивалась возможность подписания этого всеобъемлющего документа уже на следующей встрече президентов в Казахстане. Это придало мощный положительный импульс работе дипломатов в рамках СРГ.

V КАСПИЙСКИЙ САММИТ: ТРИУМФ ПЕРЕГОВОРОВ?

По сути, основной задачей экспертов в ходе постастрahanского цикла переговоров являются интубация формулировок, закреплённых в пятистороннем Заявлении президентов по итогам IV КС, в «тело» Конвенции, их раскрытие, адаптация к уже достигнутым договорённостям, а также поиск компромиссных развязок по оставшимся несогласованным вопросам. В настоящее время ведётся активная подготовка к пятой встрече лидеров прикаспийских государств, старт которой был объявлен на Совещании министров иностранных дел «пятёрки» 13 июля 2016 г. в Астане. В качестве главной цели организаторами саммита заявлено подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, что означает необходимость оперативной выработки предельно выверенных формулировок по наиболее «чувствительным» вопросам взаимодействия. Как бы то ни было, ряд переговорщиков высокого уровня неоднократно заявляли о согласовании большей части этого документа [9] и выражали готовность своих стран к здоровым компромиссам для достижения желаемых результатов, что позволяет надеяться на успешную реализацию сделанных обещаний и проведение V Каспийского саммита в Казахстане в обозримом будущем.

ИСТОРИЯ УСПЕХА, НАПИСАННАЯ СООБЩА

Проведение четырёх Каспийских саммитов сыграло детерминирующую роль в создании устойчивых механизмов взаимодействия прибрежных стран, поступательном развитии многостороннего диалога и формировании нового международно-правового статуса водоёма.

В рамках президентских встреч были подписаны ключевые политические документы, заложившие векторы сотрудниче-

ства государств в регионе и определившие парадигму их доверительных отношений на основе уважения взаимных интересов, а также мирный характер решения возникающих проблем. Принятые на высшем уровне договорённости активно реализуются на практике [10].

Близость Каспийского моря к зонам геополитической нестабильности (Афганистан, Ирак, Сирия) выводит на первый план насущные вопросы обеспечения региональной безопасности. В настоящий момент проводится разработка и экспертное обсуждение ряда отраслевых протоколов к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности 2010 г., регулирующих взаимодействие в конкретных областях. Наиболее перспективными направлениями являются борьба с браконьерством, нелегальным распространением наркотиков, обеспечение безопасности мореплавания, а также кооперация пограничных ведомств.

В 2016 г. вступили в силу два из трёх документов, подписанных в рамках Астраханского саммита: соглашения о сотрудничестве в области гидрометеорологии и сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов. В соответствии с их положениями был повышен до межправительственного уровня двух пятисторонних механизмов взаимодействия — Координационного комитета по гидрометеорологии Каспийского моря и Комиссии по сохранению, рациональному использованию водных биологических ресурсов Каспийского моря и управлению их совместными запасами. Одновременно расширился круг полномочий данных структур. Третий документ — Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море — ещё не вступил в силу, однако уже активно реализуется на практике: в сентябре 2016 г. в Астрахани

успешно прошли первые комплексные учения спасательных служб прикаспийских стран «Каспий–2016». Их продолжение ожидается в Азербайджане уже в этом году.

В авангард каспийского взаимодействия, в соответствии договорённостью лидеров «пятёрки» в Астрахани, выводятся экологическая, экономическая и транспортная компоненты, их правовая база активно совершенствуется. Новое измерение получили планы по увеличению туристической привлекательности Каспийского региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каспийские саммиты оказали серьёзное положительное влияние на динамику переговоров по урегулированию международно-правового статуса Каспийского моря. Ожидается, что на очередной президентской встрече в Казахстане будет, наконец, подведена итоговая черта под более чем 20-летним циклом экспертной работы по

согласованию положений Конвенции, которая окончательно закрепит международно-правовые принципы взаимодействия прикаспийских стран. Однако на этом историческая миссия саммитов не завершится — перспективной видится трансформация данного механизма в межправительственный форум высокого уровня (по образцу Арктического совета или Совета государств Балтийского моря), к компетенции которого могла бы относиться выработка стратегии комплексного развития региона. Не остаётся сомнений в том, что «несущими опорами» для создания такой структуры будут служить традиционно высокий уровень взаимного доверия и стабильность отношений в «пятёрке», проверенные временем форматы многостороннего сотрудничества, а также надёжный юридический «каркас» в виде отвечающей современным реалиям Конвенции о правовом статусе водоема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. Москва: Аспект Пресс; 2016. 240 с.
2. Зонн И.С. Триста лет на Каспии. Хронология основных исторических событий XVIII – XX веков. Москва: Эдель-М; 2001. 96 с.
3. Жильцов С.С. Каспийская энергетическая игра. [Электронный ресурс] // Независимая газета. 14.01.2014. URL: http://www.ng.ru/energy/2014-01-14/11_kaspiy.html (дата обращения: 25.07.2017)
4. Жизнин С.З., Гулиев И.А. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе. *Вестник МГИМО-Университета*. 2012; 1(22): 241-247.
5. Владимир Путин высоко оценил завершившийся саммит прикаспийских государств. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 24.04.2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/27008> (дата обращения: 22.07.2017)
6. Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. Москва: Международные отношения; 2009. 200 с.
7. Владимир Путин принял участие во Втором Каспийском саммите. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. 16.10.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/43000> (дата обращения: 25.07.2017)
8. Игорь Братчиков: Главное — сохранить на Каспии контролируемую ситуацию. [Электронный ресурс] // РИА Новости. 08.07.2016. URL: <https://ria.ru/interview/20160708/1461312546.html> (дата обращения: 22.07.2017)
9. «Абсолютное большинство положений будущей конвенции уже согласовано». Интер-

вью с заместителем Министра иностранных дел России Г.Б. Карасиным. [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru. 17.05.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3299198>

(дата обращения: 20.07.2017)

10. Микерин Д.В. Каспийский узел: миссия выполняется. *Международная жизнь*. 2015; 11: 43-55.

REFERENCES

1. Zhil'tsov S.S. Politics of Russia in the Caspian Region. Moscow: Aspekt Press Publ.; 2016. 240 p. (In Russ.).
2. Zonn I.S. 300 Years of Caspian History. Key facts and dates 18th-20th centuries. Moscow: Edel-M Publ.; 2001. 96 p. (In Russ.).
3. Zhil'tsov S.S. Caspian Energy Game. *Nezavisimaia gazeta*, 14.01.2014. Available at: http://www.ng.ru/energy/2014-01-14/11_kaspiy.html (accessed 25.07.2017). (In Russ.).
4. Zhiznin S.Z., Guliev I.A. Energy Diplomacy in the Caspian Region. *MGIMO Review of International Relations*. 2012; 1(22): 241-247. (In Russ.).
5. Vladimir Putin Highly Praised the Caspian Summit. Website of the President of the Russian Federation, 24.04.2002. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/27008> (accessed 22.07.2017). (In Russ.).
6. Zhil'tsov S.S., Zonn I.S. USA Chasing after the Caspian Region. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ.; 2009. 200 p. (In Russ.).
7. Vladimir Putin Took Part in the Second Caspian Summit. Website of the President of the Russian Federation, 16.10.2007. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/43000> (accessed 25.07.2017). (In Russ.).
8. Igor Bratchikov: The main goal is to keep the upper hand on the Caspian Sea. *RIA Novosti*, 08.07.2016. Available at: <https://ria.ru/interview/20160708/1461312546.html> (accessed 22.07.2017). (In Russ.).
9. "Overwhelming Majority of Provisions of a Future Convention Is Already Agreed". Interview with Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation G.B.Karasin. "Kommersant.ru" Website, 17.05.2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3299198> (accessed 20.07.2017). (In Russ.).
10. Mikerin D.V. Caspian Knot: Mission is Possible. *International Affairs*. 2015; 11: 43-55. (In Russ.).

.....
Статья получена 21.08.2017
Received 21.08.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Илья С. Рожков, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия; 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34; ilja_roschkow@mail.ru

Илья С. Rozhkov, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russia, 119200; ilja_roschkow@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Политика Ирана в Каспийском регионе на современном этапе: итоги и перспективы

Вахид Хоссейнзадех

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

hosseinzadeh.vahid@mail.ru

Аннотация: Одним из самых важных игроков геополитического процесса в Каспийском регионе является Иран. В данной статье мы рассматривается политика Ирана по широкому спектру проблем в районе Каспийского моря, которую страна ведет со времен распада Советского Союза. На протяжении более двух десятилетий одной из важных задач министерства иностранных дел Ирана было определение международно-правового режима Каспийского моря, которое было осложнено геополитическими изменениями в регионе, связанными с распадом Советского Союза, и появлением в следствие этого новых прикаспийских стран — Туркменистана, Азербайджана и Казахстана. Изначально Иран пытался обосновать разделение моря, основываясь на бывших советско-иранских соглашениях. Однако новые прикаспийские государства считали, что геополитический статус претерпел фундаментальные изменения и предыдущие контракты не отвечают современным вызовам. В связи с этим актуальными для политики Ирана стали задачи сохранения национального интереса в максимальной степени и одновременно поддержание конструктивных отношений с другими прикаспийскими государствами, особенно с Российской Федерацией. Экологическое загрязнение и нехватка финансовых и технологических ресурсов для извлечения энергоносителей — серьезная проблема для Ирана в Каспийском море. Исламская Республика Иран все еще находится на этапе исследований в области добычи энергетических ресурсов в данном регионе и не вступил в массовый этап добычи из-за международных санкций. Однако после соглашения с Шестеркой и отмены санкций, у Ирана появилась возможность добычи нефти и газа из Каспия. Деятельность западных компаний и их тесное сотрудничество с новыми прикаспийскими государствами тоже являются для Ирана проблемой. Военное присутствие Запада, особенно США, в Каспийском регионе считается прямой угрозой безопасности с точки зрения Ирана, и Иран имеет серьезные возражения и опасения на этот счет.

Ключевые слова: Иран, Каспийский регион, международно-правовой статус, прикаспийские страны, Россия, США

Для цитирования: Хоссейнзадех В. Политика Ирана в Каспийском регионе на современном этапе: итоги и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):221-228. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-221-228

Iran's policy in the Caspian region at the present stage: results and prospects

Vahid Hosseinzadeh

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
hosseinzadeh.vahid@mail.ru*

Abstract: One of the most important players in the geopolitical process in the Caspian region is Iran. In this article, we consider Iran's policy on a wide range of problems in the Caspian Sea region that the country has been following since the collapse of the Soviet Union. For more than two decades, one of the important tasks of the Iranian Foreign Ministry was to define the international legal regime of the Caspian Sea, which was complicated by the geopolitical changes in the region associated with the collapse of the Soviet Union and the emergence of new Caspian states - Turkmenistan, Azerbaijan and Kazakhstan. Initially, Iran tried to justify the division of the sea, based on the former Soviet-Iranian agreements. However, the new Caspian states believed that the geopolitical status underwent fundamental changes and the previous contracts couldn't justify modern challenges. In this connection, the tasks of preserving the national interest to the maximum extent and at the same time maintaining constructive relations with other Caspian states, especially with the Russian Federation, became urgent for Iran's policy. Environmental pollution and lack of financial and technological resources for energy extraction are a serious problem for Iran in the Caspian Sea. The Islamic Republic of Iran is still at the stage of research into the extraction of energy resources in the region and has not entered the mass production stage due to international sanctions. However, after the agreement with the "5+1" and the lifting of sanctions, Iran has the opportunity to extract oil and gas from the Caspian. The activities of Western companies and their close cooperation with the new Caspian states are also a problem for Iran. The military presence of the West, especially the United States, in the Caspian region is considered a direct security threat from the Iranian point of view, and Iran has serious objections and fears in this regard.

Keywords: Iran, Caspian region, international legal status, Caspian countries, Russia, USA

For citation: Hosseinzadeh V. Iran's policy in the Caspian region at the present stage: results and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):221-228. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-221-228

ВВЕДЕНИЕ

Нельзя недооценивать роль, которую играет Каспийский регион в политике Ирана. С глубокой древности, когда иранские племена поселились на южном побережье Каспийского моря, оно был важнейшей зоной иранских политических и экономических интересов.

Однако богатый ресурсный потенциал региона неизбежно привел к тому, что Каспий вот уже несколько десятилетий остается очагом столкновения региональных интересов и центром международной напряженности. Спор о правовом статусе Каспийского моря и условиях его раздела так и остался не разрешенным.

Новый этап в оформлении правового статуса Каспийского моря начинается одновременно с образованием СНГ, 8 декабря 1991 года. На Каспий стало претендовать уже не два, а пять государств, поскольку к России и Ирану добавилось три новых государства: Туркменистан, Азербайджан и Казахстан. Молодые наследники Союза Советских Социалистических Республик объявили свои права на богатства Каспия, в связи с чем обострилась проблема раздела моря[1].

СТАТУС КАСПИЙСКОГО МОРЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

До распада СССР правовой статус Каспия определяли следующие международно-правовые документы:

- Договор между СССР и Персией, заключенный 26 февраля 1921 года, в котором было оговорено, что Каспийское море находится в общем пользовании, и торговый флот Персии, как и до заключения договора, имеет в нем право на судоходство;
- Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном, подписанный 25 марта 1940 года. В нем объявлялось равенство условий мореплавания для торговых судов обеих стран по всей акватории моря, причем отдельная статья оговаривала, что в Каспийском море могут находиться только советские и иранские суда.

Договор 1940 года фактически оформил правовой статус Каспийского моря того времени и определил закрытый характер региона — Каспийское море находилось во владении и пользовании СССР и Ирана на равных правах.

Одним из самых важных и серьезных разногласий после распада СССР по определению правового статуса Каспия является способ раздела водной поверхности и шельфа данного моря. Способ раздела оказывает прямое влияние на определение доли стран

от моря и существующих ресурсов каспийского шельфа — нефти и газа, а также биологических ресурсов. Далее рассмотрим варианты раздела Каспийского моря:

1. *Общий раздел.* В соответствии с ныне действующим правовым режимом Каспия, установленным советско-иранскими договорами 1921 и 1940 годов. Данные договоры предусматривают свободу судоходства по всей акватории моря, свободу рыболовства, за исключением десятильных национальных рыболовных зон, и запрет на плавание в его акватории судов под флагом некаспийских государств. После распада СССР и появления на его бывшей территории новых стран режим, установленный в соответствии с советско-иранскими договорами, подвергся резкой критике со стороны различных политических кругов в прикаспийских государствах. Хотя и Иран, и Россия после распада СССР долгие годы настаивали на сохранении установившейся системы, со временем им пришлось смягчить свою позицию[2].
2. *Раздел моря поровну между всеми прикаспийскими государствами.* Данный способ, который был предложен Ираном после отступления от общего режима в конце 1990-х годов, подчёркивает необходимость соблюдения принципа «равенства». В соответствии с данным вариантом, предложенным в период президентского срока Хатами, акватория и шельф одновременно делятся поровну между 5 прикаспийскими странами, однако фактически другие государства этот вариант не приняли. В Иране большинство экспертов полагают, что данный способ является единственным вариантом, максимально обеспечивающим интересы Ирана, хотя его и подвергают критике. Равный раздел Каспия даёт Ирану большую его долю, но при этом име-

ет один большой недостаток, который заключается в том, что Иран и Россия не будут иметь общую границу. Данные страны после распада СССР считаются соседями, имеющими морскую границу, и данный раздел отделит друг от друга две страны, которые на протяжении нескольких веков были соседями и сегодня достигли большого прогресса в сотрудничестве.

3. *Раздел Каспия на национальные сектора.* Данный вариант в большей степени отстаивался Азербайджаном. В соответствии с ним акватория и шельф Каспийского моря делятся между Ираном и другими прикаспийскими странами по так называемой линии Астара-Гасангулу (которая ранее являлась границей между Ираном и СССР), при этом остальные четыре страны должны следовать принципам Договора 1960 года, который был заключен между республиками СССР в целях раздела советской части Каспия между ними. Со временем Азербайджан также изменил свою позицию.
4. *Раздел в соответствии с международным морским правом.* Данный вариант, предложенный Казахстаном, в значительной степени связан с обеспечением свободы судоходства на Каспии. Согласно данному способу раздела, Казахстан считает Каспий «закрытым морем» и следует нормам Конвенции ООН по международному морскому праву 1982 года. Казахстан, так же, как и другие страны, менял свои подходы.
5. *Раздел шельфа и общее пользование водной поверхностью.* Данный вариант продолжительный период времени предлагается Россией. Он послужил основой отдельных договоров РФ с Казахстаном и Азербайджаном. Данный способ основывается на разграничении дна Каспийского моря между сопредельными

и противолежащими государствами по модифицированной срединной линии в целях осуществления суверенных прав на недропользование при сохранении в общем пользовании водного пространства. В соответствии с данным вариантом, доля Ирана в шельфе Каспийского моря составляет менее 12% [3]. Этот вариант является одним из существующих спорных противоречий по определению границ на Каспии между Ираном и Россией. Данный способ раздела обеспечивает хорошие перспективы для развития военно-морского флота РФ. Также этот способ обеспечивает превосходство торгового и рыболовного флотов России, которые являются более развитыми по сравнению с аналогичными флотами других прикаспийских государств. Совокупность таких моментов привела к тому, что вариант раздела Каспия, предложенный РФ, вызвал большое количество вопросов и серьезные противоречия среди иранских экспертов. При этом необходимо отметить, что Иран после 2010 года формально принял данный вариант за основу, хотя правовой статус Каспия окончательно не согласован и иранское руководство не подтвердило свое решение. Свидетельством этого являются итоговые заявления саммитов глав прикаспийских государств в Баку в 2010 году и в Астрахани в 2014 году, которые подтвердили общее пользование водной поверхностью Каспийского моря и стремление к поиску совместного решения по разделу шельфа Каспия.

ПОЛИТИКА ИРИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Что касается политики Исламской Республики Иран в отношении Каспийского моря на протяжении всего периода советско-иранских и позже российско-иранских отношений, то она отличалась взвешенно-

стью и последовательностью. Иран придерживается точки зрения, заключающейся в соблюдении соглашения между Ираном и СССР, правопреемником которого является Российская Федерация, о совместном использовании ресурсов Каспийского моря [4]. Более того, в Иране в настоящее время разрабатывается собственная доктрина по Каспийскому морю. Одной из основных проблем Ирана является отсутствие определённой концепции по Каспийскому морю. Данный недостаток привел к тому, что политика Ирана по вопросу Каспийского моря подвергается изменениям в связи со сменой правительств в стране, и в некоторых важных отраслях, таких, как эксплуатация углеводородных ресурсов и охрана экосистемы Каспия, за последнее время не было достигнуто какого-либо прогресса. Все, что отражено в заявлениях и выступлениях руководителей министерства иностранных дел ИРИ по каспийскому вопросу, можно отнести к четырем основным сферам, охватывающим главные интересы Ирана в регионе Каспийского моря, и приведенным ниже:

1. Экономическая сфера — охватывает вопросы, имеющие отношение к экономике Ирана, в том числе углеводородные ресурсы, рыболовство, судоходство, туризм;
2. Сфера безопасности — одним из важнейших предметов беспокойства Ирана является обеспечение безопасности и баланса сил в Каспийском регионе;
3. Правовая сфера — определение правового статуса Каспия и связанные с этим усилия, направленные на обеспечение максимальных интересов Ирана в Каспийском море;
4. Экологическая сфера — борьба с загрязнением и охрана экосистемы моря.

Следует отметить, что в соответствии с данными статистики и информацией

международных и региональных организаций, Иран не достиг серьезных успехов ни в одной из указанных сфер. Элахе Кулаи — профессор Тегеранского университета и один из выдающихся иранских экспертов по Центральной Евразии, критикуя слабые действия правительства Ирана по реализации и охране национальных интересов страны в регионе, указывает Каспийское море как одну «почти забытую цель» в политике Ирана. По мнению Кулаи, чрезмерное внимание, уделяемое Ираном проблеме обеспечения безопасности Каспийского моря, ведет к тому, что страна упускает из вида другие интересы. С другой стороны, изоляция Ирана, вызванная международными санкциями и давлением в связи с иранской ядерной программой и продолжавшаяся целое десятилетие, привела к тому, чтобы в переговорах по определению правового статуса Каспийского моря Иран занял слабую позицию [5].

В тоже время, когда другие прикаспийские страны добывают углеводородные ресурсы Каспия — нефть и газ — Иран все ещё находится на стадии разведки и не начал их коммерческую эксплуатацию. Глава Международного центра по изучению Каспийского моря — доктор Мейсам Араи Дарункола — считает, что причиной данного обстоятельства является первоочередная опора Ирана на более значительные нефтегазовые ресурсы Персидского залива. Большой объём ресурсов нефти и газа Персидского залива, их лучшее качество, небольшой расход добычи, лучший доступ к выходу в открытое море являются причинами, по которым Иран в меньшей степени интересуется добычей нефти и газа в Каспийском море. Важен и тот факт, что Ирану не удалось привлечь международные инвестиции к разведке и добыче нефти и газа в Каспийском море, при том, что другие прикаспийские государства смогли

обеспечить финансирование своих крупных проектов по добыче и перевозке углеводородных ресурсов. По опубликованным данным Национальной компании нефти и газа Каспийского моря, в иранском секторе Каспия были обнаружены 46 углеводородных элементов, и на данный момент там обслуживаются 22 разведочные скважины.

По отношению к правовому статусу Каспия Иран придерживается позиции, в соответствии с которой до тех пор, пока не будет подписан новый договор о статусе Каспия, будут продолжать свое действие советско-иранские договоры 1921 и 1940 годов. Фактически же другие страны при помощи двусторонних и многосторонних договоров стремятся увеличить свою долю в Каспийском море, а Иран призывает остальные прикаспийские страны воздержаться от принятия несогласованных со своими соседями решений. Представляется наиболее вероятным, что в конце концов Ирану придётся принять гегемонию Российской Федерации в вопросе определения правового режима Каспийского моря.

Иран сталкивается с серьёзными проблемами в сфере рыболовства. В соответствии со статистическими данными, добыча Ираном икры из Каспийского моря как известного на мировом рынке продукта уменьшилась с 300 тонн в 2000 году до 3 тонн в 2014 году. Причиной уменьшения объемов добычи является, с одной стороны, сильное загрязнение воды и серьёзный экологический ущерб, а с другой — неправильная организация рыбной ловли слабое противодействие нелегальной ловле. Вместе с тем необходимо отметить, что загрязнение Каспийского моря угрожает не только Ирану, но и представляет опасность и для экологии всей водной территории. Эксперты считают, что объём загрязнения Каспия, вызванный сбросом в море нечистот, намного выше допустимого объёма, и буду-

щее каспийской экосистемы подвергается сильной опасности [6].

В области обеспечения безопасности и баланса сил в Каспийском море Иран также не добился значительных успехов. Необходимо отметить, что состояние безопасности в оборонной доктрине Ирана определяется как «отсутствие угроз», поэтому Иран в своей политике в сфере безопасности действует пассивно.

До революции 1979 года Иран фактически был частью западного блока. С другой стороны, СССР как лидер восточного блока был северным соседом Ирана, поэтому любое действие СССР на Каспии, имеющее военный характер, в то время считалось угрозой для Ирана. После революции, особенно после распада СССР, Запад, в особенности США, занял в системе угроз для Ирана центральное место. С этого времени до сегодняшнего дня любое присутствие США, НАТО и их союзников в Каспийском регионе воспринимается Ираном как угроза [7]. В связи с этим для Ирана является предпочтительным укрепление любой дру-гой силы, которая сможет препятствовать деятельности Запада в этих регионах.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Внешние игроки, однако, заявляют о своих интересах относительно Каспийского региона. Распространение информации о богатых нефтегазовых ресурсах Каспия и обострившееся недопонимание крупных государств относительно распределения и права пользования этими ресурсами подогревает интерес к региону на мировой арене. Особую роль в условиях столкновения международных интересов относительно Каспийского региона играют США. Еще в 90-е годы прошлого века некоторые исследователи отмечали, что Америка целенаправленно выступает против сохранения

зависимости бывших республик Советского Союза от России и стремится ускорить процесс по экономическому обособлению Казахстана, Туркменистана и Азербайджана от давления Российской Федерации.

США являются одним из тех внерегиональных государств, которые не имеют непосредственного экономического влияния на Каспии, но крайне заинтересованы в продвижении своих компаний в регионе. Так, стремясь уменьшить влияние России в регионе и обеспечить доступ американского бизнеса к ресурсам Каспия, «США включили данный регион в зону ответственности Центрального командования ВС США и открыли представительства НАТО в Казахстане и Азербайджане.

В настоящее время только Россия может в полной мере противостоять влиянию Запада в Каспийском регионе. С другой стороны, с учётом наличия дружественных отношений между Ираном и РФ, рост военного потенциала РФ на Каспии не только не является угрозой для Ирана, но и служит сдерживающим фактором по отношению к вышеуказанным угрозам в регионе. При этом некоторые иранские эксперты, такие, как Элахе Кулаи, считают, что данный процесс может привести не к балансу сил, а к росту господства РФ в Каспийском регионе и, на длительное время, к ослаблению позиций Ирана по отношению к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в первой половине 1990-х годов из-за резких геополитических изменений, вызванных распадом СССР и появлением новых государств на Каспии, Иран не мог принять политику, соответствующую этим условиям, поэтому ссылаясь только на предыдущие соглашения между Ираном и Советским Союзом о статусе Каспийского моря.

Вступление западных компаний в проекты добычи энергетических ресурсов Каспия в 1990-х годах и увеличение влияния США в регионе в 90-е годы стало угрозой для Ирана, что привело, с одной стороны, к усилению сотрудничества с Россией как глобальной державой и крупнейшим игроком Каспийского региона и, с другой стороны, отстаиванию позиции о решении будущего международно-правового статуса Каспийского моря исключительно прибрежными странами без вмешательства внерегиональных игроков. Иран столкнулся с финансовым кризисом из-за сильного давления международных санкций, что стало серьезной проблемой для иранских проектов по добыче ископаемого топлива в Каспии. Несмотря на то, что соглашение с Шестеркой было достигнуто и санкции сняты, в краткосрочной перспективе Иран не сможет войти в фазу добычи углеводных ресурсов в Каспийском море.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жильцов С.С. Политика России на Каспии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014; 2:5.
2. Janusz-Pawletta Barbara. The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development. Berlin: Springer; 2014. p. 34-57.
3. Хафезния М. Экспертный метод принятия решений для усиления консенсуса по право-
вому режиму Каспийского моря. *Вестник Евразийских исследований*. 2016;7(2):181-194.
4. Багиан М., Лохрасби М. Ирано-российские отношения: определение правового режима Каспийского моря. *Стратегия развития*. 2011;28:281-285.
5. Кулаи Э. Ализаде Ш. Очерки по вопросам Каспийского моря. Тегеран. Госдепартамент; 1994. с. 56-98.

6. Mansurov A. Caspian Sea: Problems and Prospects. In: Lagutov V. (eds) *Environmental Security in Watersheds: The Sea of Azov*. Dordrecht: Springer; 2012. p. 320.
7. Тафазоли Х. Вызовы безопасности в приближении НАТО к границам Ирана и угрозы перед ИРИ. *Изучение международных отношений*. 2009;8-9:54-88.

REFERENCES

1. Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Caspian Sea. *Post-Soviet Issues*, 2014;2:5. (in Russ.)
 2. Janusz-Pawletta Barbara. The Legal Status of the Caspian Sea. Current Challenges and Prospects for Future Development. Berlin: Springer; 2014. p. 34-57.
 3. Hafeznia Mohamad Reza, Pirdashti Hasan, Ahmadipour Zahra. An expert-based decision making tool for enhancing the consensus on Caspian Sea legal regime. *Journal of Eurasian Studies*. 2016;7(2):181-194. (in Pers.)
 4. Bagian M., Lohrasbi M. Iranian-Russian relations: definition of the legal regime of the Caspian Sea. *Development Strategy*. 2011;28:281-285. (in Pers.)
 5. Kulai E., Alizade S. Essays on the Caspian Sea. Tehran: State Department; 1994. p. 56-98. (in Pers.)
 6. Mansurov A. Caspian Sea: Problems and Prospects. In: Lagutov V. (eds) *Environmental Security in Watersheds: The Sea of Azov*. Dordrecht: Springer; 2012. p. 320.
 7. Tafazoli H. Challenges of security in the approach to the borders of Iran and threats to the IRI. *Studying international relations*. 2009;8-9:54-88. (in Pers.)
-
 Статья получена 07.09.2017
 Received 07.09.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вахид Хоссейнзадех, Аспирант Дипломатической академии МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2; hosseinzadeh.vahid@mail.ru

Vahid Hosseinzadeh, Postgraduate student at the Chair of Political Science and Political Philosophy Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992; hosseinzadeh.vahid@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

«Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем

Елена М. Кузьмина

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской Академии наук, Москва, Россия,
e_kuzmina07@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется проработанность предложенной президентом В. Путиным стратегии «Большой Евразии» в российских официальных экономических и политических документах и программах развития. Исследуются внутренние и внешние факторы, влияющие на Евразийский союз, как базу для выстраивания отношений в рамках «Большой Евразии». Особый акцент делается на заинтересованности стран-членов ЕАЭС в развитии экономических связей со странами «Большой Евразии» с использованием возможностей Союза. При рассмотрении динамики переговорного процесса по заключению торгово-экономического соглашения между ЕАЭС и Китаем отдельно анализируются проблемы и возможности стран-членов Союза в экономических отношениях с КНР, а также уровень сочетаемости Евразийского союза и китайской инициативы «Один пояс — один путь». Отдельная часть статьи посвящена экономическому взаимодействию России и Китая и возможностям их взаимодействия в построении Большой Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, Евразийский экономический союз, национальные интересы, Россия, Китай, Один пояс — один путь, международные транспортные коридоры, Восточная Азия, Центральная Азия

Для цитирования: Кузьмина Е. М. «Большая Евразия»: интересы и возможности России при взаимодействии с Китаем. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):229-239. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239

«Great Eurasia»: interests and possibilities of Russia at interaction with China

Elena M. Kuzmina

*Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e_kuzmina07@mail.ru*

Abstract: The Author analyzes the regulatory structure proposed by the President Putin's strategy of «Great Eurasia» in Russian official and economic policy frameworks and development programmes, Examines internal and external factors affecting the Eurasian Union, as a base for building relationships within the «Great Eurasia». The emphasis the author makes the EAEU's interest in the development of economic relations with the countries of «Great Eurasia» with the use of the Union. He also analyzes the dynamics of the negotiation process for conclusion of trade and economic agreements between the EEC and China and the challenges and opportunities of member countries in economic relations with China. Considered the level of compatibility of the Eurasian Union and the initiative «One belt and one road». A separate part of the article devoted to economic cooperation of Russia and China and their possible interaction in the construction of the Grand Eurasia.

Keywords: Great Eurasia, the Eurasian Economic Union, national interests, Russia, China, One belt — one way, the international transport corridors, East Asia, Central Asia

For citation: Kuzmina E. M. «Great Eurasia»: interests and possibilities of Russia at interaction with China. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):229-239. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-229-239

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы сопряжения проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и попыток выстраивания «Большой Евразии» сегодня являются наиболее актуальными в повестке дня российско-китайских отношений. Идет переформатирование геоэкономических взаимосвязей на евразийском континенте. Китай создает целостную инфраструктурную и производственную систему в Восточной и Центральной Азии, формирует сухопутные транспортные коридоры для торговли с Европой, Ближним Востоком и Южной Азией. Россия строит ЕАЭС не только в формате единого экономического пространства государств-членов, но и с формированием системы преференциальных соглашений о свободной торговле с ключевыми европейскими и азиатскими странами. Более того, она целенаправленно укрепляет экономические отношения с Японией и странами АСЕАН с учетом приоритетного развития российского Дальнего Востока. В

связи с этим необходимо проанализировать российские приоритеты в свете формирования Большой Евразии.

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОССИЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

В выступлениях российских политиков термин «Евразия» используется как идентичный термину «постсоветское пространство». Хотя среди ученых идут определенные споры, как определить такое пространство и разные авторы проводят разные географические границы евразийского региона — от постсоветского пространства или его части (например, без стран Южного Кавказа или без стран Балтии) до включения других стран (Китая, Монголии или регионов (ЕС, ШОС)).

Термин «Большая Евразия» был введен в политический лексикон российским президентом В. Путиным относительно недавно — летом 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме [1], но в российских официальных документах договорилось

о приоритетности сотрудничества, как со странами СНГ и ЕС, так и о необходимости укрепления связей с государствами Восточной и Южной Азии в более ранний период.

Так, в стратегии социально-экономического развития страны «Стратегия 2020. Новая модель роста — новая социальная политика» и разработанной на ее основе программы правительства России, рассчитанной до 2030 г., говорится о многовекторной модели интеграции России в мировой рынок. Она опирается на расширение внешнеэкономических связей с США, Евросоюзом, Китаем, АСЕАН, Индией. В этих документах отмечено, что среди ключевых факторов, которые будут влиять на долгосрочное социально-экономического развития Российской Федерации выделяется интеграция евразийского экономического пространства и стран СНГ в целом.

Развитие Единого экономического пространства ЕАЭС, согласно Стратегии, окажет значительное влияние на географическую структуру внешней торговли, а также будет способствовать дальнейшему расширению экономического сотрудничества государств-членов Таможенного союза за счет устранения барьеров и ограничений на пути движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Согласно данным документам, удельный вес стран СНГ в общем товарообороте России к 2030 г. должен вырасти до 16%. В том числе их доля в российском экспорте может достичь 17%, в импорте — 15%. Предпосылками к этому являются расширение номенклатуры и повышение конкурентоспособности российской продукции, углубление инвестиционного сотрудничества на основе эффективных совместных проектов, интенсификация внутрифирменных производственных связей, сближение общих условий хозяйствования и снижение барьеров для движения товаров, инвести-

ций и услуг. Во всех вариантах развития страны — консервативном, инновационном и форсированном — страны Евразийского союза упоминаются в связи с развитием транспортной инфраструктуры и развития транзитного потенциала экономики евразийского пространства.

Такие же страновые и региональные приоритеты заявлены и в Концепции внешней политики России 2013 г. В редакции концепции внешней политики России 2016 г. основным приоритетом определены страны СНГ и ЕАЭС, как форпоста Содружества. Вышеается также важность сотрудничества в экономической сфере и равного партнерства в рамках таких объединений как АСЕАН и ШОС. Особо оговаривается значимость выстраивания отношений с отдельными странами Восточной Азии, в первую очередь с Вьетнамом и рядом других государств региона. При наращивании всеобъемлющего, равноправного, доверительного партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем, Россия настроена на формирование общего, открытого и недискриминационного экономического партнерства — пространства совместного развития государств-членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах.

Фактически объявление новой российской стратегии привело к четкому разграничению в российском политическом дискурсе понимания евразийского пространства, в которое включены страны СНГ, а не только члены Евразийского союза, и Большой Евразии, которая расширяет евразийское пространство наиболее заинтересованным странами и региональными объединениями континента Евразия. Хотя в документах нет дефиниции «Большая Евразия», за то четко очерчиваются ее границы в российском понимании.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО РАЗВИТИЮ ЕАЭС, КАК ЯДРА ПОСТРОЕНИЯ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»

При рассмотрении динамики формирования российской позиции в «Большой Евразии» необходимо понимать, что для Москвы любое взаимодействие на географическом евразийском пространстве предполагает укрепление экономических позиций Евразийского экономического союза, как основного российского проекта интеграции, а также его возможное расширение за счет некоторых стран СНГ.

Внутренняя среда ЕАЭС имеет следующие характеристики. Во-первых, сегодня реализация всего потенциала Союза невозможна, поскольку еще идет формирование большинства направлений взаимодействия. Согласно договору о ЕАЭС на полномасштабный режим работы он сможет выйти к 2025 г.

Во-вторых, одним из важнейших вопросов интеграции экономик стран-членов является увеличение свободы передвижения товаров и услуг. Таможенный союз ЕАЭС предусматривает установление нулевых ставок таможенных пошлин между странами-участницами, отменены таможенные границы и действует единый внешний тариф для третьих стран. Но в Союзе еще только формируются единые рынки, обладающих гармонизированными правилами: рынки нефти и нефтепродуктов, алкоголя, автомобилей и газа. Единый рынок электроэнергии начнет работу в 2019 г., нефти и газа — лишь к 2025 г. Единый рынок лекарственных средств и медицинских изделий пока не до конца сформирован, т. к. не полностью обеспечено легальное обращение данных товаров на территории стран-членов, без прохождения национальной системы регистрации.

На стадии создания регулирующей законодательной базы находится и рынок рабо-

чей силы. В Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) идет работа по согласованию проекта Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза» (Распоряжение Коллегии ЕЭК №209 О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте распоряжения Евразийского межправительственного совета «О вопросах, связанных с реализацией Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза» от 19 декабря 2016 г.), который предполагается подписать в среднесрочной перспективе. Прорабатывается и ряд других документов в сфере социальной защиты трудовых мигрантов и их семей, а так же граждан стран, постоянно проживающих не в свои странах, но в государствах-членах ЕАЭС.

В-третьих, существуют различные межстрановые экономические проблемы: идентичность товаров в некоторых странах, нетарифные ограничения торговли и торговые войны, наличие серых схем торговли т. д.

В-четвертых, наличие внешнего противодействия формированию экономического, а в перспективе и возможного политического союза на постсоветском пространстве: санкции против России и Белоруссии, ситуация с Украиной, принятие Казахстана в ВТО на условиях более либеральных в отличие от российских, взятых за основу в ТС ЕАЭС и др.

Внешняя среда оказывает серьезное влияние на развитие Союза. Участники мегапартнерств пользуются масштабными взаимными преференциями и соответственно получают существенные преимущества в ценовой конкурентоспособности по отношению к не входящим в интеграцию странам. Например, Транстихоокеанское партнерство (ТТП) намного превосходит по объему преференций и внутренних сти-

мулов абсолютное большинство региональных соглашений. Хотя США при новом президенте отказались от дальнейшей реализации ТТП, но для экономик стран Восточной Азии столь детально проработанное соглашение дает большие возможности к укреплению экономической стабильности в регионе. Поэтому вероятно его возрождение в той или иной форме. Некоторые наблюдатели считают, что в среднесрочной перспективе остальные страны ТТП могут попытаться сохранить его и без участия США [2]. В связи с этим для стран-членов резко сужается зона недискриминации на внешних рынках.

В 2016 г. российская политика в Азии и Евразии, её сотрудничество с союзниками и партнёрами в регионе вышли на новый уровень. В свою очередь сам регион столкнулся с вызовами интеграции и безопасности. В 2017 г. для сокращения, а по возможности и преодоления этих вызовов потребует более искусного дипломатического маневрирования. Поэтому в современных условиях России и ЕАЭС необходима научно обоснованная, активная стратегия дальнейшего позиционирования в международной торговой системе.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»

Наиболее крупным потенциальным партнером ЕАЭС является Китайская Народная Республика. Ее инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП) будет определять внешнеэкономические действия Китая, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. В ее реализации государствам-членам ЕАЭС с самого начала отводилась своя роль.

В 2015 г., после подписания документа по сопряжению двух проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (как запад-

ного направления ОПОП), стороны договорились о начале работы над Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и КНР. По словам члена Коллегии (министра) ЕЭК Т. Валовой: «Это соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве непререференциального характера, речь сейчас не идет о введении режима свободной торговли, а о расширении торгово-экономического сотрудничества. Это соглашение станет международным договором». Данное соглашение должно дополнить те двусторонние договоренности, которые есть у государств ЕАЭС с Китаем. «Почему это важно: у ЕАЭС есть своя компетенция, исключительная компетенция, в вопросах торговой политики, технического регулирования и т. д., поэтому необходимо эти вопросы с нашими партнерами отрегулировать», — добавила Т. Валовая. Кроме того, планируется создание дискуссионной площадки о выходе в перспективе на диалог об общем экономическом пространстве между ЕАЭС и КНР, а также начать диалоги, связанные с транспортом, логистикой, инфраструктурой, с расширением использования национальных валют, макроэкономической стабильностью, официальной торговой статистикой.

Вместе с тем именно в рамках ЕАЭС также продвигается идея о создании «Большой Евразии» с выстраиванием отношений не только с Китаем, но и с ЕС, и с АСЕАН. Так, по словам члена коллегии ЕЭК Т. Валовой, «Мы параллельно выстраиваем два партнерских трека равных экономических отношений с нашим восточным (КНР) и нашим западным соседом (ЕС), это уже база для общего безбарьерного экономического пространства на всей Евразии. Китайская инициатива Экономического пояса шелкового пути (ЭПШП) именно об этом. Нужно создать такие условия, когда на евразий-

ском экономическом пространстве будет как можно меньше барьеров для передвижения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, идей. Мы как раз тут видим точки соприкосновения».

Формат сотрудничества ЕАЭС с Европейским союзом осложнен ситуацией на Украине, вхождением Крыма в состав России и последовавшими за этим западными санкциями в отношении РФ, а также непризнанием ЕС Евразийского экономического союза в качестве международной организации. Несмотря на представленные Евразийской комиссией в первой половине 2016 г. Председателю Еврокомиссии Ж. К. Юнкеру предложения по сотрудничеству, внятного ответа от европейской стороны не последовало. Это не значит, что не будут предприниматься попытки выстраивания отношений между двумя союзами, однако этот процесс может затянуться. Внутри самого ЕС существуют различные позиции в отношении антироссийских санкций: от негативного (как, например, Венгрия, Италия) до полной поддержки (Польша, страны Балтии). А бизнес больших стран ЕС, таких как Германия, продолжает сотрудничать с российскими компаниями несмотря на запреты.

Летом 2016 г. Россия и Китай поддержали идею строительства евразийского всеобъемлющего партнерства. Она стала российской идеей и большим планом для Азии и Евразии. Сочетает в себе углубление уже существующих интеграционных проектов и создание широкой платформы для сотрудничества ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, АТЭС и их взаимодействия с отдельными инициативами, среди которых центральное место занимает китайский «Один пояс и один путь».

Такое видение было представлено на Петербургском международном экономическом форуме 2016 г. на презентации доклада «Экономический пояс евразийской интеграции» [3]. По мнению авторов докла-

да, эта стратегия должна учитывать проект сопряжения Евразийского экономического союза и ЭПШП, предусматривать выход на масштабное торгово-экономическое соглашение ЕАЭС — КНР с современной повесткой, а также включать в себя и углубление сотрудничества с АСЕАН с обсуждением перспективы межблоковой зоны свободной торговли.

Еще в мае 2016 г. по итогам саммита России и стран АСЕАН было заявлено о возможности начала переговоров о зоне свободной торговли между этой региональной группировкой и Евразийским экономическим союзом. Ожидается, что в 2017 г. будут запущены переговоры ЕАЭС если не со всем АСЕАН, то с его отдельными влиятельными участниками. Тем более, что уже есть прецедент. Осенью 2016 г. заработала Зона свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам.

31 мая 2016 г. по поручению глав государств Евразийского союза ЕЭК начала переговоры с китайскими партнерами по вопросу нового торгово-экономического соглашения, которое должно укрепить многостороннего сотрудничества ЕАЭС — Китай с сокращением двустороннего формата взаимодействия. Консультации по содержанию нового соглашения продолжены в 2017 г.

Прошедшие раунды переговоров показали недостаточную устойчивость проекта евразийской интеграции, о чем говорилось выше. Для его укрепления необходимы как расширение производственных и торговых связей внутри ЕАЭС, так и формирование инструментов его взаимодействия с другими мегарегиональными партнерствами, такими как, например, Всеобъемлющее региональное партнерство (ВРЭП) в Азии. Соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ +»), охватывающее 10 государств-членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины)

и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

Для расширения присутствия продукции стран ЕАЭС на зарубежных рынках можно использовать как преференциальные торговые соглашения со странами вне союза, так и формат ЗСТ+ при условии системного решения внутренних задач развития Евразийского союза. Принцип «зона свободной торговли плюс» (ЗСТ+) предполагает устранение большинства ценовых и количественных барьеров во взаимной торговле товарами (собственно режим ЗСТ), дополненное развернутым набором мер по либерализации торговли услугами, инвестиционно-технологического сотрудничества, гармонизации стандартов и т. п.

Китай для расширения торгово-экономических связей с основным торговым партнером — ЕС диверсифицирует свои торговые маршруты. Это одно из основных направлений китайской инициативы «Один пояс — один путь». Для стран ЕАЭС наиболее привлекательным является проект «Новый евразийский сухопутный мост» Китай — Западная Европа. Коридор представляет собой высокоскоростную ж/д магистраль, проходящую через Россию, Казахстан, Белоруссию, Польшу и Германию, соединяющую Китай с Западной Европой. Китайские инвестиции, направляемые в эти страны, позволяют улучшить транспортную инфраструктуру в регионе, которая может быть также использована в целях транспортировки грузов и между государствами-членами ЕАЭС.

К марту 2017 г. Евразийская экономическая комиссия сформировала перечень приоритетных проектов, которые будут реализованы странами Евразийского экономического союза и поддержат формирование Экономического пояса Шелкового пути

(ЭПШП). 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов. Об этом сообщил директор Департамента транспорта и инфраструктуры ЕЭК Е. Нурахметов. «Создание таких маршрутов позволит в среднем вдвое сократить время доставки грузов, — сказал представитель ЕЭК. В сфере транспорта и инфраструктуры мы уже выработали критерии проектов, по которым они будут включаться в проект «дорожной карты» взаимодействия с КНР. Совместно с министерствами транспорта государств Союза мы определили сферы взаимодействия в части нормативного, технологического, тарифного регулирования, согласован перечень Евразийских транспортных маршрутов и перечень приоритетных проектов, 39 из них касаются строительства новых и модернизации существующих дорог, создания транспортно-логистических центров, развития ключевых транспортных узлов».

В частности, идет к завершению реализация масштабного проекта по строительству новых автодорог в рамках международного транспортного маршрута Западная Европа — Западный Китай, протяженностью 8445 км. Помимо этого, предполагается проложить железную дорогу Китай — Кыргызстан — Узбекистан, которая откроет доступ для поставок товаров на рынки Западной Азии и стран Ближнего Востока. Развитие железнодорожной ветки Армения — Иран соединит действующую железнодорожную систему двух стран, позволив тем самым Армении выйти через Иран в Казахстан, Китай и далее. Благодаря этому станет реальным не только прямая железнодорожная связь между Ираном и другими странами Персидского залива, но и будет обеспечена возможность сухопутных перевозок из этих государств в другие, входящие в ЭПШП.

ЕЭК начал сотрудничество с Международным Транспортным Форумом (МТФ), что позволит Комиссии вывести вопросы развития наземных транспортных коридоров на глобальный уровень, а также укрепить свою роль как международной организации в многосторонней транспортной повестке. Первым шагом стало согласие заместителя директора Департамента транспорта и инфраструктуры ЕЭК С. Негрей и руководителя группы по автомобильному транспорту МТФ Е. Шатберашвили проработать вопрос о заключении меморандума по взаимодействию в области транспорта. Подписание такого меморандума даст возможность всесторонне использовать и внедрять в рамках ЕАЭС лучшие мировые практики в сфере транспорта и инфраструктуры.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Наиболее разработанными маршрутами из Китая в Западную Европу, проходящими через Россию, являются: Шанхай — Владивосток/Находка — Санкт-Петербург — Роттердам, совмещающий транспортировку по Японскому морю, по Транссибирской железнодорожной магистрали и Балтийскому морю; Шанхай — Алма-Ата — Оренбург — Санкт-Петербург — Роттердам, пересекающий весь Китай, Казахстан и европейскую часть России по железной дороге и выходящий к Балтийскому морю.

Для оптимизации маршрутов контейнерных перевозок необходимо комбинирование различных видов транспорта. Это позволяет сокращать сроки и стоимость доставки грузов. Поэтому в купе с железнодорожным транспортом, который является оптимальным для поставок товаров на расстояния свыше 1500 км, использу-

ются автомобильные дороги, порты Каспийского и Балтийского морей.

Сухопутные транспортные пути для Китая позволяют сократить сроки транспортировки товаров. Отдельные преимущества транзита товаров страны ЕАЭС в Европу Китай получает в связи с отсутствием таможенных границ между этими странами. Но проблему составляет двукратное увеличение цены грузоперевозок при использовании российского Транссиба. Это заставляет Китай пока большую часть грузов поставляет в Европу через Суэцкий канал.

Альтернативой стал сухопутный коридор через Казахстан, как более подготовленный и постоянно достраивающийся под формат транзитного коридора. Правительство Казахстана целенаправленно создает из своей территории логистический хаб в Центральной Азии и стимулирует движение торговых потоков между Китаем, Европой и даже восточным побережьем США именно в этом направлении. Но экономическая эффективность этого направления международных торговых потоков возможна лишь при принятии единых транзитных тарифов внутри Евразийского союза. Этот вопрос сейчас находится на этапе межгосударственного согласования.

Автомобильные транспортные потоки из Китая в Европу, составляющих более 30 тыс. км. Российское направление составляет лишь 3,5% из-за структуры транспортной системы страны, ее климатических условий и значительных расстояний. Остальные потоки идут через Центральную Азию, с выходом на Россию или Кавказ и далее на Турцию.

К основным видам товаров, транспортировка которых осуществляется автомобильным транспортом, относятся навалочные грузы, доля которых в общем объеме автомобильных грузоперевозок составляет 85%. На долю продовольственных товаров

приходится около 8,5%, доля лесоматериалов и товаров народного потребления составляет по 3%.

Проведенный анализ показал, что страны-члены ЕАЭС и в первую очередь Россию, можно рассматривать в качестве наиболее перспективных с точки зрения развития транспортных коридоров из Китая в Европу. Но существует ряд нерешенных проблем в сфере железнодорожного и автомобильного транспорта. К ним, в частности, относятся высокая стоимость железнодорожных перевозок, отличие железнодорожной колеи от других стран, длительность таможенных проверок. В автодорожной инфраструктуре — низкое качество автомобильных дорог, высокий износ основных фондов, низкая пропускная способность российских автомагистралей. Без решения данных проблем страны ЕАЭС рискуют оказаться исключенными из инфраструктурной сети, развитие которой планируется в рамках Экономического пояса Шелкового пути.

Для России наиболее перспективными являются те проекты, в которых интересы российского бизнеса совпадают с целями и задачами Китая, как ключевого инвестора проекта. Россия также крайне заинтересована в создании современных транспортных коридоров не только на своей территории и в масштабах ЕАЭС, но и в рамках Большой Евразии. На сегодняшний день реализуются такие перспективные многосторонние проекты как «Москва — Казань», которая включена в проект Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва—Пекин» (Министерство транспорта России, РЖД, Госкомитет КНР по развитию и реформе, а также корпорация «Китайские железные дороги» в октябре 2014 г. подписали Меморандум о взаимопонимании в области высокоскоростного железнодорожного сообщения),

Приморье-1 (от станции Суйфэньхэ до терминала в порту Восточный. Длина маршрута — 500 км, в то время как альтернативный маршрут через китайский порт Далянь составил бы 1300 км. Кроме того, в рамках коридора работает автотрасса Уссурийск — Пограничный — госграница. Коридор имеет выходы также на порты Владивосток и Находку), Приморье-2 (Харбин — Муданьцзян — Суйфэньхэ — Пограничный (Дунино — Полтавка) — Уссурийск — порты Владивосток, Восточный, Находка — и далее морские линии) является сегментом транспортного коридора Суйфэньхэ, а «Приморье-2»: Чанчунь — Цилинь — Хуньчунь — порт Зарубино — и далее морские линии входит в Туманганский коридор). Большое внимание российской стороной уделяется развитию Транссиба и БАМа как альтернативы маршруту по Евразийскому трансконтинентальному пути (Ляньюньган — Алашанькоу — Роттердам), однако, как уже упоминалось, в современных условиях эффективность российских проектов проблематична.

С 2013 по 2018 гг. ОАО «РЖД» выделило на развитие этих проектов железнодорожной инфраструктуры 302 млрд. руб., при этом общие потребности региона в этом направлении оцениваются в 562 млрд. руб. [4]. Первоочередной задачей ГК «Автодор» является формирование опорной сети скоростных федеральных автотрасс. Уже проведена реконструкция трассы Москва — Санкт-Петербург. Она заинтересована в привлечении частных инвесторов и продвижении формата ГЧП в реализации своих проектов. Корпорация наладила сотрудничество с крупнейшими китайскими компаниями — China Communication Construction Corporation, СЕСС, «Шандунские дороги», Фонд Шёлкового пути.

Другим активно развивающимся направлением транспортной инфраструктуры

стали трубопроводы. Нефтегазовая инфраструктура активно развивается на Дальнем Востоке с целью диверсификации поставок российских энергоресурсов в страны Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. «Роснефть» в настоящее время тесно сотрудничает с китайской CNPC по поставкам нефти. В мае 2017 года, выступая на круглом столе в Пекине исполнительный директор компании «Роснефть» Сечин И. И. сообщил, что в период с 2005 по 2016 годы компания уже осуществила поставку более 186 млн т нефти из которых 21 млн т через казахстанский трубопровод в Китай. В 2016 г. Россия заняла первое место по объему поставок сырой нефти в Китай, обеспечив почти 14% китайского импорта. В структуре экспорта российской нефти доля Китая в 2016 г. достигла 20,6% (данные Роснефти от 09.01.2017). Текущие контракты по поставкам нефтепродуктов, которые действуют между компанией «Роснефть» и монгольскими компаниями, позволили увеличить долю российской стороны на монгольском рынке до 80%. С 2009 по 2016 годы компания поставила на китайский рынок около 30 млн т нефтепродуктов. Помимо этого «Роснефть» приобретает активы на азиатских рынках.

Существуют договоренности между российским Газпромом и CNPC о поставках газа в Китай по «восточному» маршруту (газопроводу «Сила Сибири») по 38 млрд куб. м газа в год с 2019 по 2049 гг. В сентябре 2014 года «Газпром» начал строительство первого участка газопровода «Сила Сибири» — от Чаяндинского месторождения в Якутии до Благовещенска (граница с Китаем) — протяженностью около 2200 км. Далее будет построено еще два участка. В сентябре 2016 г. «Газпром» и CNPC подписали контракт на строительство подводного перехода трансграничного участка «Силы Сибири» через реку Амур, а в июле

2017 г. — подписано. По официальным данным «Газпрома», дополнительное соглашение к Договору купли-продажи природного газа по «восточному» маршруту, заключенному сторонами 21 мая 2014 года.

Сотрудничество в рамках проекта ЭПШП могло бы быть интересным российским компаниям ИКТ. Среди возможных совместных с Китаем проектов можно отметить создание мобильной операционной системы, разработку программного обеспечения, построение трансграничного оптического кабеля, строительство Центра обработки данных в Сибири, рассмотрение методов обеспечения безопасности в сети интернет.

Также среди направлений сотрудничества, в реализации которых российские компании заинтересованы на сегодняшний день, стоит отметить финансовое взаимодействие, которое может быть выражено в формах инвестиций, совместного финансирования проектов, кредитования и т. д.

Развивается сотрудничество Китая и России в сфере гражданского авиастроения. Так, российские и китайские инвестиционные компании — Российско-китайский инвестиционный фонд, ЗАО «Гражданские самолеты Сухого», ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Комитет по управлению Новой областью Сисянь (Китай), а также китайская компания New Century International Leasing в мае 2015 г. пришли к соглашению о создании лизинговой компании по продвижению пассажирского лайнера «Сухой Суперджет 100» на китайском рынке и в других странах Азии [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Россия целенаправленно формирует и развивает свою политику «Большой Евразии», что пока косвенно отражается в основных государственных документах и программах развития. При формировании «Большой Евразии» предпо-

лагается создания целостного интегрированного пространства значительной части географической Евразии при особом акценте на Евразийский союз и другие страны СНГ. Рассматривая возможности сотрудничества России и Евразийского союза с Китаем в формате «Экономического пояса Шелкового пути» выявлены не только возможные позитивные результаты от сопря-

жения двух проектов, но и риски, которые несет продвижение китайских инициатив на территории постсоветской Евразии. Вместе с тем, определены или уже реализуются совместные проекты России и ЕАЭС, в целом, с Китаем. Для России и Китая важны не только транспортные и инфраструктурные, но и производственные проекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латухина К. Компас победителей. Российская газета. 2016. 19 июня.
2. Бордачев Т. Россия в Азии и Евразии: успехи и новые вызовы. *Валдайский клуб. Аналитика*. 2017; 1:1-10.
3. Экономический пояс Евразийской интеграции. Доклад о путях реализации проекта сопряжения интеграции Евразийского экономического союза и Экономического пояса «Шёлкового пути». Москва: ИТИ; 2016.
4. Лю С. Возможности для сотрудничества между Китаем и Россией посредством реализации стратегии «одного пояса, одного пути» с учетом реформирования Российской экономики. *Инновационная экономика*. 2016; 12: 131.

REFERENCES

1. Latukhina K. Compass of winners. Russian newspaper. 2016. 19 June. (In Russ.)
2. Bordachev T. Russia in Asia and Eurasia: progress and new calls. *Valdai club. Analytics*. 2017; 1:1-10. (In Russ.)
3. Economic belt of the Euroasian integration. Report on ways of implementation of the project of interface of integration of the Eurasian Economic Union and Economic belt of a Silk
4. Liu X. Opportunities for cooperation between China and Russia by means of strategy realization of «one belt, one way» taking into account reforming of the Russian economy. *Innovative economy*. 2016; 12: 131. (In Russ.)

.....
Статья получена 17.08.2017
Received 17.08.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена М. Кузьмина, Кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской Академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Профсоюзная улица, д. 23; e_kuzmina07@mail.ru

Elena M. Kuzmina, Ph.D. in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; e_kuzmina07@mail.ru

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Ethnicity and Power in the Soviet Union

Andrzej Wierzbicki

Warsaw university, Warsaw, Poland,

awierzb@onet.eu

Abstract: Twenty years have passed since the dissolution of the Soviet Union. Up until the point of dissolution, the Soviet authorities and intellectual elite had attempted to build a community in order to unite all Soviet citizens in the spirit of socialist modernisation. Although it is difficult to demonstrate that ‘a Soviet nation’ was successfully created [1], the attempt to build such a nation can serve as a case study through which to examine nation-building processes for constructivists as well as modernists. In addition to socialist modernisation, the Soviet nation aimed to be identified as a state, which would make it similar to the political nations dominant in western countries. Contrary to western tradition, however, it was not a nation state that provided full rights for all its citizens, but rather a socialist state that was ‘ruled by workers and peasantry’. Nevertheless, the authorities aimed to give the Soviet nation the characteristics of a specific nation state. “It was a nation that in historical terms strived, or more accurately part of which strived, to form or proclaim a particular state” [2]. While at the time of proclaiming the USSR there was no such thing as the Soviet nation, it can be assumed that it was intended to become a constructed titular nation.

The majority of national communities, even created ones, have an ethnic core. However academics cannot agree on the kind of state the USSR was, to what extent it took into account the ethnicity of its multinational population, how much it reflected the values, culture, and interests of its largest population group (i.e., the Russians) or even whether it was a Russian national state despite the strong influence of Russian ideology and politics. Some Russian academics, especially those in nationalistic circles (e.g., Valerij Solovej) as well as western scholars such as Terry Martin and Geoffrey Hosking stressed that Russians dominated demographically and politically. However, the USSR did not aim to nurture traditional Russian values. It rather fostered the de-ethnicisation of Russians and the ethnicisation of non-Russian. Another group of scientists, including those from post-Soviet states (e.g., Žambyl Artykbaev, Otar Džanelidze, and Georgij Siamasvili) as well as western scholars (e.g., Rogers Brubaker) concede that positive processes such as the allotment of territory to republics and other territorial units, the constitution of authority and administrative apparatus, and the formation of the elites once characterised the ethnic history of the USSR. All these processes, however, were dominated by a lack of sovereignty, a loss of national identity, and damage to the living environment. Georgia rather than the USSR has always been regarded by the Georgian people as their mother country. The Soviet Union, which was considered to be a voluntary union of equal republics, was in fact an artificial creation that non-Russian nations were forced to join. The majority of Georgians did not therefore claim the USSR as their homeland: ‘The USSR was for its nations a socio-political state not a homeland’ [3].

Non-Russian citizens in the Soviet Union perceived the Russians to be a state-building 'nation' and the USSR a Russian state. The Soviet authorities, who predicated internationalism on the Russian language and new Russian culture, actively combated ethnic nationalism (including Russian nationalism, which was associated with chauvinism and a tsarist legacy). Although Russkost was considered to be a remnant of a disgraceful past, it was nonetheless used as a tool to sovietise society. Indeed, Russian language and culture were both conducive to the assimilation of non-Russians. 'The Great Russian nation' was to be 'the first among equals' and thus Russia provided. Soviet state with certain features of ethnicity. However, Russian characteristics were never treated as instrumental to the USSR, because the aim was to form a new socialist, national community, that was beyond ethnicity, rather than to convert the citizens of the former USSR into Russians. Soviet ideology and science thus set the direction for nationality policy in the USSR, especially in terms of forming a Soviet nation.

Based on the foregoing, the present paper identifies how the ethnic character of both the Soviet nation and the state.

Keywords: Ethnic, Power, the Soviet Union

For citation: Wierzbicki A. Ethnicity and Power in the Soviet Union. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):240-255. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-240-255

1. ETHNICITY AND NATION IN SOVIET IDEOLOGY AND SCIENCE

Stalin's definition of nation has been crucial to Soviet theoretical thinking and Soviet policy. A nation was understood as an historically constituted, stable community of people formed on the basis of a common language, territory, economic life, and psychological makeup manifested in a common culture [4]. The nation was therefore regarded as the highest stage of ethnic community development. This viewpoint stemmed from the prevailing perception of historical processes as a way to achieve the next stages of economic development as well as the corresponding three-way typology of ethnic communities: tribe as representing primitive culture nationality as representing slavery and feudalism; and nation as representing a capitalist society (it can be assumed that at present its core is the second class).

Capitalist society was to be replaced with by a socialist nation, however. The basis of the social structure would be 'an alliance between

the working class and the working peasants', while a crucial factor for nation-building would be the formation of a socialist economy. Socialist paternalism (rather than political rights and national culture) would bind the socialist nation. Serfs were thought to be morally bound to the state and therefore possessed the right to share the social product of the state. They were not politically active; nor did they feel the ethnic bond; all they were expected to do was to be grateful consumers of the goods that were chosen and rationed by the state. Subjects felt state-dependant, and unlike in civil society they did not participate in political life nor did they feel ethnic solidarity. The socialist nation was rather viewed as a new kind of nation, a community beyond ethnicity formed mainly by the economic factors that would remove the class division and build on the mass spatial mobility of its people [5], [6].

Stalin and the Bolshevik party set the direction for Soviet ethnography, which adopted the definition of ethnos that characterised the

Stalinist/Bolshevik perception of a nation and defined its socio-biological character. Iulian Bromlei, an ethnologist considered to be the author of the Soviet theory of ethnos, believed in a natural origin of ethnic communities, and differentiated 'ethnikos' from ethno-social organism. The former meant belonging to an ethno-cultural community regardless of place of residence, whereas the latter related not only to ethnical but also to territorial, political, social, and finally economic belonging [7], [8].

Nations (*nacii*), nationalities (*narodnosti*), and nationality groups were distinguished by their stage of economic and cultural development. This three-way distinction was consistent with the Marxist theory of development but ran counter to the ideas of Sergei Shirokogorov, who dismissed the terms of *narodnost'* and *nacional nost* as vague and difficult to explain [9]. The perception of ethnography above thus affected Soviet nationality policy in the form of federalism.

2. SOVIET NATIONALITY POLICY

The establishment of the USSR as a union of sovereign national republics was inspired by Vladimir Lenin. 'Self-determination from the historical and economic point of view is understood as political self-determination, state autonomy, making a national state (...). Just like humanity can only get rid of class division through a temporary dictatorship of the oppressed class, it can only get to the inevitable blending of nations by liberating all oppressed nations, i.e. freedom of their separation's [10].

The Bolsheviks, however, rose to power in the territory, because the nation-building processes were poorly developed. Still the Declaration of the Rights of the People of Russia by the Council of People's Commissars (Sovnarkom) in November 1918 acknowledged the right of nations to self-determination and autonomy. At the same time, all nationalities were expected to unite as one

Soviet nation based on the Marxist thesis that socialism and the bourgeois character of nationalism resulted in nations becoming alike. Two concepts of the *sliianiia* of nations were state-building processes and Soviet nationality policy. The first was represented by Lenin, who perceived federalism as a union of autonomous national republics. This concept meant uniting the Soviet republics of Europe and Asia with the already existent Russian FSR. Lenin's idea arose from his fear of the separatist tendencies in Ukraine, Caucasia, and Central Asia. His proposal was thus to take into account the strive for independence by the nations in the area that would become the USSR and their fear of Russian dominance [11].

Another concept envisioned by Stalin was the autonomisation of the independent republics. Stalin called Lenin's proposal to form the USSR *liberal nationalism*. The proposition was submitted to the members of the Politburo RCP (Bolsheviks) on 26th September 1922. This notion moved away from Lenin's concept by proposing *sovietisation in a national form*: "Soviet autonomy is the most real, the most concrete form of uniting the outskirts with central Russia. No one can deny the fact that Ukraine, Azerbaijan, Turkestan, Kyrgyzstan, Bashkortostan, Tataria and others cannot do without national schools, courts and administration, bodies of authority that would all consist mainly of local people. The very reason is the outskirts strive for the cultural and material development of the masses" [12].

The new state was to be one economic organism characterised by formal organs of authority (e.g., Sovnarkom, the All-Russian Central Executive Committee); therefore, the Russian SFSR now would be the Councils of People's Commissars and the Central Executive Committees of the independent republics. In this way, fictitious independence would be replaced by actual autonomy in terms of language, culture, justice, internal affairs, agriculture and so

on. Such autonomy was expected to unite the peripheries and the centre in a form of federation. The essence of this concept was thus the formal accession of the Soviet republics to the Russian SFSR as autonomous entities.

Lenin proposed replacing the term *accession* with 'formal federation'. In many ways, this development represented the establishment of the USSR, namely a compromise between Stalinist autonomisation and Lenin's idea of confederation [13]. However, the contradiction between internationalism and the ethnic character of the Soviet republics was striking. One way forward was granting the nations of Russia the right to territorial and national self-determination. Indeed, the coexistence of the two tendencies of internationalism and national identification was characteristic of the entirety of USSR history, rendering it impossible to categorise the country in terms of nation-building processes. Despite their differences, Lenin and Stalin both agreed that the national factor should be taken into account in the state-building process. They were contradicted by high-ranking party officials (e.g., Georgy Pyatakov, Nikolai Bukharin) who were often *internationalists* that believed that the right to self-determination mobilises counter-revolutionary (anti-Soviet) forces and thus should be reserved for the proletariat only [14].

The union republics that directly formed the USSR were sovereign in terms of territory and national emblems (e.g., flags, anthems). They also had their own republican authorities (parliament and government), capital cities and citizenship not to mention a republican communist party. The ethno-cultural nations that had already been established were granted their territories, but not the full right to govern them. Indeed, they were not recognised as sovereign national states for three main reasons. Firstly, and most importantly, they did not have political sovereignty. Secondly, the republican character of society was intentionally (though not

without difficulty) replaced with federal Soviet identity. Finally, the culture dominant in the republics was not the national culture of titular countries but rather the Soviet one created on the basis of post-revolutionary Russian culture and propagated via the Russian language [15]. On the one hand, the union republics were the tool of sovietisation that hampered the nation-building process. On the other, their mere existence, in addition to processes of industrialisation and urbanisation, made it possible for nations to consolidate, which led to the formation of elites and identification with the territory, thus creating the need for autonomy and sovereignty. Despite their differences, Lenin and Stalin both agreed that the national factor should be taken into account in the state-building process. They were contradicted by high-ranking party officials (e.g., Georgy Pyatakov, Nikolai Bukharin) who were often internationalists that believed that the right to self-determination mobilises counter-revolutionary (anti-Soviet) forces and thus should be reserved for the proletariat only [14].

With regards to not fully developed ethno-cultural nations (e.g., those in Central Asia), the existence of federal republics fostered the formation of nations based on 'ethnic material'. The Soviet authorities never made it possible for USSR nations to form nor to disappear.

Information about the developmental stage of national (ethnic) languages as well as religions, traditions, customs, ways of farming, and descent—tribe structures was collected by the ethnographers sent into ethnic territories. These data formed the basis for the territorial division of Central Asia that was the realisation of the state's national idea. In fact, the national/territorial division of the region was heavily politically influenced. It was the result of administrative action (the creation of boundaries, territories, institutions), cultural expression (language, literature), the effect of scientific theories (history, ethnography), and a particu-

lar vision of social structure (national elites, social and economic differentiation) [16].

The actions taken by the Soviet authorities and science resulted in a significant consolidation of Central Asian nations. National identity, a, thus far unknown phenomenon to local people, was created in the European spirit. An interesting notion was removing the term 'Sart' that was rooted in Central Asia and replacing it with the ethnonym 'Uzbek'. Sarts were thought to be a social (ethno-social) category associated with the Tajik people rather than Uzbek tribes because of their character, behaviour, values, resourcefulness, and appearance. As urban people working in trades, administration positions or schools they were treated by Bolsheviks as bourgeoisie (unlike 'the poor' Uzbeks that made their living in agriculture and breeding). Moreover, having been invaded by Turkish tribes, Sarts did not fit the image of a socialist nation. Uzbeks had more symbols and this allowed scholars to define them as an ethnic community that had the characteristics of a nation. The people of the region were provided with national attributes (territory considered to be their own, a constitution, state apparatus, literary languages, long-standing history, and everyday customs) that differentiated nations from one another. Two actions were taken to consolidate the Kazakh people. The first one was to develop a unified culture that was familiar to everyone who felt Kazakh and led a nomadic way of life. The second one was to clarify that members of the Kazakh cultural community have common origins and history. Census officers were instructed in 1926 to register all members of Kazakh tribes as Kazakhs. Moreover, the old 'pre-national' terms were changed into new 'national' ones. For instance, *agajshylyk*, an adjective meaning a sense of community between the descendants of a common ancestor, was replaced by *qazaqshylyk* to refer to all Kazakhs. In this way, the 'Kazakh nation' became

a great tribe whose members felt inter-related. This sense of belonging was heightened by traditional institutions and it raised no objections from Kazakhs.

In this way, the European model of a nation was witnessed in the region for the first time. Those identity and loyalty criteria that had previously dominated were tribe-descent, territorial, religious, or state ones, which existed simultaneously and grew in relative importance depending on the situation [17]. Hence, Soviet ethnography and the ethno-cultural perception of a nation played a crucial role in the nation-building process.

The territorial units created on the basis of ethnic criteria (Soviet republics, union republics, autonomous oblasts, and okrugs) represented the institutionalisation and territorialisation of ethnicity, which in this way became dependent on a given territory. This ethnic federalism was complemented by personal nationality in the guise of the passports (or identity cards) introduced in 1932 [18]. Russian federalism was in fact illusory. The USSR was a unitary state in which union republics were unequal members of the federation. The relations between them and the centre were of vertical character. All decisions on the crucial interests of each republic had to take into account the benefit of the entire union. It would thus be no exaggeration to define the relations between the centre and republics as patron-client. This provision was enabled by the existence of union republics and other territorial units that were formed according to ethnic criteria. The Kara-Kirghiz Autonomous Oblast, which was established as part of the Russian SFSR in October 1924, contributed to the territorial consolidation of the nation. Three factors were involved: i) the fact the Kirghiz and Kirghiz people's native land became united within one autonomous oblast (until this time they had remained divided between different administrative units of the Turkestan

ASSR); ii) the establishment of its own system of state authority; and iii) the acceleration of the transition of traditional patriarchal–feudal relations as well as economic and cultural development [19].

Although nationality was initially declarative (i.e., a matter of the choice of a particular citizen, from 1938 it was defined genealogically (i.e. dependent on the nationality of parents) and thereby impossible to change except where parents were of two different nationalities. To prove this, it was necessary to submit documents that could verify the nationality of one's parents [20]. It was then possible to choose the nationality of one parent [21].

The USSR thus become characterised by the mismatch between national territories and personal nationality. The vast number of people that occupied national territories belonged to non-titular nationalities, just as a significant proportion of the population lived outside its own republics or other national USSR entities.

Soviet nationality policy aimed to consolidate nations and accelerate the nation-building process. Terry Martin, an American historian, points out that the formulation of this policy was rooted in four factors. Firstly, nationalism was treated as an ideology to mobilise the masses to unite despite class divisions and to fight for national aims. According to both Lenin and Stalin, if Soviet authority took a national form (i.e., satisfied the demand for nationalism to some degree), it would be able to defuse national movements and neutralise the attractiveness of national slogans, thereby creating better conditions to highlight class differences and introduce Bolshevism. Secondly, national identity was considered to be an inevitable stage on the journey to internationalism. Because the future 'blending' of nations would only be possible once oppressed nations became liberated, the nation-building process was perceived as a positive stage of socialist modernisation. Thirdly, the Bolshe-

viks were convinced that the nationalism and separatism of non-Russians were a reaction against the Russian chauvinism of Tsarist authority. In other words, fostering the national development of non-Russians, aimed to prove that the Soviet authorities would not pursue Russian nationalism. Finally, encouraging the development of non-Russian nations was thought to build a positive image of the Soviet Union, raising the number of USSR supporters abroad and allowing the Union to have a greater influence over neighbouring countries.

The aims of Soviet nationality policy were to nationalise the education system, improve state apparatus, and foster a national culture. The last goal became known as *korenizatsiya*.

3. KORENIZATSIYA

Korenizatsiya (Russian: коренизация) aimed to promote the language, culture, and representatives of a titular nation, especially targeting the immigrant populations of the republics. The Soviet authorities concluded that such an indigenisation or nativisation program would only gain the support of non-Russians if it became close to the people and used a familiar native language. To this end, it fostered a national education system and recruited local people who knew the language, customs, and life styles of non-Russians to work in administrative authorities [22]. A circular letter of the Central Committee of the Russian Communist Party stated the aims of *korenizatsiya* in the following terms: to strive to place local people in state managerial positions; a rule that comrades who belong to the local nationality and speak local languages would obligatorily belong to the presidia of oblast and national central committees; to introduce a law that every director of the key departments of national central committees must be a worker of the local nationality; and to help the national central committees and oblast committees to select appropriate local workers. The Orgburo

of the RCP (b) Central Committee discussed and accepted the plan to put into force national resolutions, leaving its final review to the Central Committee Secretariat. The quoted document excerpt, signed by Jānis Rudzutaks, was sent to local party organisations [23]. *Korenizatsiya*, which was pursued until the 1930s therefore involved the representatives of titular nations holding positions in both the authorities and the enterprises of the republics, propagating the national languages in the administration, educational system, and the press, and promoting the indigenous culture and customs. However, it did not act to deprive Russians or Russian-speaking people of party or state-level positions. *Korenizatsiya* was often understood as implementing the language of local people. The Central Executive Committee and Sovnarkom resolution on the *korenizatsiya* of the Soviet apparatus in the Kirghiz ASSR stated that all the decisions of the republican and local administration had to be given in both Kirghiz and Russian. In addition, official documentation was to be translated into Kirghiz or the language spoken by the majority of people. Non-Kirghiz officials were also obliged to learn Kirghiz [24].

Korenizatsiya progressed relatively quickly. In 1927, for instance, representatives of the Soviet authorities corresponded to the ethnic structure of many Soviet regions. As one example, the rural councils (*selsoviets*) in Ukraine comprised 89% Ukrainians, while Ukrainians constituted 85.2% of the rural population. Similarly, Kazakhs, who represented 59.1 % of the rural population in Kazakhstan, comprised 61.2 % of *selsoviets*. Indeed, the advancement of *korenizatsiya* in urban councils (*gorsoviets*) even surpassed the percentage of titular people in cities. For instance, Kazakhs constituted 222 % of council members but only 13.6% of the urban population. In Ukraine, these proportions were 42.3% and 33.4%, respectively. Ukraine was the USSR

region in which *korenizatsiya* was most successful. In total, 85–90% of the documentation kept by central institutions in the republic were in Ukrainian. From 1924 to 1927, the circulation of newspapers published in Ukrainian rose from 90,000 to 612,000 [25].

By 1932, however, *korenizatsiya* had been discontinued. It became clear that collectivisation in non-Russian areas had become unsuccessful and a ‘properly conducted nationality policy’ had given way to ‘kulak-bourgeois’ nationalistic tendencies. At this time, nationality policy took the form of russification.

In the 1950 and 1960s, after Stalin’s death there was a revival of *korenizatsiya*, notably in Central Asia. Administrative policy in the region granted nominal sovereignty to titular nations, despite retaining central control, which led to the consolidation and formation of national elites in union republics. Indeed, from the 1960s onwards, the second secretary of any communist party was always of Russian or Slavic origin and rarely even resided in the republic in question. He unofficially performed the role of the local governor, whose duty was to control the nomenclature, while the first secretaries of the communist parties in the republics were the representatives of the titular nations. The number of representatives that undertook managerial functions doubled and the system prevailed in the state and party hierarchy down to the local level. If, for instance, the chairperson of the Supreme Soviet was a Kazakh or Uzbek, his first deputy was of Russian or other non-titular nationality. The same principle applied at the ministerial level, where a minister from a titular nation had a Russian deputy. The more explicit dominance of Russians (Slavs) could be seen in the state security service and armed forces. The head of republican KGB branches, for example, was always of Russian origin and the majority of officers were also Slavic while Russians also held all key party and state positions. The cen-

tre distinguished between Russians from the Russian SFSR and those from other republics. While the former were more trusted than the latter, the elites of the republics, considered local Russians to have a better understanding of local conditions [15].

This period of *Korenizatsiya* in the 1960s was referred to as a *patrimonial era*. Under the rule of, Khrushchev and Brezhnev, the leaders of the union republics in Central Asia were relatively independent, as long as the economy grew and nationalistic movements remained suppressed. During this period, *korenizatsiya* was not directed from Moscow, but was rather implemented by the leaders of the republics. The party/state apparatus was dominated by local people, and concentrated on the leader of the same nationality. Patron–client and descent–tribe relationships were thus maintained, and the leader and their apparatus fostered nation-building processes in the republics even though they officially pursued an antination-alistic policy.

4. RUSSIFICATION AND SOVIETISATION

The redirection of Soviet nationality policy in the first half of the 1930s had a wider context. The ‘export of revolution’ or ‘global revolution’ yielded to Stalin’s concept of ‘socialism in one country’ that aimed to fill ‘the new civilisation with Russian colours’ [26]. It became apparent that the hitherto ‘positive discrimination’ had not brought about the anticipated results. Indeed, according to the Soviet authorities, who were afraid of separatism and decentralisation, *korenizatsiya* had spiralled out of control to the point that it now posed a threat to unification. The centre strived to create a new commonwealth on the grounds of Soviet patriotism. The Russian nation and ‘Russionism’, which had previously been depreciated, were now perceived as powerful forces for change, able to unite the multinational population of the Soviet state. This about

turn did not mean, however, that the Bolshevik authority aspired to be a Russian (even if a socialistic) national state. It was assumed that, as in the tsarist empire, the Russian state would unite all other nations, laying the foundations to promote Russians and thereby rehabilitating both their culture and the Russian SFSR as the core of the state.

In December 1935, Soviet propaganda adopted a new rhetoric with the slogan, a *brotherhood of nations*, with the Russian nation regarded as the ‘first among equals’ or the ‘elderly brother’. ‘Former Russia is now converted into the USSR, where the nations are equal. The country is strong and powerful thanks to its army, industry and collectivised agriculture. It is the Russian nation that is the most Soviet and revolutionary among the equal nations of the Soviet Union.

At the expense of their own national interests, Russians had previously helped non-Russians overcome their historically justified distrust of the Russian identity. The situation, however, was now reversed: non-Russians were expected to express their gratitude for ‘fraternal help’ as well as to manifest their ‘love and admiration for the great Russian culture’s.

This unification process comprised three stages: (i) expressing solidarity and forming amicable relationships with the most progressive Russian working masses; (ii) making the Russian culture available to all the nations of the Soviet Union to foster their cultural development and (iii) establishing the Russian language as their means of communication, ensuring their economic and cultural advancement [14]. The third factor above was used to justify the introduction of obligatory Russian in the schools of Soviet republics and national territorial units (through the resolution of the Central Committee AUCP (B) and Sovnarkom, March 13, 1938). A population with a good command of Russian was thought to provide conditions that were conducive to further sci-

entific and technological development in addition to unproblematic military service in the Workers and Peasants Red Army and Soviet Naval Forces [27]. As the resolution stated, 'national language is the basis for teaching in the schools of republics and national oblasts... and the tendency to transfer the Russian language from the subject of teaching into a language of instruction equals discrimination on the basis of the national language and as such is harmful and improper' [28].

Bolshevik policy became more Russian centrist during the Great Patriotic War. Symbols and historical figures familiar to the Russian majority were exploited in order to raise patriotic mobilisation among Soviet society in 'the search of a usable past'. This term was first used in the essay by Henry Steel Commager, *The Search for a Usable Past and Other Essays in Historiography* [29]. According to the 1939 census, the last before the Third Reich's invasion, Russians constituted 58.4% of the country's population. 'Russification should not be perceived as the ultimate goal of indoctrinating non-Russian ethnic groups in the spirit of soviet patriotism. The authority treated the unprivileged majority of any ethnic group, Russians included, in an utilitarian way, as 'human resources' [30], [31]. Soviet propaganda at the time even compared the leading role of the Bolshevik party to the 'leadership of Russians among Soviet nations'.

The actions taken by the Bolshevik authority undeniably aimed towards the russification of both language and culture. Yet, some Russian and Russian-speaking scientists raised concerns about whether the actual goal of Bolshevik nationality policy was the national conversion of non-Russians into Russians. Academics do not agree whether national (ethnic) conversion is at all possible. Antonina Kłoskowska has pointed out that national identity can be changed by a new sense of cultural belonging but that this does not imply being absorbed

by another culture. Sergey Abashin, a Russian anthropologist, has stressed that there is no single answer to the question of whether one's ethnicity (nationality) can be changed. He suggests that ethnicity is regarded as something given, that cannot be affected, whether we take the constructivist or primordialist point of view [32], [33]. Such concerns were generally refuted, however, given that even if non-Russians started to identify with russianism in the long run, this process was treated instrumentally as a platform for sovietisation, or the formation of an international Soviet nation. 'It is a matter of fact that all the elements of a nation — the language, territory, common culture — did not fall from the sky but were gradually shaped, even in the pre-capitalist era. However, those elements were only a nucleus and at best formed a potential basis for a nation's future development in certain favourable conditions' [4].

Indeed, such assimilation was impossible for at least three reasons. First, the Stalinist concept of a nation included a primordialist argument about 'the rooting of nations' and ethno-cultural kinship, which is subject to natural inheritance rather than free choice. Cultural symbols such as language and customs were perceived to be determinants of biological consanguinity and nationality defined on the grounds of genealogy, not residence or language only. Primordialism, in fact, excludes the possibility of changing one's nationality. Bolshevik primordialism notably refers to modern ethnosymbolism, namely a conviction about the ethnic roots of nations. Second 'the rooting of nations' made Bolsheviks believe in the permanence of nations and their mother tongues as well as their resistance to assimilation reinforcing their ethno-cultural basis. Finally, language and cultural assimilation does not necessarily mean the full conversion of national identity. Even today, a vast number of Belarusian, Ukrainian, and Kazakh citizens

are Russian-speaking Belarusians, Ukrainians, and Kazakhs. Belarusian and Ukrainian (non-Galician) city residents were practically the same as Russians in terms of culture; they spoke and still speak Russian, know little or no Belarusian and Ukrainian literary languages but are fully aware of their Belarusian or Ukrainian identity and their national languages are Belarusian and Ukrainian. This is another example of how Soviet nationality policy did not allow the nation-making process to be complete [31]. *Shala qazaq* ('half Kazakh') is an especially interesting phenomenon. *Shala qazaq* was a large Russian-speaking Kazakh population different from traditional Kazakhs (*nagyz qazaq*). Broadly speaking, *Shala qazaq* are russified Kazakhs. The russification of Kazakhs concerned not only their language but also their identity and culture. This started to replace their communal character and clan-nishness with individualism and developed a consumer way of life. *Shala qazaq* are perceived as a temporary subethnos between traditional Kazakhs and Russians, a distinction that complicates modern ethnic relations in Kazakhstan.

Process of migration, specially of Russian and other eastern Slavic nations (i.e., *demographic russification*) played a substantial role in consolidating a Russian component in the Soviet state. In the early 1920s, Russians were forbidden from settling in some non-Russian territories of the USSR. Russian

settlers from the tsarist era were exiled as illegal immigrants. Later, the policy was abandoned. Soviet migration policy, just as in the Russian Empire, had political, economic and, crucially for the present paper, cultural aims. Its core was the unification of Soviet nations on the grounds of Soviet ideology and Russian culture, and the conversion of the Soviet nations into a homogeneous, classless ethno-social conglomerate. This policy referred to 'the system of ethnographic actions' from Tsarist Russia that aimed to foster the russification of the empire's peripheries through the settlement of Russian peasants [15]. The migration of Russians in the Soviet Union, just as the development of fallow land in the Kazakh SSR in the 1950s, was chiefly urban-led turning the cities of the republics into Euro-Russian cultural centres, whereas the countryside preserved its local ethnic character. Towards the time of the breakup of the USSR, over 25 million Russians lived in the Russian SFSR, representing 17.4% of the USSR population. The most populous Russian concentration outside the Russian SFSR (compared with the nation's population in the USSR) was in the Ukrainian and Kazakh SSRs while the highest proportion of Russians was in the Kazakh, Latvian, Estonian, Ukrainian, and Kirgiz SSRs. Indeed, according to the 1979 census, there were more Russians than Kazakhs (the titular nation) in the Kazakh SSR.

Table 1. Russians in the ethnic structure of the USSR and union republics in 1989

Territory	Overall population (m)	Russians in the ethnic structure of the republic		% of Russians in the USSR	% of Russians Outside the Russian SFSR
		m	%		
Armenian SSR	3,304,776	51,555	1.6	0.1	0.2
Azerbaijan SSR	7,021,178	392,304	5.6	0.3	1.6

Belarusian SSR	10,151,806	1,342,099	13.2	0.9	5.3
Estonian SSR	1,565,662	474,834	30.3	0.4	1.9
Georgian SSR	5,400,841	341,172	6.3	0.2	1.3
Kazakh SSR	16,464,464	6,227,549	37.8	4.3	24.6
Kirghiz SSR	4,257,755	916,558	21.5	0.6	3.6
Lithuanian SSR	3,674,802	344,455	9.4	0.2	1.4
Latvian SSR	2,666,567	905,515	34.0	0.6	3.6
Moldavian SSR	4,335,360	562,069	13.0	0.4	2.2
Russian SFSR	147,021,869	119,865,946	81.5	82.6	-
Tajik SSR	5,092,603	388,481	7.6	0.3	1.6
Turkmen SSR	3,522,717	333,892	9.5	0.2	1.3
Ukrainian SSR	51,452,034	11,355,582	22.1	7.8	44.9
Uzbek SSR	19,810,077	1,653,478	8.3	1.1	6.5
USSR	285,742,511	145,155,489	-	100	-

Rabochij arhiv Goskomstata Rossii. Tablitsa 9c. Raspreделение naseleniia po natsional'nosti i rodnomu iazyku, www.demoscope.ru (13th November 2012).

Sovietisation had therefore selective ethno-Russian grounds, devoid of Orthodox Christianity and related cultural aspects (music, singing, iconography, etc.). Despite unification tendencies, a relatively strong non-Russian ethnicity remained in certain republics. This ethno-Russian basis of the Soviet state was heightened by the conviction about the Russian sources of the collectivisation of agriculture and Soviet congresses. Sergey Kara-Murza advanced a thesis that the Soviet regime was based on agrarian community communism (peasant community; obshchina, mir) that fostered the collectivisation of agriculture and other reforms by the Bolshevik authorities but Richard Pipes pointed out that the lack of private property was common for both mir and kolhoz. The first, however, was not collective and farming was carried out on private land. Moreover, the peasants living in mir were the owners of their harvest, whereas kolhoz production belonged to the country

[34]. According to Kara-Murza, this reason explains why the Soviet authorities, for the first time, achieved considerable success in its state modernisation. All previous reformatory and modernisation projects had been almost bound to fail because they did not take into account Russian traditions [35], [36].

Nonetheless, taking into account the way collectivisation progressed and the approval it met with, resistance was lower in central Russia, which had traditions of communal agriculture, than it was in Ukraine.

The chairperson of the Supreme Soviet of the USSR Anatoly Lukyanov stated in 1989 that ‘the Soviet congress is a unique phenomenon, whose idea comes from Russian “sobornost”’. There is, in fact, an analogy between the Soviet congresses or the congresses of people’s deputies of the late USSR and Zemsky Sobors. Neither the Soviet congresses nor those of the people’s deputies laid down the law but they did decide on changes to the

constitution, thereby setting the direction for domestic or foreign policy Zemsky Sobors expressed public opinion on Muscovy and the monarch would take this into account at crucial moments for the state. An assembly of the Russian Empire (1613 Zemsky Sobor) elected Mikhail Romanov to be the Tsar of Russia. The Zemsky Sobor, which roughly means the assembly of the land, was an assembly of all the states of Russia. It gathered, in a way, the whole country as one land (territory).

Both russification and sovietisation (collectivisation) intensified in the early 1930s while Stalinist repression against the activists of previously korenised state-party apparatus also increased. They were accused of 'bourgeois nationalism' and membership of counterrevolutionary political organisations and the repressions were mainly aimed at the national elite, with party purges resulting in the change of staff in state bodies [37].

Transforming the people of the USSR into consolidated nations was intended to spread communist propaganda, erode the category of a nation, and establish a national Soviet community. Internationalisation was to be preceded by nationalisation (ethnicisation); however, the construction of the Soviet nation had a number of stages, two of which were crucial. The first concerned the consolidation of nations whose nation-building processes were in a preliminary stage (or only in the planning stage in the case of ethnic communities). The second aimed to convert the multinational population into a new historical community, the Soviet nation.

5. THE SOVIET NATION AS A NEW HISTORICAL COMMUNITY

One leading Bolshevik activist Mikhail Kalinin wrote in 1927 that 'we as a state should make the entire population Soviet, saturate it with Soviet patriotism'. That year he optimistically wrote (using the example of the North

Caucasus) about the supposedly already existent Soviet identity: 'Now, that the Chechen people have been given their autonomy it is their responsibility to care about the well-being and development of the country. At once they have felt full right citizens of not only their little Chechnya but also the entire Union' [38]. A number of years later, he added: 'At our place, in the USSR, a Russian man is not being shaped but rather a new type of a man [is emerging] — a Soviet citizen'. Hence, the image of a nation characterised by Soviet citizenship and a peculiar patriotism was already present at the beginning of the 1930s.

Nikolai Bukharin, another prominent Bolshevik revolutionary, pointed out that the consolidation of the Soviet nation was both vertical (class-stratified) and horizontal (national). 'There has come a great union of all classes and nations in a multinational nation, a common mother country which is the USSR' [20]. The basis of this consolidation was an alliance between the working class, peasants, and international intelligentsia: 'That is how the union is built (...) by tighter and tighter unity between the working people of different nations: the unity of purpose, the unity of direction, the unity of economic planning, the colossal increase of new, real relationships — economic and cultural ones. All of these lead to an extraordinary union of nations, developing their own (national in form) and common (socialist in content) culture' [20].

However, the prerevolutionary division of nations was problematic for the Soviet nation-building process. The Bolsheviks divided nations into industrialised and agrarian (according to socio-economic criteria) and more and less culturally developed (according to cultural conditions). This classification created a hierarchy of nations with Russia at the apex (a community that already had a well-shaped culture) together with Belarusians, Ukrainians, Georgians, Armenians, Jews and

‘western national minorities’ such as Poles, Germans and Finns). At the bottom of the hierarchy, nations at a lower level of cultural development included, those in Central Asia, Bashkirians, Buryats and Mongols, the Komi and Mari people, Kalmyks and the nations of the Caucasus and the North. Andrei Bubnov, the People’s Commissar for Education, stated in 1935 that ‘one of the major achievements of the October Revolution was the development of literature for the nations of the North’. It concerned at the time 12 nationalities of the area (the Sami people, the Nenets, the Khanty people, the Mansi people, the Evenks, the Chukchi people, Eskimos, Koryaks, the Evens, the Nanai people, the Nivkh people, the Udege people) [39]. Counteracting analphabetism, the development of educational and healthcare systems was part of a cultural revolution. Indeed, the main objective for some nations was to establish literary language and activity.

One of the crucial aims of Soviet nationality policy was to equalise the economic development of nations through industrialisation which in the 1930s began to be run on a large scale and aimed to end the division between industrialised and agricultural nations. The division of production across the USSR territory resulted from state-level priorities, however. In particular, the geographical locations of enterprises depended on centralised plans of development that took into account the natural and climatic conditions, availability of production factors (resources, qualified workers), local traditions, and military and strategic characteristics. As a result, each republic had its own specialisation.

Further, even though all Soviet nations were equal constitutionally, titular nations were privileged compared with those that did not have their own national territories (i.e., nations that had only individual nationality). The national elites in titular republics and other national USSR entities were especially afraid

that the new socialist nation would be formed from the de-ethnicisation of nations (e.g., by removing nationality data from passports, while establishing inter-republican organs of authority). For this reason, the official wording multinational Soviet nation (emphasised in the Central Committee report for the 13th Party Congress held in 1966) was welcomed with some relief.

In the 1970s, Leonid Brezhnev, the General Secretary of the CC CPSU spoke at the 24th and 25th Party Congresses about a would-be historical community in a rather vague manner. A precise explanation of what the new community was supposed to be was published by the Institute of Marxism-Leninism in 1972 and 1974: ‘The Soviet nation is not some new nation but an historical community of people that is much more than a nation, as it covers all USSR nations. The ‘Soviet nation’ is a term that reflects a thorough change of the nature and character of Soviet nations. It expresses how close and international they have become. Still, all socialist nations form one soviet nation, being at the same time its national components [40].

CONCLUSION

Although the formation of the Soviet nation was incomplete, the marks of Soviet identity remained not only in Russia but also in Belarus, eastern Ukraine, and Kyrgyzstan. According to Valery Tishkov, a Russian anthropologist, the Soviet nation was a civil and socio-cultural community. The mentality and everyday culture (‘the USSR is my homeland’) present throughout the USSR’s existence prove this opinion [41]. The population of the USSR undoubtedly felt united in terms of culture and citizenship but not in regards to territory. Apart from Russians, all other titular nations identified primarily with their own republics rather than with the entire Soviet Union. Indeed, despite its efforts, the USSR never

became the national state of the Soviet nation nor even the Russian national state. The exact criteria of the way the union republics were established remain unknown. Andrei Sud'ın suggested the rule was that the union republics were formed on the external borders of the USSR. This reasoning explains why the Tatars, for example, whose territory did not have such borders, were never given the status of a union republic, even though they previously had their own state. The argument seems to be inadequate, however, since the Kazakhs and Kyrgyz, who had such borders, did not gain the status of a union republic until 1936 [42].

The key position of Russians was undeniable, and the use of the Russian language was common place in all the Soviet nations. However, the USSR did not have the features of a national state (federalism, personal identity, the development of non-Russian elites and

national cadres, educational system, and culture), while the living standards and living conditions were higher in many union republics than in Russia or Russian SFSR. The only appropriate term for the USSR would be a multinational state or the term used by American authors, a state of nations [43]. It is also unquestionable that the reinforcement of the Russian ethnic element in the state-building process as well as the support of non-Russian development were both used as tool to create a synthesis of constructivism and ethnosymbolism. The basis of soviet constructivism was territorial-state centrism (union republics as "sovereign" political organisms), which gave the nations that had their own territories priority over self-development. Constructivism also derived from ethnosymbolism, because the nations-building process was an ethnic-based phenomenon.

REFERENCES

1. Posern-Zieliński A. Etniczność. Kategorie. Procesy etniczne. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk; 2005. p. 63.
2. Waldenberg M. Narody zależne i mniejszości narodowe w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2000. p. 30.
3. Dzhanlidze O., Siamashvili G. Po sledam „belyh piaten” istorii Gruzii. Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve—II. Desiat' let spustia. Moskva: Fond Fridricha Naumanna; 2010. 252 p.
4. Stalin J. Kwestia narodowa a leninizm. Warszawa: Nowe drogi; 1949. p. 6.
5. Verderi K. Kuda idut „natsiia” i natsionalizm? Moskva: Praksis; 2002. 306 p.
6. Tolstov S.P. Narody Srednej Azii i Kazakhstana. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR; 1962. p. 109-110.
7. Bromlei I.U. Ocherki teorii etnosa. Moskva: Nauka; 1983. p. 58-59.
8. Bromlei I.U. Etnosotsial'nye procesy: teoriia, istoriia i sovremennost'. Moskva: Nauka; 1987. p. 18-19.
9. Shirokogorov S. Etnos. Issledovaanie osnovnykh principov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii. Moskva: Izdatel'stvo «Knizhnyi Dom LIBROKOM»; 2010. p. 13-15.
10. Lenin V.I. O natsional'nom voprose i natsional'noj politike. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1989. p. 140-150.
11. Huttenbach H. Introduction: Towards a Unitary Soviet State: Managing a Multinational Society, 1917-1985. Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Mansell Publishing Limited: London-New York; 1990. p. 5.
12. Pis'mo I.V. Stalina V.I. Leninu ob opredelenii poriadka otnoshenii tsentra s republikami, 22 sentiabria 1922 g. in TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaiia enciklopediia (ROSSPEN); 2005. p. 78-79.

13. Moshchelkov E. Natsional'no-gosudarstvennaia problema v perehodnom processe: opyt Rossii (1917-1922) in Kyrgyzskaia gosudarstvennost' v XX veke (Dokumenty, istoriia, kommentarii). Bishkek: Natsional'naâ Akademiia Nauk Kyrgyzskoi Respubliki, Kyrgyzskij Gosudarstvennyj Natsional'nyj Universitet imeni Zhusupa Balasagyna; 2003. p. 180.
14. Martin T. The Soviet Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in Soviet Union, 1923-1939. New York-London: Cornell University Press; 2001. 455 p.
15. Wierzbicki A. Etnopolityka w Azji Centralnej. Między wspólnotą etniczną a obywatelską. Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA; 2008. p. 78-289.
16. Roy O. The New Central Asia. The Creations of Nations. London-New York: University Press; 2000. p. 74.
17. Hofmeister U. Kolonialmacht Sowjetunion. Ein Rückblick auf den Fall Uzbekistan. Berlin. Osteuropa; 2006. p. 3.
18. Postanovlenie Politbiuro TsK VKP(b) "O pasportnoj sisteme i razgruzke gorodov ot lishnih elementov" 16 dekabria 1932 g. in TsK RK(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaia enciklopediia (ROSSPEN); 2005. p. 699.
19. Dzhumanaliev A. Obrazovanie i razvitie kyrgyzskoi gosudarstvennosti in Kyrgyzskaia gosudarstvennost' v XX veke (Dokumenty, istoriia, kommentarii). Bishkek: Natsional'naia Akademiia Nauk Kyrgyzskoi Respubliki, Kyrgyzskij Gosudarstvennyj Natsional'nyj Universitet imeni Zhusupa Balasagyna; 2003. p. 317.
20. Vdovin A. Podlinnaia istoriia russkikh. XX vek. Moskva: Algoritm; 2010. p. 71-259.
21. Brubaker R. Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie. Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN; 1998. p. 39.
22. XII Zjazd Komunistycznej Partii (bolszewików) Rosji 17-25 kwietnia 1923. Warszawa: Nauka; 1980. p. 643-646.
23. Cirkuliarnoe pis'mo CK RKP(b) o mero-priiatiiah po realizacii postanovlenii po natsional'nomu voprosu, priniatyh XII sezdom RKP(b) i IV soveshchaniem TsK RKP(b) s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nyh republik i oblastei in TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaia enciklopediia (ROSSPEN); 2005. p.169-171.
24. Iz postanovleniâ CIK i SNK Kirg. ASRR o korenizatsii sovetskogo apparata, 3 marta 1928 g. in: Kyrgyzskaia gosudarstvennost' v XX veke (Dokumenty, istoriia, kommentarii). Bishkek: Natsional'naia Akademiia Nauk Kyrgyzskoi Respubliki, Kyrgyzskij Gosudarstvennyj Natsional'nyj Universitet imeni Zhusupa Balasagyna; 2005. p. 229-231.
25. Dokladnaia zapiska Organizacionno-raspredelitel'nogo otdela TsK VKP(b) v TsK VKP(b) o praktike natsionalizacii sovetskikh, partiinyh, professional'nyh i kooperativnyh apparatov, 16 sentiabria 1927 g. in TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaia enciklopediia (ROSSPEN); 2005. p. 503-520.
26. Andrusiewicz A. Cywilizacja rosyjska. Tom trzeci, Warszawa: Książka i Wiedza; 2009. p. 97.
27. Blitstein P. Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938-1953. A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. London: Oxford University Press; 2001. p. 1.
28. Postanovlenie TsK VKP(b) i SNK SSSR "Ob obiazatel'nom izuchenii russkogo Irzyka v shkolah Nacional'nyh republik i oblastei", 13 marta 1938 g. in TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 2. 1933-1945. Moskva: Rossijskaia politicheskaia enciklopediia (ROSSPEN); 2009. p. 394.
29. Brandenburger D. It Is Imperative to Advance Russian Nationalism as the First Priority. A State of Nations. Empire and Nation-Making in

- the Age of Lenin and Stalin. Oxford: University Press; 2001. p. 276.
30. Epshtein D. Sovetskij patriotizm: 1985-1991 in E. Ian (red.), Natsionalizm v pozdne- i postkommunisticheskoy Evrope. Tom 1. Neudavshijsia natsionalizm mnogonacional'nyh i chastichnyh natsional'nyh gosudarstv. Moskva: Rossijskaia politicheskaja enciklopediia (ROSSPEN); 2010. p. 242.
 31. Buhovets O. Istoriopisanie postsovetskoj Belarusi: demifologizatsiia „remifologizatsii” in F. Bomsdorf, G. Bordiugov (ed.), Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve—II. Desiat' let spustia. Moskva: Fond Fridricha Naumanna; 2010. p. 27-31.
 32. Kłoskowska A. Kultury narodowe u korzeni. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; 2005. p. 141.
 33. Abashin S. Natsionalizmy v Srednej Azii v poiskah identichnosti. St.Peterburg: Aleteia; 2007. p. 296.
 34. Pipes R. Rosja carów, przekład W. Jeżewski. Warszawa: Wydawnictwo Magnum; 2012. p. 18.
 35. Kara-Murza S. Matrica „Rossiia”. Moskva: Algoritm; 2007. p. 16-35.
 36. Kara-Murza S. Sovetskaia tsivilizaciia. Ot nachala do nashich dnei. Moskva: Algoritm; 2008. p. 20-44.
 37. Aliev I. Etnicheskie represii. Moskva: Radio-Soft; 2008. p. 4-17.
 38. Kalinin M.I. Desiatiletie sovetского stroia (1927 g.) in TsK RKP(b)-VKP(b) I natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaja enciklopediia (ROSSPEN); 2005. 527 p.
 39. Dokladnaia zapiska narkoma prosveshcheniia RSFSR A.S.Bubnova v TsK VKP(b) i I.V.Stalinu o pis'mennosti dlia narodov Severa, TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyj vopros. Kniga 1. 1918-1933. Moskva: Rossijskaia politicheskaja enciklopediia (ROSSPEN); 2005. p. 122-123.
 40. Leninizm i natsional'nyj vopros v sovremennykh usloviiah. Moskva: Politizdat; 1972. p. 19-74.
 41. Załęski P. Radzieckość w tożsamości kulturowo-społecznej we współczesnym Kirgistanie. Między dziedzictwem a tradycją wynalezioną. Warszawa: OficynaWydawnicza ASPRA-JR; 2012. p. 14-76.
 42. Sud'in A. Respublika Tatarstan v gosudarstvennoj strukture Rossii in Etnicheskii natsionalizm i gosudarstvennoe stroitel'stvo. Moskva: Institut Vostokovedeniia RAN; 2001. p. 187.
 43. Suny R., Martin T. A State of Nations. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford: University Press; 2001. p. 30-44.

Received 17.06.2017

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrzej Wierzbicki, Doctor of Political Science, Warsaw university, Warsaw, Poland; bld. 26/28, Kazimierzowski Palace, Warszawa, Poland, 00-927; awierzb@onet.eu

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь

Флюра И. Храмцова

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь,
flura.org@gmail.com*

Аннотация. Обоснована сущность государственной гендерной политики на современном этапе в Республике Беларусь. Раскрыты региональные особенности реализации государственного программного документа «Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017-2020 годы». Показан опыт проектирования регионального плана реализации государственной гендерной политики Минского городского исполнительного комитета на 2017-2020 годы на примере Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В широком значении под гендерной политикой понимается одно из стратегических направлений социальной политики. При этом гендерная политика направлена на преодоление дискриминации по признаку пола, гендерной асимметрии в сфере властных отношений, гендерного дисбаланса на рынке труда, занятости. Гендерная политика в контексте международных законодательных актов осуществляется с учетом национального своеобразия, особенностей политического устройства, и социально-экономического развития отдельно взятой страны. При всех существующих различиях гендерная политика в ее узком значении — это целенаправленный, динамический, адаптивный процесс государственного управления, регулирования, координации, контроля в сфере гендерных отношений на трех основаниях: заданной политической доктрины; государственной идеологии; программных приоритетов и ценностей гендерного равенства. Междисциплинарность гендерной политики интегрирует ее с другими направлениями социальной политики. Отсюда следует: гендерная политики имплицитна целям, содержанию государственной семейной политики, демографической, образовательной, молодежной, охраны материнства и детства. Формирование и реализация гендерной политики опирается на анализ, интерпретацию статистических данных (направлений социальной политики), которые дезагрегированы по признаку пола, в динамике показателей. На основе использования методологии ООН, с учетом национальной специфики белорусского общества разработана и развивается релевантно-гендерная статистика как информационный ресурс принятия решений. Гендерная статистика в Беларуси применяется органами власти, управленцами-практиками, учеными.

Практика подтверждает, использование гендерного подхода в системе государственного управления способствует обеспечению прав, свобод, возможностей женщин, повышает их социальные и политические статусы как внутри общественных институтов, так и на

уровне государства. И наоборот, игнорирование гендерного фактора может быть разрушительным для общества и его институтов.

Ключевые слова: гендерная политика, устойчивое развитие, человеческий потенциал, экспертные рабочие группы, гендерное бюджетирование, гендерная компетентность

Для цитирования: Храмцова Ф. И. Региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):256-264. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-256-264

Regional Peculiarities of Gender Policy in the Republic of Belarus

Flura I. Khramtsova

*Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk,
Republic of Belarus,
flura.org@gmail.com*

Abstract. The essence of the state gender policy at the present stage in the Republic of Belarus is substantiated. The regional peculiarities of the implementation of the state program document «The National Plan of Action for Ensuring Gender Equality for 2017-2020» are disclosed. The experience of designing a regional plan for the implementation of the state gender policy of the Minsk City Executive Committee for 2017-2020 is shown on the example of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus.

In the broad sense, gender policy is understood as one of the strategic directions of social policy. At the same time, gender policy is aimed at overcoming discrimination based on gender, gender asymmetry in the sphere of power relations, gender imbalance in the labor market, employment. Gender policy in the context of international legislative acts takes into account the national identity, the features of the political system, and the socio-economic development of a concrete state. With all existing differences, gender policy in its narrow meaning is a purposeful, dynamic, adaptive process of public administration, regulation, coordination, control in the sphere of gender relations on three bases: political doctrine; state ideology; program priorities and values of gender equality. The interdisciplinarity of gender policy integrates it with other areas of social policy. Thus, gender policy is implicit in goals, the content of state family policy, demographic, educational, youth, protection of maternity and childhood. Formation and implementation of gender policy is based on analysis, interpretation of statistical data (social policy directions), which are disaggregated by sex, in the dynamics of indicators. Based on the UN used methodology, taking into account the national specifics of the Belarusian society, has been created relevant gender statistics and it is developing as an information resource for decision-making. Gender statistics in Belarus are used by authorities, practitioners-managers and scientists.

Practice confirms that the use of a gender approach in public administration contributes to the procuring of the women rights, freedoms, and opportunities. It increases their social and political

statuses both within societal institutions and at the state level. Conversely, ignoring the gender factor can be devastating for society and its institutions.

Keywords: gender policy, sustainable development, human potential, expert working groups, gender budgeting, gender competence

For citation: Khramtsova F. I. Regional Peculiarities of Gender Policy in the Republic of Belarus. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):256-264. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-256-264

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность гендерной политики обусловлена возрастающей сложностью решения социально-экономических задач, эффективность которых зависит от человеческого потенциала, его развития, на основе гендерного равенства как цели, ресурса, фактора устойчивого развития общества. В Послании к белорусскому народу и Национальному собранию (21.04.2017) Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подчеркивал, что человеческий потенциал, включаясь в сферу общественного производства, преобразуется в капитал человеческий как движущую силу «создания прочной экономики, экономики завтрашнего дня». Такая постановка проблемы актуализирует гендерный императив политики государства во всех сферах жизнедеятельности общества.

Такой подход определяет методологическую опору на генезис лонгитюдных исследований [2], изложенных в работах автора, на основе методологии политической науки, в русле метапарадигмального подхода. Отсюда логично рассматривать государственную гендерную политику как сложный, многогранный, сингулярный вид деятельности легитимных властных институтов, в силу синергизма сложившихся гендерных детерминаций. Проанализируем сущность дефиниции.

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА – ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В современном мире гендерное равенство общепризнано как индикатор представительной демократии, основополагающий принцип этики, базовая основа профессиональной компетентности. Декларация Тысячелетия (Саммит, 2000) вслед за Пекинской Платформой действий (1995 г.) определила равенство прав и равенство возможностей женщин и мужчин как основу устойчивого развития: «Ни один человек и ни одна страна не должны лишаться возможности пользоваться благами развития. Должно быть гарантировано равенство прав и возможностей мужчин и женщин». Главным ресурсом гендерного равенства в национальных государствах является гендерная политика.

Реализация гендерной политики требует анализа статистики, мониторинга, учета гендерной социальной и политической реальности, и на этой основе принятия решений. Важно понимать, в чем состоят особенности, каковы взаимосвязи понятий «государственная гендерная политика» и «гендер» как явление, процесс, иерархия, стратификация в трехчастотном измерении (класс, пол, раса) [1].

Если первое понятие достаточно самостоятельное явление, то гендер (в контексте — гендерные отношения) понимается как объект воздействия политики государства, упорядочивания и инкультурации. Вместе

с тем «гендер» включает смыслы обратного действия, т.е. воздействия на политику государства. Особенности такого влияния не в рационально выраженном управлении гендера политикой, но в косвенном воздействии, имеющем действенный характер влияния динамику и целеполагание государственной политики. В этом смысле специфика гендера как неформализованной системы социальных отношений состоит в отсутствии собственной единой государственной или межгосударственной политической институции. Поэтому гендер не аккумулирует проблемную область гендерных отношений и не может ее воплощать в политических решениях, в форме требований. Особенности гендерных отношений в динамике форм: общественных организаций, стихийных движений, формирований, публичных актов, интернет-сообществ, медийных персон. Динамика и ареал гендерных отношений за последние десятилетия значительно возросли. Поэтому политики, национальные парламенты и правительства вынуждены давать ответы на запросы гендерных общностей, перестраивать программы в соответствии с новыми запросами. В современном мире гендерные отношения задают повестку предвыборных кампаний, политических дебатов, сессий парламентов, заседаний правительств, меняя политический ландшафт отдельных стран и целых континентов.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Указанное обстоятельство требует учета во всестороннем анализе и характеристике гендерной политики в Республике Беларусь на основе выводов, полученных в ходе исследований. Итак, раскроем суть ведущих закономерностей государственной гендерной политики.

Первое положение. *Закономерность интегрального характера гендерной по-*

литики состоит во включении гендерной составляющей во все компоненты, уровни полисубъектного политического процесса, в процедуры выработки политических решений. Основным субъектом гендерной политики является государство, его базовые институты. Формируемые политически гендерные отношения не только объемлют и отражают структуру общества, но и задают направления, рамки гендерной трансформации в обеспечении конституционных прав, при этом расширяя возможности в доступе к власти, ресурсам управления.

Второе положение. *Закономерность эффективности гендерной политики от уровня функционирования национально-го механизма* обеспечения гендерного равенства, суть которого в интеграции воли, практических действий, решений государства и участия гражданского общества. В такой интеграции особая роль отводится структурно-функциональному принципу распределения и перераспределения ряда функций *сбалансированной гендерной политики* в Республике Беларусь на 3-х взаимосвязанных уровнях:

- *республиканском*, на котором функции координации, мониторинга, экспертизы законодательных и управленческих актов осуществляет Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь;
- *региональном*, функции планирования, организации и контроля над реализацией гендерной политики осуществляют экспертные рабочие группы, в составе которых руководители органов государственной власти, учреждений, организаций, общественные деятели, ученые; деятельность экспертных рабочих групп осуществляется при областных исполнительных комитетах, Минском горисполкоме, совместно с Советами депутатов;
- *локально-поселенческом*, организацион-

но-распорядительные, нормативно-методические функции этого уровня осуществляют органы местного управления и самоуправления по реализации плана гендерной политики в целях корректно-гендерного развития социально-демографических групп; конструирования гендерных отношений по месту учебы, работы, в общественных организациях, объединениях, движениях, в социуме, в семье, средствами интеграции, социального партнерства.

Третье положение. *Закономерность возрастания ключевой роли гендерного фактора* в изменяющемся мире и белорусском обществе сегодня состоит во всеобъемлющем развитии потенциала женщин как движущей силы устойчивого развития. Основные тенденции в сфере гендерных отношений состоят, с одной стороны, в возрастании социальной энергии женщин, их экономической и политической активности. С другой стороны, усиливается влияние информационных угроз в условиях вызовов глобализации, ультра-гендерных идеологий девальвации института семьи и брака, — предотвращение которых составляет *главную задачу деятельности органов государственной власти и гражданского общества* на основе активного включения социально-политического, духовно-нравственного и гражданского потенциала женщин в модернизацию страны.

Итак, государственная гендерная политика в Республике Беларусь — это целенаправленная деятельность органов власти по обеспечению конституционных прав и свобод женщин и мужчин на основе гендерного равенства, с учетом этнокультуры, традиций, в целях развития человеческого потенциала, расширения возможностей женщин в доступе к власти, ресурсам, социальным благам средствами государственно-правового регулирования.

ПОКАЗАТЕЛИ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Раскроем параметры эффективности гендерной политики. В контексте гендерной парадигмы (Декларация тысячелетия ООН, 2000 г.) и гендерной методологии (Саммит ООН по устойчивому развитию, 2015 г.) параметрами эффективности являются основные показатели:

- ° представительство женщин в Национальном парламенте и динамика его удельного веса;
- ° страновой индекс человеческого развития женщин в соотношении с индексом человеческого развития мужчин;
- ° страновой индекс гендерного развития как обобщенный показатель положения социально-демографических групп;
- ° страновой индекс гендерного неравенства в рангах индексов стран-участниц ООН;
- ° страновой индекс гендерного разрыва по социально-экономическим индикаторам;
- ° коэффициенты охвата населения образованием по его уровням, продолжительность обучения в соответствии с Международной стандартной классификацией образования (далее — МСКО).

Применительно к оценке состояния государственной гендерной политики в Республике Беларусь сохраняется устойчивая тенденция прогресса по всем основным показателям в их динамике. Согласно гендерной универсальной норме ООН (1/3: женщины, мужчины соответственно) в сфере принятия политических решений по итогам созывов обеспечено 30% представительство женщин по результатам выборов в Национальное собрание Республики Беларусь. В 2016 году доля женщин возросла и составила 33,7% от общей численности депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Для сравнения: на 1 августа 2016 года по данным Межпарламентского союза, в странах Организации по

безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Северной Европы представительство женщин в двухпалатных парламентах составляет 25,6%, тогда как мировой показатель — 22,8%. По итогам 2015 года Беларусь включена в группу 15 стран мира, где индекс человеческого развития женщин равен или превосходит аналогичный показатель мужчин. Индекс гендерного развития Беларуси составляет 1,021. По индексу гендерного неравенства страна занимает 31-е место среди 155 стран мира. Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 года страна занимает 30-е место из 144 государств. Коэффициент охвата населения первым этапом среднего образования составляет 95,5% для женщин и 95,4% для мужчин (уровень МСКО 2). Общий коэффициент охвата населения вторым этапом среднего образования составляет 107% для женщин и 113,6% для мужчин (уровень МСКО 3). Третичным образованием охвачено — 103,8% женщин и 80% мужчин. Средняя продолжительность обучения (11,5 года) и ожидаемой продолжительности обучения (15,7 года) являются высокими среди 28 стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран. Беларусь входит в 25 стран из 179, благоприятных для рождения ребенка, и лидирует среди государств-участников Содружества Независимых Государств.

Векторы изменения характера и сферы действия гендерного фактора политики за последние годы связаны с последовательным выполнением целей и задач программных документов: Национального плана действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 гг.; Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2001–2005 гг.; Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008–2010 гг. и Национального плана действий

по обеспечению гендерного равенства на 2011–2015 гг. Продвижение гендерного равенства претерпело эволюцию от влияния на улучшение положения женщин до гендерного фактора политики как национального механизма развития человеческого потенциала. Особенности продвижения гендерного равенства в следующем: от политики решения социальных проблем женщин к обеспечению гендерного подхода в принятии политических решений; от разработки законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих гендерное равенство, к расширению масштабов гендерной экспертизы национального законодательства в целях его совершенствования; от просветительских кампаний к гендерному образованию руководителей и управленцев на всех уровнях системы государственного управления.

Раскроем *региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь на современном этапе*. Правовыми основами, инструментом реализации региональной гендерной политики является утвержденный Советом Министров Республики Беларусь (от 17.03.2017 г., №149) пятый программный документ — Национальный механизм обеспечения гендерного равенства на 2017–2020 гг. (далее — Национальный механизм). Как было отмечено, основным показателем регионального измерения состояния гендерной политики является динамика участия женщин в сфере принятия решений, лидерского потенциала, по этому параметру очевидна динамика роста. Региональное измерение гендерного состава государственных служащих в Республике Беларусь на 1 июля 2015 года, согласно Статистическому сборнику Национального статистического комитета, отражает значительное преобладание женщин от общей численности.

Таблица 1. Численность государственных служащих государственных органов и иных государственных организаций Республики Беларусь (по состоянию на 1 июля 2015 года, в %)

Регион страны (область)	Женщины	Мужчины
Брестская	66,0	34,0
Витебская	71,1	28,9
Гомельская	70,5	29,5
Гродненская	66,4	33,6
Минск	67,9	32,1
Минская область	78,5	21,5
Могилевская	72,3	27,7

Региональный потенциал политического статуса женщин отражают результаты выборов депутатов местных Советов депутатов 27-го созыва (23 марта 2014 года): избрано 8700 женщин (46,3% от общего количества депутатов). Также в регионах Советы депутатов всех территориальных уровней возглавляют женщины (более 30%). Женщины составляют около 68 процентов государственных служащих, занятых в органах судебной власти. Обобщая вопрос регионального измерения гендерной политики, с опорой на анализ практики Минского городского исполнительного комитета, предпринятый автором

в качестве члена экспертной рабочей группы, сформулируем наиболее актуальные задачи:

- развитие инновационного потенциала экспертных рабочих групп как субъектов региональной вертикали гендерной политики, в компетенциях которых инициирование разработки, совершенствования административно-правовых, организационно-управленческих, научно-методических основ партнерства с органами местного управления и самоуправления, государственными учреждениями, организациями, институтами гражданского общества;

- формирование и развитие гендерной компетентности и гендерной политической культуры руководителей, специалистов органов государственного управления, государственных и негосударственных организаций, их заместителей в условиях региональной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров;
- подготовка специалистов новой квалификации: гендерная экспертиза национальных и региональных нормативных правовых актов, консультационной, нормотворческой деятельности по решению региональных гендерных проблем;
- подготовка специалистов новой квалификации: гендерное бюджетирование государственных и региональных программ как инструмент эффективного, прозрачного, адресного распределения финансовых ресурсов в русле Стратегии реформирования системы управления государственными финансами в Республике Беларусь (Постановление Совета Министров от 23.12.2015 г., №1080).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реализация потенциала экспертных рабочих групп как основных субъектов региональной вертикали гендерной политики требует усиление научно-инновационной роли республиканских и региональных университетов за счет практических эффектов от результатов научно-исследовательской деятельности. На неотложное решение этой задачи указывает Глава государства А. Г. Лукашенко в Послании

белорусскому народу и Национальному собранию (21.04.2017): «Следует активизировать работу по развитию университетов как центров научно-инновационной деятельности». Примером такого подхода является инновационно-образовательная, научно-внедренческая, консалтинговая деятельность Академии управления при Президенте Республики Беларусь в сфере государственной гендерной политики. В частности, образовательный процесс подготовки специалистов высшей квалификации в области государственного управления; системы переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров — содержит гендерный модуль формирования профессиональной компетентности «Гендерная матрица управленческих решений», разработанный коллективом кафедры управления региональным развитием. Полученные результаты научно-исследовательских работ этой кафедры востребованы региональными органами власти и используются при проектировании региональных планов гендерной политики по реализации Национального механизма на 2017-2020 годы. Например, в ходе социального партнерства и по запросу Минского горисполкома (от 26.04.2017, №10/2-18/791) подготовлены предложения для их включения в региональный план. В таблице 2 представлен проект плана гендерной политики Минского горисполкома по реализации Национального механизма на 2017-2020 гг., разработанный кафедрой управления региональным развитием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храмцова Ф. И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект. Минск: Бестпринт; 2012. 332 с.
2. Храмцова Ф. И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь. Минск: Бестпринт; 2014. 292 с.

REFERENCES

1. Khramtsova F. I. Gendernaya metodologiya podgotovki spetsialistov sotsial'noy raboty: metaparadigmallyy aspekt /F.I. Khramtsova. Minsk: Bestprint; 2012. 332 p. (In Russ.)
2. Khramtsova F. I. Sotsial'nyy immunitet molodezhi kak faktor natsional'noy bezopasnosti Respubliki Belarus'. Minsk: Bestprint, 2014. 292 p. (In Russ.)

.....
*Статья получена 22.08.2017,
Received 22.08.2017*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Флора И. Храмцова, Доктор политических наук, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь; 220007, Республика Беларусь, Минск, Московская ул., д. 17; flura.org@gmail.com

Flura I. Khramtsova, Doctor of Political Science, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; bld. 17, Moskovskaya Str., Minsk, Republic of Belarus, 220007; flura.org@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Участие церковных организаций в международных отношениях

Николай В. Алексеев

*Московский гуманитарный университет, Москва, Россия,
serezha.kol9@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрено участие церковных организаций в политическом процессе. Церковь как институт принимает активное участие в международных отношениях. Деятельность религиозных организаций на международной арене носит неоднозначный характер. Показано, что религиозные институты способны оказывать влияние на политику государства. Они, в исторической ретроспективе, использовали политику вмешательства во внутренние и во внешние дела государств. Религиозные организации проявляли и проявляют противоречивое воздействие на межгосударственные отношения. Церковные организации пытались быть деятельными участниками в политической жизни. При усилении светской власти, религиозные организации не перестали использовать политические технологии давления на политику правящего класса. Они их изменяли и адаптировали к новым политическим реалиям.

Церковь как институт, как правило, пользуется авторитетом среди населения в большинстве стран. Мировоззрение многих социальных групп по-прежнему формируется под влиянием религиозных доктрин и концепций. Церковь, как и государство, может мобилизовать своих сторонников. Многие из них готовы отстаивать интересы церкви в политическом процессе. Участь многих политических режимов, непосредственным образом зависела от взаимодействия с руководством церкви. В свою очередь современные политические акторы пытаются усилить с помощью религиозного института собственную политическую власть. Правящий класс заинтересован в участии церкви в политике. Их сотрудничество является взаимовыгодным.

Активизация церковных организаций в политическом процессе зависит от деятельности государства. В России популярностью пользуется Русская православная церковь. Она активно продвигает интересы российской политической элиты, которые в свою очередь оказывают РПЦ различную поддержку. Наряду с этим церковь стремится противодействовать распространению в стране западных идеалов. Священнослужители активно проповедуют традиционные христианские ценности в общественно-политическом процессе. Их влияние с каждым годом увеличивается.

Ключевые слова: политический актор, политическая элита, правящий класс, политический процесс, церковь

Для цитирования: Алексеев Н. В. Участие церковных организаций в международных отношениях. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):265-272. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-265-272

Participation of the Church Organizations in the International Relations

Nikolai V. Alekseev

*Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia,
serezha.kol9@mail.ru*

Abstract. Participation of the church organizations in political process is considered. The Church as an institution takes an active part in international relations. Activity of the religious organizations on the international scene has ambiguous character. They, in a historical retrospective, used policy of interference in internal and in foreign affairs of the states. It is shown that religious institutes are capable to exert impact on policy of the state. Religious organizations have shown and have a contradictory impact on interstate relations. The church organizations tried to be active participants in political life. With the strengthening of secular power, religious organizations have not ceased to use political technologies of pressure on the policies of the ruling class. They changed them and adapted them to new political realities.

As a rule, the church as an institution enjoys authority among the population in most countries. The world view of many social groups is still formed under the influence of religious doctrines and concepts. The church, as well as the state, can mobilize the supporters. Many of them are ready to advocate the interests of church in political process. The fate of many political regimes, directly depended on interaction with the leadership of the church. In turn modern political actors try to strengthen own political power by means of religious institute. The ruling class is interested in participation of church in policy. Their cooperation is mutually advantageous.

Activization of the church organizations in political process depends on activity of the state. In Russia, the Russian Orthodox Church enjoys popularity. She actively advances interests of the Russian political elite which in turn give to ROC various support. Along with this, the church strives to counteract the spread of Western ideals in the country. Priests actively preach traditional Christian values in the socio-political process. Their influence increases every year.

Keywords: political actor, political elite, ruling class, political process, church

For citation: Alekseev N. V. Participation of the Church Organizations in the International Relations. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):265-272. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-265-272

ВВЕДЕНИЕ

В политической истории, кроме государства на международной арене принимали участие различные акторы, среди которых

были религиозные организации. Они практиковали политику вмешательства во внутренние и во внешние дела государства. Их влияние носило геополитический характер.

На территории Европейского Союза (ЕС) длительный период времени в политическом процессе активное участие принимали Римско-католическая и протестантская церкви. В России эту деятельность выполняла Русская православная церковь, религиозная доктрина которой укоренилась в общественном сознании и ассоциировалась в качестве «национального символа» [1].

Религиозные организации оказывали противоречивое влияние на взаимодействие государств. Церковные организации стремились быть не просто наблюдателями, но и активными участниками в политической жизни. Например, историк А. В. Карташев о периоде Смуты писал следующее: «В момент связанности арестом патр. Ермогеном, Дионисий вместе с Авраамием Палицыным рассылали во все стороны одно за другим агитационные послания... призывались русские люди восстать против врагов за веру и отечество» [2]. РКЦ, протестантские церкви и РПЦ в международных делах зачастую выступали в качестве акторов политики. Наибольший пик влияния церковных организаций в международных делах достиг в эпоху Средневековья.

В дальнейшем церковь, как социально-политический институт утратила политическое влияние на народные массы из-за смены общественно-производственных отношений. Во всяком случае, Римско-католическая церковь, даже утратив бывшее могущество, продолжала оставаться субъектом политики. Советский историк С. Г. Лозинский об этом писал следующее: «Революция 1848 года заставила Пия IX бежать из Рима, и только вооруженное вмешательство Франции, Австрии и Неаполя дало ему возможность в 1850 году вернуться в Рим. Массовые казни, бесчисленные высылки, кровавое подавление всякого выступления против господства церкви не могли, однако, спасти Папскую область... Рим, естествен-

но, стал мечтать о восстановлении папства в качестве международной силы» [3]. Несмотря на то, что произошло усиление светской власти, религиозные организации могли использовать политические технологии и могли оказывать давление на политику правящего класса, только не в полном объеме, как во времена Средневековья.

ЦЕРКОВЬ КАК ИНСТИТУТ

Церковь наряду с государством имеет множество сторонников и пользуется авторитетом среди них. Религия в настоящее время, также как и в прошлом, является неотъемлемой и составной частью мировоззрения отдельных граждан. В мире более чем 8 из 10 человек идентифицируют себя с той или иной религиозной группой. Объясняется тем, что мировоззрение многих социальных групп, формируется под влиянием религиозных доктрин. В общественно-политическом процессе священнослужители испокон веков занимались продвижением специальных духовных учреждений. Появлялись церковно-приходские школы, высшие учебные заведения и многие другие структуры, через которые оказывалось влияние на духовно-нравственное состояние масс.

Отдельные политические деятели, как Филипп IV, Владимир I и прочие часто использовали религиозные организации в качестве политического инструмента. К примеру, Е. Б. Черняк о Филиппе Красивом писал: «22 сентября 1307 года Королевский совет принял решение об аресте всех тамплиеров... Король делал вид, что он действует с полного согласия папы, который узнал о мастерской «полицейской» акции, проведенной Филиппом, лишь после ее свершения» [4]. С помощью религиозного института политики пытались упрочить политическую власть и привилегированное положение правящего класса. Советский

деятель Е. М. Ярославский выявил следующую закономерность: «Эксплуататоры, сделавшие издревле религию орудием своего господства над массами, ныне стараются приспособить свои религиозные учения к условиям нового времени» [5]. С другой стороны правящие классы, которые не обладали сильной политической властью, могли выстраивать доверительные и нейтральные отношения с папской или иной религиозной властью, поскольку они хотели поддержания политической стабильности в государстве. Политические деятели крайне осторожно конструировали государственно-церковные отношения, так как в политической истории было множество случаев, свержения королей папской властью.

Для воцерковленных граждан, религиозные институты на международной арене ассоциируются в качестве посреднических организаций и духовно-нравственных учреждений, нежели политических акторов. Политический опыт прошлого и настоящего полностью опровергает данное суждение. Религиозные институты, как акторы политики способны артикулировать общественное мнение граждан в угоду правящего класса. Соответственно, отдельные граждане зачастую даже не осознают того, что они не «по своей воле» поддерживают позицию политической элиты на международной арене. Религиозные деятели оказывают немаловажную помощь правящему классу в контроле информационного пространства. Соответственно, властвующая элита разрабатывает и осуществляет политику, направленную на обеспечение национальной и информационной безопасности [6].

Сегодня отдельные церковные институты в ЕС и России пользуются особым авторитетом среди политической элиты. Это связано с тем, что церковь, как общественно-политический институт взаимодействует со многими социальными группами, которые

являются потенциальным электоратом для политических деятелей. Советский мыслитель С. Г. Лозинский приводил следующую аналогию: «Феодальная знать... была непосредственно заинтересована и в укреплении авторитета церкви, как идеологической организации... Церковь помогала феодалам удерживать в повиновении все более закрепощаемые массы крестьян, внушая идею «божественности» и «святости» установившихся порядков» [3].

Следовательно, в отдельных государствах, где доминировала, та или иная церковь, правящие классы зачастую стремились заручиться поддержкой церкви, так как она могла воздействовать на своих последователей. В международных делах тандем духовной и светской власти часто приводил к усилению отдельного государства. Политические деятели, когда вели переговоры с соседними государствами, где имелись сторонники церковной организации, которая доминировала в их стране, опираясь на авторитет церкви, добивались наилучших дипломатических договоренностей.

Не только церковные, но и другие традиционные религиозные организации являются акторами политики. Судьба многих политических режимов, непосредственным образом зависела от сотрудничества с руководством церкви, которая в любой момент могла призвать своих сторонников для защиты интересов правящего класса. Лояльные отношения, выстраиваемые политической элитой с церковными институтами, позволила обеим сторонам достичь усиления собственных предпочтений в общественно-политической жизни. Не только правящие классы получали определенную выгоду от таких отношений, но и сами священнослужители, которые становились могущественнее. Стоит помнить, что именно предпочтения, чаще всего приводили к появлению разногласий между светской и ду-

ховной властью. Победителем в схватке в основном становилась та сторона, которая обладала большим политическим влиянием и поддержкой среди народных масс.

РПЦ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Российские политические элиты международной деятельности РПЦ отводят немаловажные задачи. Одной, из них можно считать налаживание конструктивного диалога со странами Запада. Кроме этого, опираясь на авторитет РПЦ, политические элиты пытаются навязать «свободной» Европе традиционные христианские ценности, которые в настоящее время в ЕС утратили значимость. Во многих европейских странах господствуют новые идеалы, а традиционные устои, как правило, трансформировались под натиском глобализации. Идеи массовой культуры стали доминирующими. Общественное мнение европейцев под эгидой трансформационных процессов сильно видоизменилось. Несмотря на то, что ЕС и Россия являются государствами, где существуют демократические устои, европейские ценности сильно отличаются от российских. В религиозной сфере преобладает католицизм и протестантизм.

Протестантские церкви подверглись большему влиянию глобализационных процессов, нежели РПЦ. Они стали первыми, чьи священнослужители выступили за легализацию однополых браков и прочее. В ЕС протестантские церкви выступили в качестве латентных акторов, которые видоизменили общественное мнение религиозных граждан по некоторым вопросам и т.д. Руководство РКЦ зачастую придерживается неопределенной позиции, а представители РПЦ в открытую заявляют, что нужно вести активную политику по противодействию распространения подобных пороков на территории российского госу-

дарства. Несмотря на то, что Россия не является членом ЕС, она казуально связана с культурными европейскими ценностями, которые столетиями оказывали влияние на российскую государственность.

Среди всех остальных христианских организаций, РПЦ в вопросах однополых браков является самой ортодоксальной стороной. А если учитывать тот факт, что РПЦ имеет, целую сеть приходов на территории ЕС, то опасения европейских политиков весьма закономерны, поскольку массивная пропаганда, проводимая религиозными учреждениями, способна оказывать амбивалентное влияние на стабильность политической системы. Политические деятели стремятся использовать любые механизмы для достижения стабилизации политической сферы. Они, как правило, пристально исследуют будущую деятельность субъектов политики, используют методику по снижению политического отчуждения, координируют влияние групп интересов, применяют инновации в политике [7]. Исследователи Г. В. Агеев, А. К. Сковиков, Б. Ф. Усманов верно заметили, что в современной России имеется потребность в формировании эффективных институтов гражданского общества, которые могли бы поддерживать политическую систему в относительно устойчивом состоянии [8].

В свою очередь политическая элита ЕС понимает, что правящий класс российского государства активно использует услуги православной церкви в качестве одного из инструментов в политических манипуляциях. Так 21 ноября 2016 года в Европарламенте стартовала пленарная сессия, где депутаты обсуждали проект резолюции по борьбе с «российской пропагандой», к которой, по их мнению, относятся телеканал RT, агентство Sputnik и РПЦ. РПЦ имеет, целую сеть приходов на территории Европейского Союза. Европейские политики

опасаются, что правящий класс РФ сумеет оказать воздействие на общественное мнение граждан. Единственным способом остановить экспансию Кремля, является его ограничение. Такими действиями ЕС демонстративно желает отказаться от введения конструктивного диалога с Россией.

В Европе ежегодно попираются права православных церквей и православных граждан. В знак протеста в 2015 году православные верующие протестовали в отдельных государствах (Кипр, Грузия, Болгария, Румыния, Россия, Украина) против юридических норм, навязывавшие православным верующим, как аборт, суррогатное материнство, однополые союзы, обязательные занятия йогой в школах и другие.

Руководство РПЦ понимает, что европейские ценности, господствующие в Европе рано или поздно смогут оказать влияние на российское общественное мнение. Лучшим средством предотвратить проникновение европейских ценностей в Россию остается активизация сети православных приходов на территории Европы. Воцерковленные граждане, как правило, всегда выступали той политической силой, которые могли повлиять на мнение индифферентных граждан. Руководство РПЦ, заручившись поддержкой Кремля, на протяжении десятилетий лоббирует в Европе и во многих других странах православные идеалы, которые зачастую сочетаются с российскими стереотипами.

С одной стороны получается, что европейские политики опасаются того, что РПЦ сумеет переубедить европейских граждан в вопросах религии. С другой стороны, в условиях существования санкций против РФ, наилучшим выходом является обвинение руководства РПЦ в том, что она является агентом Кремля. Следовательно, европейским политикам, чтобы сохранить новый порядок в ЕС, так или иначе необходимо ограничивать влияние информационных

ресурсов правящего класса РФ, что вполне логично и закономерно.

В свою очередь, ослабив информационное пространство российских СМИ, ЕС может дискредитировать свою политику, которая итак часто критикуется политической элитой и руководством РПЦ. Православные священнослужители неоднократно заявляли европейским коллегам, что они не соблюдают библейские заповеди, в своей деятельности они нарушают христианские каноны, которые испокон веков для Европы были главными традициями. Митрополит Иларион заявил: «Сегодня в Европе господствует нравственный релятивизм, то есть представление о том, что каждый человек или сообщество может устанавливать для себя собственную шкалу нравственных ценностей, которая необязательно должна соотноситься с общечеловеческими ценностями». Из-за глобализации акторам политики приходится пересматривать свои «доктрины». Данная проблема является актуальной и для российского государства, когда речь заходит о модернизации [9].

Стоит учитывать, что дипломатические отношения России со многими европейскими государствами выстраивались десятилетиями и зависели от множества условий. На сегодняшний день одними из ключевых элементов сотрудничества ЕС с Россией остаются вопросы в области экономики и культуры. В экономической сфере эти страны больше являются союзниками, нежели противниками, поскольку с уничтожением СССР, экономика этих государств была переориентирована в рамках капиталистической модели. Новые ценности во многом стали определяться и измеряться рыночной экономикой [3, с. 40]. Начиная с 90-х гг. усилилась антисоветская направленность постсоветской политики Российского государства [10]. В общественно-политической жизни стали главенствовать

буржуазные ценности. Несмотря на то, что в ЕС и в России демократические принципы стали доминирующими, политические режимы этих стран немного отличаются. В культурной сфере между ЕС и Россией больше расхождений, нежели согласий. В ЕС происходит внедрение идеи массовости в общественную жизнь, в то время как правящий класс РФ, в своей деятельности демонстрирует причастность к «консервативным» устоям, основанных на традиционных «православных» ценностях.

Политические элиты России в последние десятилетия активно поддерживают начинания РПЦ в области продвижения идеи Русского мира. Органы государственной власти оказывают материальную и административную поддержку миссионерской деятельности РПЦ. Потому что Русский Мир, с точки зрения иеромонаха Евфимия: «Это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники... Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке». Лоббирование подобной концепции позволяет остальному миру более тесно познакомиться с российскими культурными ценностями. Дает возможность правящему классу создать положительный стереотип существующего политического режима в России, который в основном многими демократическими странами подвергается конструктивной критике. Так или иначе, но продвижение подобных концепций позволяет правящему классу легитимировать политическую власть и видоизменить политическую реальность в том русле, которая больше всего их устраивает [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.В. Особенности взаимодействия интеллигенции и власти. *Арсеньевские чтения*-V. 2014;1:38-42.
2. Карташев А.В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской церкви. Мо-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во-первых, правящие классы стремятся поддерживать только определенные церковные институты, которые непосредственным образом отстаивают национальные интересы страны. Немаловажное значение в урегулировании отношений ЕС и России в настоящее время принимает РПЦ, позиция которой в основном носит односторонний характер.

Во-вторых, сотрудничество возможно только в том случае, когда произойдет переориентация политического режима РФ на европейский лад и переустройство культурной сферы в рамках массовой культуры, и наоборот. В этом контексте возможен диалог, нежели монолог, который ведется обеими сторонами. Во всех остальных случаях, можно только лишь говорить о взаимодействии, с постоянными переходами от соперничества к сотрудничеству и наоборот.

В-третьих, в буржуазном обществе конкуренция является закономерным явлением. Отчасти согласимся с утверждениями К. Ясперса, что только политическая активность народа позволяет достичь его политической зрелости. Политический зрелый народ становится ответственным за судьбу целого за судьбу страны. Там же, где невозможны ответственность за судьбу целого и свободное участие в управлении – там все рабы [12]. К сожалению, в настоящее время об этом современные политики зачастую забывают, поскольку в мире доминируют буржуазные ценности.

сква: ТЕРРА; 1992. 569 с.

3. Лозинский С.Г. История папства. 3-е изд. Москва: Политиздат; 1986. 382 с.
4. Черняк Е.Б. Тайны Франции. Заговоры, интриги, мистификации. Москва: Остожье;

1996. 512 с.
5. Ярославский Е.М. Библия для верующих и неверующих. Москва: Госполитиздат; 1962. 408 с.
 6. Авцинова Г.И. Тенденции информационной войны против России. *Обозреватель*. 2011;7:37-49.
 7. Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;6(56):51-54.
 8. Агеев Г.В., Сковиков А.К., Усманов Б.Ф. К вопросу о подходах в исследовании трансформационных процессов в постсоветских обществах. *Youth World Politic*. 2015;4:6-17.
 9. Тимофеева Л.Н. Россия в поисках субъектности. *Власть*. 2014;2:135-138.
 10. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Модернизация как концепт современной политологии. *Государственная служба*. 2013;1(81):79-83.
 11. Алексеев С.В. Государственно-церковные отношения в России и их значение в становлении молодежной политики. *Youth World Politic*. 2016;1:33-42.
 12. Буренко В.И. Как сохранить свободу в пост-тоталитарном обществе (К. Ясперс и современность). *Politbook*. 2015;4:88-98.

REFERENCES

1. Alekseev S.V. The peculiarities of interaction between intellectuals and authorities. *Ar-sent'yevskiye read*. 2014;1:38-42. (In Russ.)
2. Kartashev A.V. Collected works: in 2 v. V. 2: Essays on the History of the Russian Church. Moscow: TERRA; 1992. 569 p. (In Russ.)
3. Lozinsky S.G. The history of the papacy. 3-rd ed. Moscow: Politizdat; 1986. 382 p. (In Russ.)
4. Chernyak E.B. Mysteries of France. Plots, intrigues, mystifications. Moscow: Ostozhye; 1996. 512 p. (In Russ.)
5. Yaroslavsky E.M. The bible for believers and non-believers. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 408 p. (In Russ.)
6. Avtsinova G.I. Tendencies of the information war against Russia. *Observer*. 2011;7:37-49. (In Russ.)
7. Grishin O.E. Political stability: concept, factors, innovations. *Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*. 2015;6(56):51-54. (In Russ.)
8. Ageev G.V., Skovikov A.K., Usmanov B.F. Features of transformation of political of the Russian Federation at a formation stage. *Youth World Politic*. 2015;4:6-17. (In Russ.)
9. Timofeeva L.N. Russia in search of subjectivity. *Power*. 2014;2:135-138. (In Russ.)
10. Morozova E.G., Falina A.S. Modernization as a Concept of Contemporary Politology. *Public service*. 2013;1(81):79-83. (In Russ.)
11. Alekseev S.V. The state and church relations in Russia and their value in formation of youth policy. *Youth World Politic*. 2016;1:33-42. (In Russ.)
44. Burenko V.I. How to preserve freedom in post-totalitarian society (Karl Jaspers and modern). *Politbook*. 2015;4:88-98. (In Russ.)

Статья получена 29.08.2017
Received 29.08.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай В. Алексеев, Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5; serezha.kol9@mail.ru

Nikolai V. Alekseev, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 5, Yunosti St., Moscow, Russia, 111395; serezha.kol9@mail.ru

